

, приоткрыв массивную дверь школы.

Алекс остановился, развернулся и медленно пошел обратно.

В гости к Монаху

Они вышли, как только стемнело, но пробираться по тропе местных не стали. Во-первых, чем меньше людей видело пути обхода мин, тем ниже была вероятность, что кто-то к ним сунется. Как ни удивительно, но белые металлические таблички с надписью «мины» действовали. Опыт показывал местному населению, что таким табличкам стоит верить: не зная фарватера, можно остаться без ноги и даже без головы. Во-вторых, Алекс постоянно менял маршруты: нужно оставаться непредсказуемым для чужих и особенно для своих. Все, кто расслабился, уже давно были на том свете — только постоянная осторожность, концентрация и инстинкты позволяли выживать. Сила, опыт и интеллект, конечно, тоже играли важную роль в выживании, но без осторожности приводили хищника к смерти.

Они дошли через 15 минут. В кромешной тьме обогнув полуразрушенную пятиэтажку, Алекс громко прокашлялся, демонстративно медленно извлек патроны из винтовки и положил ее перед собой. Достал из-за ремня «бердыш»^{[1]*}, вытащил магазин на 18 патронов и убрал его в карман, отвел затвор, положил оружие перед собой, поднял обе руки и отступил на два шага назад. Вокруг стояла тишина. Ни звука. «Молодец Монах, постоянно меняет огневые точки, каждый раз, по науке прям», — подумалось ему. Он вычислил шесть направленных в его сторону стволов. С момента появления Алекса в поле зрения они не шевелились, потому стрелков практически невозможно было обнаружить. Из-за кузова сгоревшей «газели»^[2] отделилась тень в снайперском камуфляже и бесшумным шагом быстро приблизилась к Алексу.

— Патроны не трогай: они все в карманах на рукавах и в разгрузке на груди. Это мои патроны, — четко ставя акцент на слове «мои», процедил Алекс, пока ему накидывали на голову мешок и обыскивали одежду. Его слова проигнорировали — кто-то молча вытащил все магазины.

— Я не один в гости к Монаху, — процедил он, подавляя гнев. Он знал, что они попытаются отбрехаться на обратном пути: мол, караул сменился, знать не знают ни про какие магазины... Отобрать патроны у гостя такого уровня считалось высшим шиком, означало подняться на несколько ступеней в иерархии, вырасти в глазах других членов банды.

— Обижаешь, Алекс: мы твоего пацана лысого давно на мушке держим. Э, пацан, вылезай давай, — тихо ответил хриплый голос из темноты: видимо, со второго этажа другой брошенной девятиэтажки.

Только когда Кэт вышла из своего укрытия и отложила оружие, как Алекс, они разглядели ее и поняли, что ошибались: из-за короткой стрижки приняли ее за мальчишку.

— Ты смотри: это даже не антителка^[3] — тут у нас целая антитёлочка, — раздались грубые смешки. Обыскивающий облизнул губы: его руки скользнули по ее упругой груди, небрежно обыскивая хлопками, опустились к ягодицам и сжали их. Он явно ожидал реакции, но она молчала, стиснув зубы. Он наклонился и продолжил ощупывать голень, икры, внутреннюю сторону бедер, а остановившись почти у промежности, тяжело задышал.

— А ей нравится, — ухмыльнулся он. — На обратном пути загляни ко мне, маслят тебе отсыплю.

«Я обязательно как-нибудь к тебе загляну, — подумала она. — Тварь, ты очень пожалеешь и еще будешь умолять, чтобы я скормила тебе твои же маслята». Звонкий шлепок ладонью по заднице гулко отразился коротким эхом от стен.

— Кэт? — спросил Алекс.

— Все нормально, — спокойно ответила она.

С мешками на голове их повели через баррикады из остатков мебели, камней, металлических ворот, остовов сгоревших автомобилей и бронетехники, проволоки и бетонных блоков. База Монаха скрывалась на территории резервных складов, затерявшихся в жилой застройке.

Гамбургский счет Монах Территория 97

— Выглядишь охрененно, Монах, — поприветствовал Алекс высокую широкоплечую фигуру с бритой головой, в длинном брезентовом плаще-балахоне и с повязкой на правом глазу. Мешки с них сняли, так что можно было рассмотреть помещение в тусклом свете керосинки на спирту. Мужчина стоял спиной к Алексу и, не поворачиваясь, готовил растворимый кофе в кружке.

— Зато чувствую себя херово, — проговорил Монах, добавляя

кипяток в кружку до самых краев.

Алекс помолчал, ожидая продолжения. Монах сделал небольшой глоток из кружки, потом передал ее стоящему рядом стрелку. Тот тоже пригубил из кружки так, чтобы было видно, что он действительно отпил из нее, затем передал Алексу. Алекс улыбнулся, принимая тускло поблескивающую кружку — железную солдатскую люминьку[4] — с горячим кофе. Кофе был признаком гостеприимства, а «монахи» оказывали его раз в сто лет. Глотки из кружки заменяли рукопожатия и показывали отсутствие злого умысла.

— Знаю. Сегодня днем ты завалил Андрюху и еще двоих. Что за перцы с ним пришли?

«Ого, как быстро распространяется слух, — насторожился Алекс. — Проверяет и хочет показать, что все контролирует, что сегодня он сверху». Он отпил пару глотков и передал кружку Кэт. Монах все еще не смотрел на пришедших.

— «Барсук»[5] пристрелянный или новый достался? Сколько цинка[6] взял, Монах? — это был чистый экспромт: Алекс совершенно не был уверен, что «монахи» перехватили оружие конвоя.

По лицу Монаха пробежала кривая ухмылка: значит, в точку попал. Вот откуда он знает — развязал «языка» из залетных! Может, не все так плохо: если о конвое знает только Монах и его свора, шансы, что гарнизонные не сунутся к ДОМу, растут. Монах сделал неопределенное движение головой в темноту, и в дальнем углу большой комнаты загорелся светодиодный фонарик. Один из стрелков осветил сидящее на стуле тело: связанные за спиной руки, босые лодыжки привязаны к ножкам стула. Камуфляжные штаны с той же цифрой, что у того, которого днем уложил Алекс, были залиты кровью. Голова упала на грудь и лица не было видно — тело не подавало признаков жизни.

— Что за чебланская манера вопросом на вопрос отвечать? — в голосе не было агрессии. Монах повернулся к ним и мельком скользнул взглядом по силуэту Кэт в полутьме, переводя сощуренный взгляд на Алекса.

— Да кто ж знает, кто они... Интервью они нам не успели дать, а мы адрес прописки и размер обуви не спрашивали. Ты не быкуй — ты же знаешь, я к тебе с уважением.

— Каким уважением? — Монах искал подвох в словах Алекса. — Уважать надо было деньги, чтобы они тебя уважали. Так мой отчим говорил. Тогда, в ТОЙ жизни. Именно уважать, а не

боготворить. Деньги-Товар-Деньги. Вот ты меня кем назвал: товаром или деньгами? — любой ответ, даже отрицание, мог закончиться открытым конфликтом.

— «Деньги — это особый товар», как говаривал старик Маркс. Деньги тогда, с его точки зрения, были мерой труда, — начал Алекс.

— Деньги после Маркса, в эпоху Союза, были средством обмена. Всего лишь. Маней из меанс оф эксчейндж.

— Ты же Союз застал еще? Помнишь, как было?

— Ну, — требуя продолжать, ответил Монах, сев напротив Алекса на край стола. Кэт незаметно пыталась посчитать количество стрелков в помещении.

— Но постепенно деньги стали значить все больше и больше. Люди даже не заметили, где что пошло не так и все начало меняться. Безумная метаморфоза — смотри, как хитро все получилось, — Алекс убедился, что Монах продолжает его слушать. — Сначала на деньги можно было покупать еду и вещи. Раньше говорили — ширпотреб. Вещи становились все дороже: красивые итальянские сапоги, украшения, шубы... В обмен на вещи можно было получить другие вещи — а можно было и женщину. А потом и женщина сама стала вещью, ширпотребом.

— Ты что, мне свою бабу предлагаешь? Не пойму, к чему ты клонишь. Давай короче.

— Нет, не предлагаю: я знаю, у тебя с этим добром все в порядке. Потерпи: бабы сами стали ширпотребом при Ельцине. Добровольно. Не все, конечно, но многие. Женщины со временем становились все дороже и дороже. Интересно?

Монах начал терять терпение.

— Вот и я о том же. А потом вещью стал сам мужчина: тот, который с деньгами — полезной, тот, что без — бесполезной. А потом все вещи перестали иметь ценность. Их стало слишком много, улавливаешь? Слишком много машин, слишком много шмотья... Как и люди, мужики и бабы: их стало слишком много, и они потеряли ценность. Как при инфляции обесценились. Как и деньги теперь ничего не значат — так и люди, даже хорошие бабы, стоят теперь совсем ничего. — Он заметил, как Монах разглядывает Кэт. — А что всегда имеет ценность?

Монах оторвал взгляд от нее и перевел на Алекса:

— Не тяни кота за яйца. Утомил уже.

— Ценность всегда имеет информация. Если ты ею владеешь один, то ты на коне, если вдвоем — то вы партнеры, если все владеют информацией, то ты труп.

— И?

— Я про цинк почему спрашивал: я к тебе с подарками пришел, не с пустыми руками. На подходе к «Пентагону» два цинка тебе оставили. Вносить не стали, потому что твои архаровцы уже в край охренели, — Алекс постарался сделать интонацию как можно безразличней. — Боюсь, не дошли бы до тебя: мне уже который раз на выходе не отдают мои патроны.

Монах побраговел, но сдержался. Он выдавал патроны лично и спрашивал их строже, чем в советской милиции. Неучтенка означала спекуляцию, которую он не контролировал, а распределять блага — это только его привилегия. Он выдавал их так бережно, чтобы его «псы» всегда были слегка голодными. Попытка иметь собственные ресурсы очень жестоко пресекалась. Монах отдавал еды, воды, одежды, жизненного пространства ровно столько, сколько считал необходимым — то есть по минимуму. Недовольных и несогласных карали смертью без особых разбирательств. Такая строгость компенсировалась тем, что он применял такую аскезу и к себе, за

что и получил прозвище «Монах» (хотя многие думали, что его так называют за плащ-палатку с капюшоном, которую он носил практически круглогодично). Некоторые связывали его прозвище с тем, что последние несколько лет до Катастрофы он прослужил иереем в Михайловской* церкви. Впрочем, это никак не помешало ему сначала организовать и возглавить самооборону из прихожан, а потом, по мере того, как вирус и катастрофа выкашивали самых слабых, сколотить военизированное поселение монастырского типа.

Правда, реальная жизнь в Михайловском не имела ничего общего с духовным христианским укладом. Поселение на территории бывших складов имело свою кухню, небольшой импровизированный госпиталь, школу, казарму и даже бордель. Женщин он брал себе в поселение только сильных, молодых и здоровых. Все они проходили через роль его наложниц, а потом, когда надоедали ему, переходили в бордель. Но никто из мужского населения не имел права прикасаться к женщинам без его разрешения, потому что эту привилегию — ночь с женщиной — нужно было заслужить. Для многих это оставалось недостижимой роскошью: они были готовы практически на любые жертвы, ведомые самым древним и опасным инстинктом *Homodeus*, лишь бы получить это право — обладать женщиной. И несмотря на всю парадоксальность, положение женщины в борделе у Монаха было намного выше, чем положение любого из мужчин в иерархии Михайловки. Была известна старая байка про посла и его водителя: «У шведского посла был водитель-индеец, и девять лет тот возил посла. Иногда посол принимался завтракать сэндвичами и предлагал их своему водителю. Тот очень вежливо отказывался. И наконец, на десятом году службы, когда посол опять пригласил его, смиренно объяснил: он брамин и не может сидеть с послом за одним столом, так как посол принадлежит к низшей касте...».

Подобный статус был и у женщин в борделе Монаха. Имея фактическую неприкосновенность в повседневной жизни, они были возведены в ранг богинь, почти физического воплощения почти недоступной благодати. Будучи наложницами абсолютно подневольными в выборе партнеров, они были сродни эманациям архангелов в этом маленьком мире, подчиняясь воле Монаха и возводя его тем самым в ранг Архонта, а может, даже и Демиурга. Ведь это именно он создал этот мир, установил правила и очень просто объяснил: добро — это Он и его воля, зло — все, что направлено против Него и его воли. Они искренне считали, что, подчиняясь его выбору и отдавая свое тело, тепло, страсть и нежность посторонним, в общем-то, мужчинам, они творят благо и выполняют серьезную миссию. Они не могли исполнить возложенную на них эволюцией великую цель — деторождение: вирус делал всех выживших мужчин и женщин бесплодными, всех, обладающих антителами, без исключения.

Женщины, как и мужчины, занимались хозяйством, заготовкой запасов, помогали в госпитале. Они изучали военное дело и обращение с оружием, но главное бремя по охране и обороне несли мужчины. Женщины могли присоединиться только в том случае, если возникала реальная угроза нападения и захвата «монастыря» Монаха. За порядком в борделе, очень сложной системой взаимоотношений, соблюдением правил и табу следила 30-летняя бывшая фаворитка Монаха, Лилит. Она следила и за тем, чтобы между женщинами и рядовыми представителями мужского пола не возникало взаимных привязанностей и пар. Мужчина и женщина легко — намного легче, чем прежде — сходились и расходились. Посетитель борделя все равно платил за свою награду местной валютой — бордель требовал содержания. А вот привязанности или любовь были табу. Если кого-то уличали, то мужчин в лучшем случае навсегда изгоняли из Михайловки. Правда, происходило такое нечасто: у обитателей «монастыря» инстинкт самосохранения всегда побеждал инстинкт продолжения рода. У них практически не было времени ни на что, кроме ежедневного выживания, и если человек вступал в группу, то он сознательно соглашался с тем, что у него не будет здесь постоянного партнера, а тем более семьи.

— Но я не об этом. Есть большое дело: я один не справлюсь, и мне нужна твоя помощь, Монах. — Желаемый эффект был достигнут: Монах поднял подбородок. — Есть место, где уже три года как в заваленном гараже стоит фура с нетронутым ресурсом. — Алекс взял карандаш и на клочке бумаги написал «акватабс», чтобы не произносить вслух.

Монах недоверчиво покосился на своего стрелка, потом на Кэт.

— Не смотри на них, они не знают.

— Что, прям целая фура? Что за место?

Алекс понимал, что ставки взвинчены до небес:

— Монах... обижаешь, я же сказал: знают все — ты труп, ну или я труп. Я пришел тебе пай предложить, а ты меня додиком выставляешь.

— Откуда нам знать, что ты не свистишь? Может, мы твою фуру уже год назад откопали и отработали?

Монах явно блефовал: такое количество реагента, дезинфицирующего воду, обрушило бы примитивную экономику всей южной и юго-восточной части Территории 97 и не осталось бы незамеченным. Владелец такого ресурса при должной осмотрительности смог бы покупать «монастыри» пачками, а может быть, даже и добыл бы билет в Цитадель. Конечно, каждый выбирал свою судьбу сам — не все стремились стать свободными гражданами Цитадели, но большинство отдало бы все, чтобы оказаться там. И дело вовсе не в том, что в Цитаделях был порядок, закон, безопасность, еда, почти нормальная жизнь. Говорили, что, в отличие от Территории с ее ежедневным ожиданием смерти и борьбой за выживание, в Цитаделях есть надежда. Надежда все изменить, повернуть историю вспять, пересдать тот экзамен, который с оглушительным треском провалило человечество. Надежда, что этот зверинец закончится.

Формально в Цитадель было невозможно проникнуть: за это чужаку полагалась мгновенная смертная казнь без формального расследования по протоколу №7. Китайские комендатуры дактилоскопировали, провели генетический анализ ДНК, Iris-распознавания и внесли эту информацию в цифровой профиль, который помимо пищевых, половых, поведенческих предпочтений содержал еще 40 пунктов на каждого порка в пределах Цитадели. Каждый ёаусаэ гонмин (гражданин цитадели) был оцифрован, его действия, передвижения, речь контролировалась и записывалась. Отклонение от норм фиксировал допотопный ИИ «Ли-се-нок». Но ходили слухи, что за очень большую взятку в базу могли внести твои данные вместо выбывшего.

Катадин

Алекс показал глазами на стрелков и достал из кармана одну таблетку. На желтоватой пластиковой упаковке была видна латинская надпись: Purifier Tablets Katadyn.

— Ну-ка, прихожане, прогуляйтесь, — скомандовал Монах своим стрелкам.

— Катадин. Импортный. Даже лучше наших, — Алекс передал таблетку Монаху. Тот вскрыл блистер и бросил таблетку в кружку с водой: реагент зашипел и начал растворяться, выпуская облачка пузырьков. Запахло хлоркой, как в бассейне.

— И что ты хочешь? — Монах теперь смотрел Алексу в глаза.

— Половину просить как-то неудобно... — каждый раз, когда заключали сделки в этом мире, Алекс вспоминал, как много ненужных условностей и реверансов нужно было сделать для заключения договора в ТОЙ жизни. — Контрольный пакет тебе, 49% мне.

— 49%? — Монах расхохотался. — Не, так мне не интересно. Расходимся, девочки. Я, конечно, мог бы сделать вид, что согласился, а потом по системе Пердуччи забрать все себе, а тебя завалить. Но не хочу брать грех на душу. Ты не из тех, кого сложно в соседях иметь. Я бы не стал разбрасываться дружбой с тобой. — Монах похлопал в ладоши, и стрелки вернулись.

— А как тебе интересно? — спросил Алекс.

— Считаю по людям — сколько у тебя, сколько у меня — и делим по головам. Так и коммерция хорошая, и справедливость, тем более я еще даже не знаю, под что подписываюсь. Ты же молчишь про место — может, я вообще не соглашусь.

«Проброс мимо ворот, Монах», — про себя сказал Алекс, рассматривая деланно безразличное лицо собеседника.

— Монах, меньше чем за 30% я свою задницу под приключения подставлять не буду. Не резон мне твой гарем содержать. Я тебе дело предлагаю, которое тебя королем сделает. Собираешь на эти бабки маленькую армию, забираешь нефтебазу на Володарского, перевозишь туда всех своих порнозвезд, еще и самые лучшие в округе сами к тебе прибегут — они-то знают, под чьим крылышком им уютнее — и покоряешь новые вершины в новом мире! А нет, так я к дагам пойду, — Алекс демонстративно медленно зажал зубами кончик воротника с цианкой [\[7\]](#), и Кэт повторила за ним жест.

Закушенный воротничок означал, что гость в любой момент готов умереть, но не делиться информацией. Когда речь шла о таком серьезном ресурсе, у противоположной стороны возникал соблазн выбить информацию пытками, но на результат нельзя было положиться на 100% — человек более-менее соображающий мог подстраховаться и направить «партнеров» в западню. Сам-то он после выдачи информации становился отработанным материалом, не жильцом.

— Ты мне Диснейленд-то в Нью-Васюках не строй, Алекс. Я с детства с Микки Маусом не дружу. 25% и все! Ну и любовь и мир. Кофе-то пей, а то оскорбишь меня. Я тебя и бабу твою трогать не собирался. Мы же тут с тобой по гамбургскому счету братаны. Забыл, что ли? И не говори потом, что вы все пидорасы, а я д'Артаньян.

Ни одному слову Монаха нельзя было верить, но ставки сделаны, господа, ставок больше нет. Монах начал свою партию, и нужно отвечать.

— 25 так 25, по рукам. Про Гамбург помню. — ответил Алекс. — Что с конвоем делать будем? Когда их подрезали? Если вчера, то уже завтра гарнизонные дроны прилетят искать своих, — он мотнул головой в сторону фигуры на стуле. Было похоже, что тело начало коченеть.

— С конвоем сделаем все красиво! Перетащим все в Имбицилленд.

Так называли небольшой поселок в километре от базы Монаха. Там в уцелевших пятиэтажках сбилась в слабо организованную толпу часть уцелевшего бесполезного, никому не нужного населения. Перетащить туда трупы и технику разоренного конвоя значило перевести стрелки. Самые сообразительные должны были понять и быстро уйти — остальные были обречены.

— Они сегодня под утро, часа в четыре, их на старой трассе на фугасе дернули. Сами, говорит, химкинские: вроде похоже на правду, их оттуда выгнали нахер. Впятером они были. Если это был разведдозор, не поперлись бы валить конвой, а потом фарцевать. Двое у тебя, двоих мы херакнули, плюс этот.

— Конвойных восемь? — уточнил Алекс.

— Откуда знаешь? — прищурился Монах.

— Сибиряк противогазы притащил торговать.

Монах перестал разглядывать Кэт.

— Пойдете сегодня. Дам тебе двоих — принесете первую партию, выдам еще людей. Сколько туда ходу?

— Часа четыре туда и четыре обратно, — уклончиво ответил Алекс.

— С двумя моими сработаете. Я тебе их подарю потом.

Монахов ход конем Алексу совершенно не понравился. С одной стороны, логика простая: Монах хотел, чтобы новый отряд сплотился. Зная, что люди перейдут к нему, Алекс будет заботиться о них как о собственных, не подставлять и беречь. Но, во-первых, в его планы не входило раскрывать чужим все устройство ДОМа и подходов к нему. Во-вторых, Монах никогда и никому ничего не давал даром, и Алекс это хорошо знал. Люди хоть и не главный, но достаточно ценный ресурс, чтобы сделать Алекса обязанным. Что Монах потом затребует взамен?

— Ладно, хорошо, потом разберемся.

— Позовите мне Лильку и Раздолбая. И уберите тут, — Монах подошел к телу на стуле. — Хорошо хоть не обоссался, стул не испортил. Видать, они три дня и не жрали толком.

Когда они уходили, Монах, галантно улыбаясь, открыл дверь Кэт, перехватив полный змеиного яда холодный взгляд появившейся Лилит. «Если мужчина открывает дверь автомобиля женщине, одно из двух — либо это новый автомобиль, либо новая женщина, — вспомнил старую присказку Алекс. — Вот ты куда, сука, метишь! Ты на Кэт запал... Отсюда весь твой покровительственный тон и щедрые подарки. Ты решил бартер сделать, не спросив меня.

Мужи духовного сословья не чужды были суесловья,

Хоть и служили при богам, погрязли в низменных грехах.

Ах ты мой халиф-хан-султан Сулейман Великолепный! Ну посмотрим еще, чья возьмет».

[1] Российский пистолет ОЦ27 конструктора Стечкина, считался одним из лучших пистолетов. Предусматривалось три варианта ствола: под патрон 9×18 мм ПМ или ПММ, под 9×19 мм «Парабеллум» и под 7,62×25 мм ТТ [2] Мини-грузовик, пикап российского производства [3] Народное прозвище людей обоих полов, обладающих иммунитетом и устойчивыми антителами к Вирусу [4] Алюминиевая солдатская кружка [5] Российский пулемет на базе ПКМ под патрон 7,62, входил в оснащение гарнизонных конвоев [6] Магазин с патронами [7] Ампула с цианистым калием. Является одной из валют? имеющих хождение на Территории 97

Радужное небо Территория 97

Они пешком возвращались к месту, где у них забрали патроны: четверо плюс дозорный. Лилит поглядывала на Кэт, но заговорить не решалась, а Кэт будто не замечала присутствия новых членов команды. Им вернули все патроны — караул уже успел смениться, до рассвета оставался час. На выходе из зоны, которую контролировали «монахи», несколько человек в снайперском камуфляже, похожие на собак породы комондор и готовые в считанные секунды превратиться в бесформенные кучи, слившись с местностью, толкали гарнизонные автомобили по дороге. По

одному бойцу «монахов» сидело за рулем каждой машины, а внутри лежало по четыре трупа. Один из трупов с трудом поместился в кузов: его голова не давала закрыть дверь. Дверь небрежно привязали проводом к подголовнику заднего кресла, из-за чего голова болталась и с гулким звуком стучалась о металл. Двигатели были повреждены взрывами, но ходовая чудом осталась цела. До Имбицилленда оставалось метров восемьсот почти по прямой. На группу Алекса никто не обратил внимания. В пятидесяти метрах от последнего поста «монахов», в неплотно закрытом багажнике старенького форда, лежало два цинка пулеметных патронов 7*62. Алекс передал металлические ящики сопровождающему:

— Поблагодари Монаха за все.

Боец кивнул и растворился в темноте.

— Кэт, идешь впереди, вы двое за ней, я замыкающий. Давайте поторапливаться, времени в обрез! — Кэт ускорила шаг и нырнула в узкий проход между кустами, за ней тенью скользнул Раздолбай. Лилит слегка притормозила, оглядываясь и то ли пытаясь запомнить место, то ли оценивая вероятность слежки за группой.

Винтовка Алекса уперлась дулом ей между лопаток и слегка подтолкнула вперед. Он сделал это с явным удовольствием — даже почувствовал что-то типа отголоска интереса к ней. Она же обернулась и яростно сверкнула глазами, сжав зубы, но не проронила ни слова. «Этот хрен вообще офигел вкрай!», — выругалась она про себя.

Статус, которого она достигла у «монахов», позволял стереть в порошок любого человеческого самца или самку за исключением самого Монаха. Она давно чувствовала себя верховным судьей, прокурором и палачом одновременно. Пусть она сейчас не в фаворе, но ее час еще придет! Пусть у Монаха сейчас другие фаворитки — таковы мужики, все они кобели по натуре. Но придет время — и она перестанет пить из дырявого сосуда и вновь станет Королевой. А сейчас можно придушить свою гордыню и гнев, досчитать до десяти и идти дальше. Она давно не выходила «на охоту», и древние инстинкты заиграли в ее груди приятным, пусть пока еще небольшим холодным пламенем. Она устала от этих сук и кобелей, и выход в группе Алекса был глотком свежего воздуха. Лилит была в хорошей форме, каждый день тренировала себя наравне с бойцами «монастыря» и следила за внешностью.

Алекс смотрел, как она бесшумно и быстро двигалась. Кошачья гибкость и мягкость — он назвал бы ее Туманом. Глядя на нее, он даже вспомнил детский стишок про туман:

The fog comes.....Туман обступает

on little cat feet.....кошачьими лапками.

It sits looking.....На картофанах тихонько присел,

over harbor and city.....Зависнув на миг над городом, гаванью

on silent haunches.....Овеял собою и улетел.

and then moves on.

Перевод N.Y.

Когда они прошли еще метров сорок, Кэт остановилась и подняла ладонь. «Всем спокойно, свои», — тихо, но отчетливо сказала она, не поворачиваясь к группе. От дерева отделилась фигура. Несмотря на то, что ночь была лунная и скоро должно было рассвети, Лилит и Раздолбай не увидели того, кто должен был прикрывать отход Алекса и Кэт в случае неприятностей.

Фигура с АКМ * присоединилась к группе. Пять теней бесшумно скользили между заброшенных коттеджей, на крышах и этажах которых уже начали прорастать тонкие стволы деревьев. Когда они выходили из владений Монаха, то не заметили еще одну фигуру, которая скрывалась в зарослях и внимательно разглядывала их в бинокль. Умение маскироваться позволяет оставаться незамеченным и в дневное время — при условии, что объект маскировки не движется. Что же говорить о ночи. После того, как фигура проводила взглядом быстро удаляющуюся пятерку, бинокль переместился в сторону «монахов», толкающих разбитые внедорожники с телами. Почти бесшумно достигнув центра поселка эта группа, стала создавать видимость нападения на конвой. Перетаскивая по телу на водительское место, они выложили остальных из автомобилей так, чтобы складывалось впечатление: они бежали в укрытие, но были расстреляны. Недалеко на небольшой площади, окруженной разоренными магазинами, стояла бочка с догорающим огнем, а рядом лежали две спящие фигуры в грязных спальниках — охрана Имбицилленда. Они даже не услышали возню «монахов».

Жители, чудом сохранившиеся трущоб, прятались на ночь в своих норах. Они продолжали существовать в основном за счет того, что перекопали всю свободную от асфальта и деревьев землю под огороды. Они были плохо организованы, плохо вооружены и одеты, что в каком-то смысле их спасало: все реже и реже они подвергались набегам банд, гастролирующих по Территории 97. Молодых среди них практически не было: урожая, который они собирали, все равно было недостаточно, и жители голодали. Все, что можно было использовать — инструмент, посуду, теплую одежду — давно уже растащили. Единственным, что держало их небольшую группу в поселке, было озеро, точнее, большой пруд, откуда можно было черпать воду. Ее обеззараживали в пластиковых бутылках светом солнечных лучей — правда, очень часто инфекции и болезни распространялись не только от воды, но и от плохой пищи. Иногда удавалось находить чьи-то невооруженные запасы, но такие находки случались все реже и реже. Все жилые квартиры и дома на незанятой территории трижды или четырежды были обысканы. Кто-то после Катастрофы вспомнил, что во времена раскулачивания к крестьянам приходили изымать хлеб трижды: продотряды в первый раз забирали по норме, во второй раз забирали все, в третий раз — все, что еще найдут. Летом можно было собирать грибы, но после череды отравлений жители собирали только сыроежки, а их росло мало. Какое-то время после Катастрофы в поселок подавалось электричество, но очень быстро следить за работой электростанций перестали, и они одна за другой начали выходить из строя. Остались только те, которые контролировали армейцы: они пытались снабжать население, но когда стало понятно, что государство полностью рухнуло, а энергетика требует ресурсов — встал вопрос выживания: армейцы оставили себе только автономные станции, поддерживающие собственный ресурс.

Армия тоже перестала существовать через несколько месяцев после Катастрофы: Эпидемия не обошла военных стороной. Когда рухнула страна, но еще не армия, началась возня среди тех, кто стоял у руля: менты, гвардия, фэйсы, Центробанк и даже мчсники пытались подмять под себя военных. Возня быстро переросла в смертельные столкновения, а потом и вовсе в резню. Ко всеобщему удивлению, первыми сошли с дистанции фэйсы, затем спасатели и полиция. Фэйсы на деле по-умному отошли в сторону: понимая, что им не хватит ресурсов, предложили спасателям вступить в свои ряды. Полицией же никто не руководил со второго месяца после Катастрофы. Поговаривали, что «главмент» то ли покончил с собой, то ли сбежал на Запад. Главу Центробанка Трикову армейцы расстреляли прямо в хранилище, когда она грузила фуры с золотым запасом. В схватке за ресурсы военных сошлись гвардия и армия, а победила подлость и тупость. Гордыни и алчности оказалось недостаточно, чтобы руководить отлаженной армейской системой. И маршал Оров, как он себя провозгласил на следующее утро (после отравления всего высшего руководства армии вместе с верховным главнокомандующим), развалил единственную структуру, способную спасти страну от гибели и разрушения.

Китайцы пришли на руины, практически не встретив никакого сопротивления, даже наоборот — где-то их ждали и встречали с надеждой. Ирония истории заключалась в том, что китайцы не изменили своим традициям: когда встал вопрос, кто именно будет оплачивать пулю для Орова, родственников найти не смогли, и было решено рекрутировать Орова на службу на один день. Маршал несуществующей армии и страны давал присягу в качестве рядового ККА *, и его мозгов не хватило на то, чтобы понять: земляные работы, куда его послали сразу после присяги, напрямую относились к отработке стоимости его последней пули. Он копал траншеи для захоронения трупов: организованная уборка с улиц и погребение началась только с приходом китайцев. Его не смутило, что он был единственным, кто принимал присягу, и что он один копал траншею. Правда, в компанию ему поставили скучающего сержанта, который практически весь день просидел на бордюре неподалеку. Оров даже прочитал про себя «Отче наш», слова которой помнил с трудом (ему вообще сложно давались тексты более чем из двух предложений). Прочитал как мог, своими словами, на память, и благодарил провидение за избавление. После наряда его вызвали в канцелярию, открыли счет в Народном Банке и зачислили туда 0,0001 криптоляня *. Оров был удивлен, обрадован и долго благодарил капитана интендантской службы по-русски, по-английски и по-китайски. Благо он запомнил, что «спасибо» по-китайски звучало очень смешно — «сиси» (谢谢). Он почти двадцать пять раз произнес «сиси», и на душе у него было хорошо, несмотря на полный презрения взгляд и кривые, опустившиеся от безразличия к Орову, уголки губ капитана. В 22-00 по местному времени 0,0001 криптоляня с лицевого счета был списан, а утром в 5-45 за Оровым пришли. Он удивился, что так рано и что ему не дали позавтракать. «Видимо, очень важное задание», — подумал он. Оров все понял только тогда, когда его поставили на край траншеи, выкопанной им же вчера, и надели мешок на голову. Он рыдал, падал на колени и кричал, что сохранил коммунистический партбилет со времен Союза, умолял дать возможность искупить и доказать. Ровно в 6-00 его расстреляли. Траншею с его телом и другими трупами закопали, никак не отметив место казни.

Жители Имбицилленда в большинстве своем мирно спали. Окна в домах почти все были либо разбиты, либо заколочены фанерой, досками и кусками ДСП. В тех помещениях, где жили люди, из отверстий в окнах торчали печные трубы, сделанные из водосточных — из некоторых струился дым. Как только «монахи» отошли от машины, из подъезда ближайшей девятиэтажки вышли двое и быстрым шагом двинулись к пригнанным автомобилям. Они начали обыскивать трупы и стаскивать с них ботинки: в карманах ничего интересного не было, но вот ботинки имели огромную ценность. Настоящие армейские ботинки были только у гарнизонных, поэтому каждый пытался урвать себе больше пар, и скоро ссора переросла в драку.

Их возбужденные крики разрезали предрассветную тишину, потому что они не услышали рокот двигателя беспилотника, посланного на поиски пропавшего конвоя.

Связь с конвоем часто прерывалась из-за небольшого 40-километрового радиуса действия: китайцы опасались предоставлять гарнизонам слишком мощные средства связи, ведь это лишняя возможность общения и объединения соседей. А объединенные гарнизоны — это вероятность мятежа. Для прямой связи с комендатурами в Цитаделях и с гарнизонами китайское командование использовало векторный военный спутниковый канал, но тот давал возможность связываться только со своей вышестоящей комендатурой. Гарнизоны, состоящие из местных, бывших полицейских, гвардейцев и военных, патрулировали радиус в 50-70 километров, чтобы подавлять нежелательную активность населения вне Цитаделей, уничтожать опасные группы, если возникала статистическая вероятность попытки нападения. Иногда гарнизоны действовали в тушении пожаров и в других чрезвычайных ситуациях, но никогда для помощи живности *. Проблемы выжившего населения не волновали как китайцев, так и личный состав гарнизона. Очень часто конвой на рейде сам переходил в режим радиомолчания, стараясь не дать себя обнаружить. После Катастрофы автомобильные трассы были нашпигованы фугасами с

детонаторами, реагирующими на радиоманнитную активность. По инструкции экипаж должен был выходить на связь не реже, чем раз в восемь часов: через двенадцать часов молчания объявлялась тревога, через двадцать четыре часа высылался поисковой дрон.

Разбитый конвой в Имбицилленде был обнаружен достаточно быстро. Операторы в гарнизоне, наблюдая через экраны мониторов, скрупулезно пересчитали каждый труп. Если в живых никого не оставалось, то инструкция относилась разграбленный конвой к безвозвратным потерям. Такое происходило нечасто, но за телами никого не посылали: надо было беречь ресурсы, подвергать риску еще одну группу было абсолютно не прагматично. Это было сродни тому, как тела погибших альпинистов оставляли на Эвересте. А вот наказать виновных было необходимо, причем сделать это надо было максимально жестоко и впечатляюще.

Всего насмотрелся я в суетные дни мои

Есть праведник, гибнущий в праведности своей,

И есть нечестивец, долговечный в своем нечестье.

Монах стоял на наблюдательном пункте и смотрел в бинокль на Имбицилленд. Весь «монастырь» находился в укрытии: они давно научились создавать видимость вымершей территории, облачаться в термоблокирующие костюмы, чтобы свести преимущество тепловизоров к минимуму. Выживание после Катастрофы — школа с оценками, написанными кровью. Самая частая оценка «2». Отличники знали, что единственный педагог в этой школе, Смерть, ставит оценку «хорошо» только тем, кто на все сложные вопросы по всем предметам заучил единственную тактику, позволяющую выжить: «Будь невидим, исчезни!». В этом новом мире даже сама Смерть не знала, как выжить, на «отлично».

Светало. За считанные минуты перед рассветом появился едва уловимый гул двигателей «Радуг» СН5 *, которые шли группами по четыре на разной высоте, заходя на уцелевшую жилую застройку с востока. Наземная станция управления всегда была подчинена офицерам ВВС Китайской Коммунистической Армии, и хоть дроны взлетели с базы на Территории 97, управлялись они удаленно, через уцелевшие спутники. Гарнизонные никогда не допускались к пилотированию, чтобы не допустить использования дронов в ненадлежащих целях: те были самым серьезным оружием на Территории 97, так что предоставление местным такой смертоносной машины считалось недопустимым. Их двигатели с турбонаддувом звучали, словно немецкие мессеры * времен Второй Мировой войны. На горизонте багровела огромная темно-лиловая шапка необъятной тучи, не предвещающая ничего хорошего на рассвете.

Никто из людей, населявших Имбицилленд, не видел, как одна за другой отделялись от дронов ракеты. Спустя несколько секунд ракеты начали пробивать стены пятиэтажек. Сначала всколыхивалось здание и земля вокруг, потом дома и руины освещала яркая краткая вспышка, и только после нее начинали доноситься оглушительные раскаты взрывов, на которые накладывались скрежет, стук и грохот оседающих зданий. Грибы, переходящие в тучи пыли. Монах считал вспышки: тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, сорок... Имбицилленд превращался в сплошное облако пыли, но внутри него продолжали сверкать вспышки, словно молнии в грозовых облаках. Там не было оповещателей о воздушной тревоге, и большинство жителей обваливались вместе со стенами своих жилищ сразу в небытие. Последнее падение. Ничего не понимающие люди не знали, что вчера расположились на местах своих безымянных могил. Сами не осознавая, они навсегда очистились от всех людских грехов. Заваливаемые огромными обломками, они почти не кричали, а умирали молча. Все это было настолько неожиданно и быстро, что они даже не успевали подумать и испугаться.

Местами начали вспыхивать пожары, и те, кто еще оставался жив, в оцепенении и с ужасом наблюдали, как рушится карточный домик их надежд. Человека лет шестидесяти, взрывной волной выбросило из рухнувшего дома через окно. Он стоял, все еще живой, на разбитых коленях, весь обсыпанный пылью, будто мукой: серая кожа и пепельные волосы на голове придавали ему вид героя комедии, чихнувшего в муку. Но никто не смеялся. Разодранными в кровь ладонями он опирался на бедра, чуть наклонившись, молча стоял и ожидал своей участи. Казалось, он испытал облегчение за мгновение до того, как осколки ракеты, попавшей в соседний магазин, разорвали его тело на куски.

Уже рассвело, но внутри Имбицилленда — там, где не вспыхивали взрывы — царила кромешная тьма и ужас. Жилые дома не были надежными убежищами: один за другим они разлетались в клочья, изрыгая острые кирпичные осколки, дождем оседающие рядом с домами, и разбрасывая по округе тяжелые куски бетона. Атака длилась всего пять минут, не больше, но на территории бывшего Имбицилленда не осталось ни одного целого здания. Только груды обломков, издавала напоминавших горы в тумане, и раздувающиеся пожары, в которых плавилось и сгорало все: стекло, металл, люди. Беспилотники ушли на север. Гул двигателей стихал вместе с удаляющимися силуэтами «Радуг».

«Монастырь» словно вымер: ни единого движения, ни единого звука. Монах продолжал молча смотреть. Небо начало заволакивать дымом, но пыль не оседала. Монах пристально вгляделся в западный сектор в бинокль и увидел нечеткую линию в небе. Линия постепенно разрывалась и превращалась в точки: послышался звук возвращающейся эскадрильи. Монах удовлетворительно кивнул сам себе лысой головой и быстро скрылся в люке под наблюдательным пунктом. Никто не выйдет на поверхность в течении суток: ровно столько еще будет висеть дрон-разведчик в небе, добывая всех несчастных, уцелевших в этой адской мясорубке. Эскадрилья возвращалась на второй заход, чтобы полностью зачистить Имбицилленд от живности кассетными бомбами. We kill because we can.

to V

Не играют на весь город Прокофьева,

Молча стены стоят умирая.

И удел душонок дистр`офьевых

Торговать своей энтелехией

Пред вратами чужого Рая.

[1] 7,62-мм автомат Калашникова модернизированный (АКМ, Индекс ГРАУ — 6П1) — автомат, принятый на вооружение ВС Союза ССР, в 1959 году, взамен автомата АК (Индекс ГРАУ — 56-А-212) и являющийся его дальнейшим развитием. [2] Китайская Коммунистическая Армия [3] Криптолянь (加密两) имеет хождение только в Цитаделях. Ошибочно может называться «криптоженька» от названия «крипто-жэньминьби». За искажение названия валюты предусматривается наказание в соответствии с Кодексом Цитаделей. [4] выжившее население вне Цитаделей и гарнизонов [5] тяжелый ударный БПЛА китайского производства, способный нести 16 высокоточных ракет, [6] Мессершмитт Bf 109 (нем. Messerschmitt Bf 109, традиционное для СССР написание — Me-109) — одномоторный поршневого истребитель-низкоплан, состоявший на вооружении Люфтваффе и ВВС различных стран почти 30 лет.

Рождение нового негодяя. Серебряный крестик

Они не стали заводить их на тропу к ДОМу. Алекс остался с Лилит и Раздолбаем в крайнем из заброшенных гаражей, с проржавевшими воротами в лохмотьях серой краски, а Хачик и Кэт пошли в сторону ДОМа снаряжаться. Когда в самом начале банды грабили все населенные пункты почти ежедневно, Алекс пару недель прятался в подвалах бежевого гаража. Когда он пришел к нему в первый раз, ворота были приоткрыты, а бетонный подъезд покрыт порослью молодняка: некоторые стволы были уже в сантиметров тридцать в высоту. Даже в ТОЙ жизни гараж выглядел давно заброшенным и растасканным: все, кто входил в него, торопливо раскидывали ящики, пустые бутылки, битое стекло, остатки деревянных рам и вскоре уходили, понимая, что все ценное давно унесено. Весь пол был завален хламом, но прежний хозяин обустроил тайник, небольшую подземную комнату: видимо, прятал свою вторую жизнь от жены. Кто теперь разберет.

Алекс обнаружил ее не сразу: надо было отдать должное бывшему владельцу — он сумел хорошо спрятать от чужих глаз свой тайник. На импровизированном рабочем верстаке валялись подшипники, саморезы и старые запчасти. За ящиком с инструментом, в нише, Алекс наткнулся на неприметный рычажок: когда он дернул за него в первый раз, то даже не понял, где раздался щелчок. Сам рычажок (который, как выяснилось позже, соединялся тросиком через стену и подпол с механическим замком люка) запомнился Алексу вместе со звуком щелчка. Как назойливая муха, рычажок снова и снова заставлял Алекса вспоминать о себе — и так несколько дней, пока тот не вернулся, чтобы обыскать помещение более досконально. Он чувствовал, интуитивно понимал, что рычажок приоткрывает дверь возможностей, и через некоторое время его терпение и упорство были вознаграждены — он нашел люк и проход в тайную комнату.

Поначалу Алекс даже хотел обустроить себе в гараже жилище, но отказался от этой идеи. Да, там можно было прятаться, но отсутствовал обзор окрестностей, а если выйти, то становился беззащитным перед наблюдателями на расстоянии. Алекс их никак не мог бы заметить, а вот дым от костра, напротив, был хорошо виден всей округе. Рядом нигде не было воды. Зимой можно было топить снег, но его следы выдавали бы месторасположение и служили бы своеобразной приманкой как для заезжих мародеров, так и для выживших местных, которые шерстили все окрестности в поисках съестного и средств выживания. Алекс ушел оттуда, когда однажды услышал из подполья, что кто-то в третий раз за ночь обыскивает гараж в поисках запасов.

С едой становилось все тяжелее и тяжелее. Алекс предполагал худшее в людях, но они оказались еще хуже. Наряду с тем, что звериные инстинкты заставляли выживших не останавливаться ни перед чем, никаких запретов теперь не существовало — они продолжали иногда убивать просто так, безо всяких причин, даже не ради выживания или развлечения. Он же считал себя другим — он никогда не убивал просто так, а уж ради развлечения тем более. Всегда находилась причина. Первым был молодой двадцатипятилетний выживальщик, которому не повезло сделать схрон в лесу недалеко от Михайловки. Удивительно, как много тайников успели наделать в Подмоскovie до Катастрофы — Алекс даже не думал, что в окрестностях поселка могут быть созданы сотни, если не тысячи, нычек! Он заметил человека, который пытался быть незаметным, но у него плохо получалось. Его выдавал камуфляж с бесчисленными карманами, новенькие, хоть и покрытые пылью берцы, тактические перчатки, большой немецкий штык на поясе, а самое главное — саперная лопата на поясе, без чехла, с налипшей грязью и глиной. Когда Алекс заметил его, ему показалось, что человек уже что-то выкопал и несет в своем рюкзаке. Голод делает существо хищным, подлым и расчетливым, но Алекс твердо решил по-человечески убедить «камуфляжника» поделиться. Он видел, как «камуфляжник» быстрым шагом идет в сторону леса на излучине речки. До него было метров триста: Алекс сокращал расстояние, стараясь особо не светиться и пробираться по кромке лесополосы. Один быстро нагонял второго, благо получалось, что по кромке короче. Алекс почти нагнал его, когда чужак повернул к лесу и остановился у первых сосен, достав из кармана какой-то листок. Между ними оставалось уже всего-то метров

пятьдесят, а Алекс все еще не был замечен. Он подбирался все ближе, пока человек в камуфляже снял лопату и принялся копать. Он не замечал, как Алекс подходил все ближе и ближе, пока под кроссовкой не хрустнула ветка. Алекс замер. Парень вздрогнул и повернулся в его сторону — они смотрели друг на друга несколько секунд, когда «камуфляжник» вдруг кинулся к рюкзаку. Алекс не видел, что в нем, но сосущая пустота в животе резко толкнула его вперед, ноги как-то сами делали огромные прыжки через валежник и пни. Тело само управляло движениями, перемещаясь враскачку. Он даже не ощутил страха, когда увидел в трясущихся руках уже противника обрез дробовика ТОЗа Бм.

«Дробовик — это трындец!» — успел подумать Алекс, видя, как «камуфляжник» взвел один из курков и приложил обрез к плечу. Но не остановился и продолжил сокращать расстояние до рюкзака. Раздался хлопок, не похожий на выстрел: Алекс на бегу, инстинктивно уменьшая вероятность поражения, повернул корпус левым плечом вперед, втягивая голову в плечи. Не останавливаясь, он на миг зажмурился с непривычки, ожидая боли, ведь стреляли в упор, но боли не было. «Мажешь, сука, я сейчас тебя сам завалю». Оставалось метров пятнадцать: второй выстрел, но хлопка не последовало. «Камуфляжник» замешкался, и вместо того, чтобы взвести курок еще раз и выстрелить, он отбросил обрез и попытался выхватить штык, висящий на поясе. Алекс сбил его с ног, обхватив руками чуть ниже плеч. Несмотря на то, что за последние недели он потерял в весе из-за скудного питания, голод и адреналин превратили его в боевую машину. Колени сами наносили удары. Борьба продолжилась на земле: Алексу удалось одной рукой обхватить шею противника, а второй удерживать запястье, не давая вытащить штык-тесак из ножен. «Камуфляжник» резко дернулся, вывернулся и быстро отполз от Алекса на спине и на локтях, отпихивая того тяжелым ботинком. Он уже расстегнул подвес — сантиметров тридцать пять стали тускло блеснули в его руке — когда Алекс нащупал рукой длинную деревянную рукоять. Лопата. Противник тяжело рванул в его сторону, когда Алекс резко и коротко снизу вверх ударил насккивающего «камуфляжника» по подбородку. Вложив всю силу в удар, он ощутил концом лопаты сначала что-то мясистое, а потом плотное, увидел отшатнувшееся мелово-бледное лицо: лопата, вспоров горло и кадык, застряла в подбородке. Выживальщик выронил штык и рухнул на ковер еловых иголок, хрипя и пытаясь выдернуть лопату. Алекс откатился метра на два и отпихнул ногой обрез.

Когда Алекс пришел в себя от потрясения, то не мог отвести взгляд, полный ужаса, от тела, которое билось в предсмертных конвульсиях. Сердце Алекса колотилось, грудь часто вздымалась, руки и колени дрожали. Его трясло, он никак не мог успокоить свое дыхание. Весь перепачканный в крови, стоя на четвереньках, откашлялся и, взяв только обрез, шатающейся походкой на подгибающихся ногах побрел обратно в сторону Горок. Метров через сорок остановился: его выворачивало наизнанку, хотя желудок был пуст. «Флять, я же хотел попросить поделиться. Флинт, я убил его. Нахер ты стрелял в меня? Ты пупок? Шел бы сейчас живой со своим схроном своей дорогой». Алекс огляделся — никого вокруг. Тишина. Он присел в высокую траву и пристально глядывался во все стороны, пытаясь обнаружить какое-нибудь движение, но их никто не видел. Солнце припекало, уже конец сентября. Алекс вернулся к схрону. Выживальщик лежал там же: крови особо не было видно, но зеленый еловый ковер под трупом местами уже превратился в багряный.

Алекс отложил обрез и перевернул труп. Лопата все еще торчала из подбородка. «Я должен это сделать. Все. Жизнь такая... Теперь. У всех у нас...». Алекс с отвращением выдернул лопату и неуклюже отпрыгнул, боясь, что фонтан крови брызнет ему прямо в лицо. Ветерок трепал белый бумажный тетрадный листок. «Что за схема, бляха? Вот оно, это дерево, точка — это где копать, наверно. А че там у него в рюкзаке?». Алекс отполз к рюкзаку: в нем отыскились банка газировки и два бутерброда с большими кусками ветчины. Люди, испытывшие голод, знают, каким удовольствием взрывается вкус самой простой еды, которая тебе долго не была доступна. Это как

когда ты долго одинок или одинока, и вдруг нечаянно тебе посчастливилось встретить очень красивую женщину или мужчину, человека, влечение к которому взаимно. И само влечение, и ожидание, и сам секс у вас настолько волшебен, что вы понимаете: этот день и этот вкус жизни больше никогда не повторится.

«Фудпорн — эт вот оно, а не ваш инстаграм». Алекс сидел, прислонившись к сосне, спиной к выживальщику, держал в руках бутерброд и медленно ел. Он запомнил все: золотистую корочку белого хлеба, не слишком толстых два ломтя были разрезаны по диагонали, благоухающий копченый бекон между ними. Он вышел победителем, сидел в безопасности — и у него была еда. Рождался великий мародер.

В тайнике из некрупной пластиковой канистры он достал рюкзак, в котором был небольшой запас круп, сахар, кофе, светодиодные фонари, разный инструмент, ножи (один с компасом), один «клюв» с углублением под палец, флешки, карты памяти (вот уж непонятно, для чего), радиостанция — видимо, слушать эфир, термocup (которая, кстати, служила в ДОМе до сих пор), пластиковое одеяло, два мотка синтетической веревки, зажигалки, сухой спирт и небольшая газовая горелка. Когда Алекс стягивал с трупа ботинки — одежду побрезговал — он думал о том, как отвратно складываются обстоятельства. «Такие дела, дружище, ничего личного. Очень надеюсь, что мне больше не придется убивать из-за еды. Если ты думаешь, что это пустяковая причина, то должен сказать тебе, что одна очень знаменитая сердцеедка — не из последних новоделанных-недоделанных с надувными жёпами — а из ТЕХ, настоящих, из легенд, говорила, что еда для мужика — это не просто еда. Это маркер. Она говорила про еду сакрально. Все настоящие мужчины любят поесть. Тот же, кто вяло пробует поставленное перед ним блюдо, ковыряясь в тарелке, определенно не здоров. И это касается не только желудка. Не буду больше убивать из-за еды. Я и тебя не хотел». Алекс не знал тогда, что его единственной целью, работой и занятием на ближайшее время будет убийство, чтобы не быть убитым.

Через два дня, сидя на чердаке девятиэтажки, Алекс смотрел на площадь и не верил своим глазам: тот самый выживальщик, так же одетый, пересекал площадь. Алекс испытал подобие страха. «Что за херня? Он же все, того. Нет его...». Те же ботинки и бандана на голове. Людей в принципе ходило немного, и Алекс подумал, что у него глюки. Но, дотронувшись до обреза, понял, что тот, первый, так и остался лежать рядом со своей нычкой. «Может, послали искать первого? А может, меня ищут? Да на кой я кому нужен, чушь это. Сколько народу за последний год померло, никого уже месяцев девять не ищут. Ну-ка глянем, на фига ты приперся». Алекс торопливо спустился, судорожно засовывая обрез в рюкзак, пока хрен, привлечший внимание, не исчез из виду.

Он почти потерял его — второй выживальщик шел быстрым шагом совершенно в другую сторону от леса. Он шел к железнодорожному переезду, постоянно оглядываясь и проверяя, нет ли слежки: видимо, интуиция говорила тому, что опасность близко. «Правильно, братишка, опасность-то вот она. Я твоя опасность, только ты, олень, меня, волчару, не видишь...». Алекс почувствовал какую-то озорную иронию в том, что назвал себя хищником, преследующим жертву. Мягко переступая и прячась в кустарниках, он пока держал дистанцию. Спонтанный, не до конца обдуманный план нападения возник в голове. Скорее, даже не план — он просто интуитивно отдался инстинкту. Что-то заставляло его преследовать нового «камуфляжника» — он понимал, что рискует, но рискует за дело. «Убивать не буду, просто вырублю. Если очухается и унесет ноги, так тому и быть. Не очухается... ну так не очухается, карма».

На этот раз Алекс решил проследить издали: если выживальщик будет вскрывать свой схрон, лучше взять его после. Здесь, в этой охоте все имело значение. Алекс не знал, на сколько физически крепок выживальщик. Скорее всего, тренирован, но это его не особо пугало. Во-первых, его будущая жертва прошла пешком минимум километров восемь. Во-вторых, даже тот

минимум калорий, который сожжет выживальщик, откапывая свой тайник, дает Алексу мизерное, но преимущество. «Позавчерашняя нычка весила килограмм двенадцать-пятнадцать, плюс его собственный рюкзак, хоть он и налегке, итого восемнадцать-двадцать, — прикидывал в уме Алекс. — И это он постарается быстро унести, пока его никто не заметил. Это, конечно, не полная походная выкладка, тренированному парню нипочем, но и не налегке. Бежать ему будет тяжело». Выживальщик в последний раз оглянулся, дойдя до переезда, и перешел налево по путям.

Алекс и сам был крепким парнем. В ТОЙ жизни он следил за собой, хорошо плавал, боксировал, посещал три раза в неделю зал и постоянно выходил на пробежки. Последние недели сильно истощили его, кожа еще больше истончилась: когда он умывался по утрам в заброшенной хате, то видел новое, незнакомое тело, высушенное и поджарое. Все ненужное из тайника в прошлый раз он без сожаления обменял в поселке на еду. Он чувствовал, что силы восстанавливаются. «Он будет обходить Горки стороной: ему не захочется, чтобы его кто-то видел с двумя полными рюкзаками. Значит, он пойдет вдоль трассы — это единственный вариант уйти отсюда незамеченным». Легкая тревога окатила прохладой сердце. «А вдруг он не доставать, а наоборот, закапывать идет? Нет, вряд ли. Нахера в такую даль тащиться — он точно идет забирать нычку».

Алекс оказался прав. Выживальщик, держа в руках компас и, видимо, считая шаги, остановился, пройдя шагов двести по путям. С обеих сторон путей прорастал кустарник, но, к удивлению Алекса, «камуфляжник», стоя на коленях, стал копать в метре от путей у кромки насыпи. Он постоянно оглядывался и старался не шуметь, не привлекать внимание.

«Есть! Давай, братишка, доставай», — тихо прошептал Алекс, увидев, как его будущая жертва вытащила из земли плотный округлый сверток в черном полиэтилене.

Это был рюкзак с органайзером. Выживальщик торопливо проверил содержимое, убедившись, что все на месте, забросил его себе на плечо и поспешил в направлении трассы. Расчет Алекса оказался верным: тот бросился наискосок, избегая старой тропы, и бежал к невысокому холму, поросшему густой стеной плотного ельника. На стороне Алекса было преимущество: он знал местность лучше, ему не нужно было через каждые пару минут сверяться с картой, в отличие от того, на кого Алекс открыл охоту. Потому-то Алекс прибежал на место минуты на две раньше: устроился, лежа в ельнике, чтобы его не было видно. Нужно было только занять удобную позицию для засады. Теперь у него был обрез. Позавчерашний дурень не проверил оружие как следует: обрез дал осечку на левом стволе, потому что курок бил по корпусу и не доходил до бойка. Ружье старое, но до безобразия простое и надежное, если следить и ухаживать за ним. Алекс вчера разобрал оружие и подточил трофейным инструментом то место, которое мешало выстрелу. Выживальщик показался метрах в ста-ста двадцати и быстро шел, ничего не подозревая, в сторону Алекса, все так же озираясь по сторонам и иногда оглядываясь. Алекс смахнул пот, каплями нависавший с бровей. Одна капля ела глаз солью. Пульс был высоким, сердце колотилось, но дрожь в руках не было.

Когда «камуфляжник» поравнялся с Алексом, ему показалось, что они встретились глазами. Алекс вжался в землю. Выживальщик был только внешне похож на позавчерашнего — одинаковой у них была только экипировка. Разный рост, цвет глаз, комплекция... Алекс вспомнил, что за последний месяц видел пять или шесть подобных людей. Человек с рюкзаком на ходу скользнул взглядом по ельнику, ничего не заметил и перевел взгляд в сторону трассы. «Вы даже и не братья с тем — ну да мне так легче. Надо вот сейчас!» — сам себе скомандовал Алекс, когда ничего не подозревающий «камуфляжник» прошагал метрах в четырех-пяти от засады. Он стрелял в ноги с обеих стволов обреза, два хлопка друг за другом. «Словно настоящая дичь — прости, зайчик мой, мне тоже нужен твой рюкзак», — думал Алекс, наблюдая, как выживальщик молча падал, хватаясь руками за икроножные мышцы. Он упал на спину и почти сразу перестал шевелиться: его стеклянные глаза, не моргая, уставились в небо, а рот остался приоткрыт, словно беззвучно крича.

«Рот закрой. Что же ты сразу сдох-то, а? Я читал: это болевой шок, наверно, у тебя, братишка. Ой не хотел я тебя убивать, ой не хотел. Что же так не везет-то вам?» — бормотал под нос Алекс, доставая отстрелянные гильзы и заряжая ТОЗ по второму кругу. Он подождал в засаде почти три минуты: «камуфляжник» не шевелился, а долго высиживать здесь тоже не стоило — выстрелы могли привлечь чужое внимание. Конечно, никто бы не сунулся — мало ли кто в кого стреляет — но издали за Алексом вполне могли проследить, а ему вовсе не хотелось перестать быть хищником и становиться дичью. Он осторожно вылез из кустарника и спустился с холма, целясь в лежащее тело, медленно подошел к нему со стороны головы и ткнул ботинком в макушку. Бандана слетела. Ноги были посечены дробью и продолжали кровоточить. Падая, выживальщик скинул с себя рюкзак, и тот лежал пыльный рядом с телом. Алекс присел на корточки и положил ТОЗ рядом с собой.

«Что тут у тебя? Расстегнееееем, посмотрим... Вы смешные, как «зеленые» хомяки: наложили всякой хрени в рюкзаки, как за щеки».

Это не была острая боль. Это было похоже на ожог: справа в боку появилось что-то неудобное и очень большое, внутри тела, острое. Алекс заваливался на бок и не понимал, что происходит. Он почувствовал, как мелкий камень царапает щеку и висок при падении, а в левое ухо забиваются песчинки. Последнее, что он видел перед тем, как потерять сознание: «камуфляжник» вытер нож об штанину, поднял рюкзак и обрез Алекса и, хромя на обе окровавленные ноги, как мог стремительно удалился по тропинке в сторону трассы. Его ковыляющая фигура растворилась раньше, чем все померкло в сознании Алекса.

Женщина

Кто-то упрямо раскачивает мысль, что цивилизация началась с берцовой кости. Брехня все это. Еще до перелома берцовой кости нужно было иметь место, кров, где можно было бы прятаться и ухаживать за больным с этим переломом. Под открытым небом это невозможно — нужно место, где есть очаг. Цивилизация началась с женщины, которая поддерживала очаг и заботилась о том счастливице. Ведь берцовая кость не расскажет о тысячах других спасенных мужиков, которых женщины спасали до него, как и не расскажет о том, сколько мужиков сгинуло просто потому, что оказались они недостойны ни хорошей женщины, ни очага, ни кола, ни двора.

Алекс бредил почти целую неделю: одышка, жар. В бреду он рассказывал невидимым собеседникам про то, что зарождается новая культура, культура эта от культа, культа предков, а теперь предков нет. Культура сильных. Нет предков, нет народов. Он то засыпал, то просыпался. Просыпаясь, он иногда строго смотрел на нее и называл Намму, шумерской богиней. Говорил, что не позволяет ей оставаться в его палатах, а когда видел, что она не уходила, бессильно откидывался на подушку, ругал себя за черствость, рыдал и уходил в забытие. Она сидела рядом, молча смотрела на него и все время поила водой его обезвоженный организм. При сепсисе надо больше пить. Где она только нашла силы его дотащить? Она, семидесятипятилетняя женщина, соорудив тележку из куска фанеры, проволоки и каркаса детской коляски, тащила его от того злополучного холма к себе в железнодорожную сторожку. Когда он падал, она снова и снова затаскивала его на тележку с упорством, достойным высшей награды. Она выходила его, и на одиннадцатый день память вернулась. Он не очень понимал, где именно находится: в доме было сыро и прохладно, несмотря на теплый сентябрь. Он с удивлением разглядывал сохранившийся интерьер ее дома. Механические часы-ходики придавали существованию, потому что, когда он слышал звук механизма часов, ему казалось, что время замерло и Катастрофы не было и вовсе. Она не была его матерью, он вообще не был с ней знаком, но она казалась ему такой родной и близкой, что его сердце и все в груди обдавало теплом. Он был еще очень слаб, чтобы вставать с кровати, и был готов сгореть от стыда, когда она выносила из-под него импровизированную утку, сделанную из какой-то посуды. Дощатые полы, покрытые

коричневой масляной краской, поскрипывали, когда по ним ходили. Ее платье вишневого цвета как-то по-особенному сочеталось с пурпурными занавесками, вязанными крючком. Занавески висели на небольших окошках. «Как у меня в детстве у бабули в Рязани, только там занавески были белые». Какое-то теплое чувство наполняло его грудь, когда он говорил с ней и мысленно называл ее Ба.

— Ну как ты, сынок? — впервые заговорила она с ним.

— Жить буду, Ба, — стараясь придать голосу бодрости, ответил Алекс. — Можно я буду тебя так называть?

— Называй. А мне как тебя величать, сынок?

Алекс ответил, как его зовут. Она улыбнулась.

— Значит, Саша. — Что-то спокойное и доброе было в ее улыбке. Вся вселенная в ее старческих голубых глазах улыбалась и радовалась его возвращению в этот мир. Все хорошее, что есть в русском языке, все, что относилось к основам мироздания, было женского рода: Вселенная, планета, звезда, вода, жизнь, душа, любовь, материя. Мать и я. Та, которая рождает и дарит жизнь.

— Ба, ты одна? Где твоя семья? — спросил он ее.

— Нет, сынок, у меня семьи. А у тебя? Ты есть хочешь? — продолжила улыбаться она. Он отрицательно покачал головой.

— Расскажешь, давно я тут? Как я сюда попал?

— Давно ли? Да уж почти две недели, сегодня одиннадцатый денек. — Она помолчала. Он смотрел на нее, закинув руку за голову на подушку, лежа на спине. Он почувствовал голод и вместе с тем стеснение.

— Я как нашла тебя на тропинке, так и перетащила сюда. Крови ты много потерял: батюшки, думала — помрешь, пока тащила, думала, не выживешь. Рану-то закрыть нечем было, как смогла, перевязала тебя. — Он вспомнил, что при нем был обрез, нож и патроны. Остальное из рюкзака он убрал в тайник в том самом гараже, в подпол. Она посмотрела на него и угадала его мысли.

— Вот все, что при тебе было, тут оно, — сказала Ба, доставая из ящика старого буфета патроны и нож. — Ружья не нашла я: видно, кто-то забрал без меня, или тот, который убить тебя хотел. — Алекс подозрительно прищурился.

— Хотел меня убить? А ты помнишь, кто это был, Ба?

— Нет, я не видела. Слышала хлопки — думаю, стреляют. Пошла через полчаса посмотреть: вижу, лежишь на тропинке, весь в крови, ни жив ни мертв, ну и оттащила домой. — Она опять замолчала. — Ты потом в бреду кричал, что жизнь на ружье и еду обменял, говорил, что Марлен Дитрих тебе велела. Да не смотри так, — она заметила его недоверчивый взгляд, — мне твое ружье ни к чему. Если помру без оружия, так помру. Потом ходила на холм — вот, нашла. — Она протянула ему две стреляные гильзы. — Я так поняла, ты отстреливался, — вопросительно взглянула на него. Алекс смотрел в ей в глаза и ничего не ответил: ему совестно было врать ей, а рассказывать о своем паскудстве тоже не было сил.

— Ну да ладно, сейчас пообедаем, я тебя мучить не буду, — сказала она, вставая со стула, так и не дождавшись ответа.

Алекс пролежал еще два дня: рана ужасно болела, когда он пытался вставать. Как-то она меняла ему повязку, и он увидел, что та зашита обычными бумажными нитками. «Ба, да ты кудесница,

доктор медицинских наук!». Он испытывал к ней огромную благодарность. На третий день он начал пробовать потихоньку вставать. Она каждый день кормила его куриным бульоном с картошкой — видно, забила невесту откуда взявшегося цыпленка. Мяса было очень мало, но Алекс понимал, каких огромных трудов и усилий ей стоило вытащить его с того света, поэтому не роптал и каждый раз нахваливал ее стряпню. Получалось эпично и высокопарно. Ба смеялась, когда он называл ее «Ваше Величество, Главврач, Самый Главный Мишленовский Шеф-Повар всех времен и народов». Чувствуя себя с каждым днем все лучше и лучше, он стал думать, что делать дальше: он не хотел привязываться к ней, но и оставаться тоже не мог.

Он анализировал свой промах, едва не стоивший ему жизни. Последний выживальщик притворился мертвым, как это делают мыши, когда их ловят жирные сытые коты: не ради того, чтобы съесть, а ради игры в кошки-мышки. «Конечно, нужно было иметь чертову силу воли, чтобы так притвориться. Боль от дроби адская: поди попробуй замереть, не дыша, но это была единственная верная тактика, которая позволила ему выжить. Хорошо бы иметь напарника, как на охоте: один бы стрелял после того, как «камуфляжник» доставил свое добро из нычки, и делал вид, что преследует его. А на самом деле гнал бы этого оленя на второго в засаде, как на охоте на номера. Добычкой-то и поделиться можно». Еще Алекс понял, что стрелять по ногам было ошибкой, но и уроком для него лично. Дичь должна быть добыта. Нужно убедиться, что свалил ее наверняка. «Всегда и во всех случаях! Может, мы с тобой еще встретимся, братишка, а пока у нас с тобой ничья...»

Алекс не держал злобу на человека, чуть не убившего его. В этот раз не повезло Алексу, хотя вполне возможно, что выживальщик с простреленными ногами не смог далеко уйти. «Надо будет прошерстить тропинку до трассы. Если он вышел на трассу, то пиши пропало. Даже если не окочился — раздербанят его до нитки, раненого, и не спросят, как звать».

Ба своими ненавязчивыми разговорами создавала уют и тепло, и они подружились. Алекс залатал крышу, сделал новый порог, старый-то сгнил совсем. В подвале нашлись банки с голубой масляной краской, и Алекс покрасил и обновил фасад. Теперь сторожка была небесно-голубого цвета, исчез запах плесени, и в помещениях стало сухо. Как ни странно, при всей аскетичности и скромности сторожки здесь не было отпечатка нищерусской тоски. Дом не оставлял ощущения места, где живет надежда, но и обителью безысходности он тоже не был.

Алекс чувствовал себя совсем хорошо и сходил проверить свой тайник. При ходьбе рана еще давала знать о себе, но его это уже не беспокоило, привык. В тайнике все было как раньше: волосок, который он оставил на ящике с трофеями, остался нетронутым — значит, никто не заходил. В следующие дни он дважды прочесал тропинку и окрестности от холма до трассы, но никаких следов того, кто ударил его ножом, не нашлось. В один из дней он выменял один из трех фонарей на немного еды и даже банку пива, сохранившегося с ТЕХ времен. Это была огромная редкость, и они с Ба отпраздновали его выздоровление. Он стал очень осторожен, потому что понимал, что может легко превратиться из хищника в добычу. Если его чутье давало хоть малейший намек на опасность, если он улавливал чье-то недоброе внимание от мужчины или женщины, то он старался прятаться и не идти к месту, куда направлялся. В сторожку к Ба он возвращался все время разными путями. Алекс уходил днями, а она никогда не спрашивала, куда он идет. Как-то он не возвращался двое суток, потому что ему показалось что два местных бугая положили глаз на его ботинки и следят за ним. Он рассказал обеспокоенной его двухдневным отсутствием Ба, что не хотел приводить к сторожке хвост. Через пару дней она вынесла ему завернутый в тряпку наган.

— Дед мой всю жизнь прятал. Возьми: не знаю, правда, патроны, наверно, старые, — и высыпала из банки восемь патронов.

Алекс понял, что она до этого времени боялась ему доверять. Наган был старый, но в хорошем состоянии. Это было целое состояние. На нем было выгравировано «Г.Г.», и это было пророчески смешно: гравёр вряд ли догадывался, что две буквы Г.Г. попадут в руки того, кто назвал Катастрофу Г.Г.— Гнаб Гиб. Такие же две буквы Г.Г. были на старой фотографии в серванте Ба. Фотография была портретом красного командира, видимо, горца, в парадном красноармейском мундире с тремя орденами на груди. «Гай Гая, 1931 год, Военно-воздушная академия РККА»* — каллиграфическим почерком было выведено на обратной стороне пожелтевшей бумаги.

— Это его наган, Ба? — спросил Алекс, указав в сторону портрета.

Ба утвердительно кивнула.

— Дальний родственник моего деда. Дед всю жизнь хранил наградной наган. Участковый обещал забрать его после смерти того, а потом про наган забыли, так и лежит у меня с тех пор.

Алекс принял оружие как великий дар. Ему было не по себе от мысли, что ему придется убивать из этого револьвера, но он не подал виду. Патроны уже стали валютой, и те, которые выдала ему Ба, были очень похожи по размеру на обычные 7,62, только у гильзы было более широкое дульце. Отстреливать вхолостую их было жалко, но Алекс не мог позволить себе рисковать осечками и отстрелял два патрона, оставив остальные в барабане. Одно гнездо было пустым. Он не носил наган открыто и прятал его.

Алекс понемногу выменивал предметы из тайника на еду. Как-то раз он заметил знакомые камуфляжные пятна. Следующий выживальщик, который пришел в окрестности Горок за своей нычкой, сделанной до ГГ, оказался не таким удачливым, как тот, из-за которого Алекс провалялся весь месяц. После него у Алекса в нагане осталось пять патронов, зато снова появился обреза.

Наборы, которые прятали в тайниках, были в целом одинаковыми. За третьим появился четвертый, следом пятый выживальщик. Забирая их добро, Алекс больше не бросал, а хоронил прежних владельцев. «Не хватало, чтобы кто-нибудь увидел и скопировал мою схему охоты. Выживальщиков на всех не хватит». В поселки, деревни и города часто заезжали банды, грабящие местное население. Многие из бандитов были в камуфляже, поэтому местное население старалось прятаться при виде людей в одежде цвета хаки. Выживальщики отличались от бандитов рюкзаками на плечах и саперными лопатами: если лопата не была пристегнута к штанам, то выпирала в ткани рюкзака. Внутренний рентген Алекса научился угадывать содержание рюкзака почти со стопроцентной точностью.

Он отточил устройство засады: теперь он оставлял приманку для того, кому было суждено превратиться в добычу. Он оставлял на пути приманку в виде полураскрытого рюкзака с торчащим инструментом или пары ботинок, натертых до блеска. Еще ни один не устоял перед соблазном заглянуть внутрь. Именно в этот момент выживальщик становился глупой рыбой, проглатывающей наживку и подсекаемой опытным рыбаком.

Ба никогда не спрашивала, откуда у Алекса вещи и еда, и такой негласный уговор устраивал Алекса. Иногда она опускала глаза и подолгу молчала — в такие моменты Алекс уходил спать или заниматься хозяйством. В один из дней Алекс вернулся в голубую сторожку после обмена на импровизированном рынке, но Ба на месте не оказалось. На столе стояла кастрюля с вареной картошкой и свежий, недавно испеченный хлеб — в комнате все еще витал тот самый аромат горячей булки, но Ба нигде не было. «Она не могла далеко уйти. Дождусь ее, и вместе покушаем». Но ни через час, ни через пять Ба не появилась. Не вернулась она ни завтра, ни в последующие дни. Прочесав все окрестности и не найдя Ба, Алекс ушел из сторожки на девятый день, прихватив с собой портрет красного командира и надев на себя серебряный нательный крестик, который нашел между досками, когда чинил порог голубой сторожки.

Накрысники Территория 10

На швартовых канатах большого трансатлантического лайнера, переделанного в военно-транспортный корабль, были надеты прямоугольные металлические пластины с подвязанными грузиками. Такие щитки помогали защищаться от крыс, перебежавших по швартовым на корабль с береговых палов. Жаль, что в ТОЙ жизни не было таких накрысников от кандидатов при поступлении на работу в полицию и службы, не было таких преград для деятелей политики и журналистов.

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,

Не проси об этом счастье, отравляющем миры,

Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,

Что такое темный ужас начинателя игры!

Волшебная Скрипка Н.Гумилев

Darling boy, You are so merry, your smile is bright and clean,

Don't ask for this perfect happiness, poison for all our worlds...

You don't know, You don't know what defines this polish violin,

What secret horror hides in these initial accords.

Magic Violin N.Gumilev

Translated Serge Makedon

Четырнадцать курсантов, коллег Алекса, стояли по стойке смирно на четвертой палубе. Немолодой сержант уже бывшей армии США проводил утреннее построение. Во время занятий он кричал, а не обращался к своим подопечным, рычал, а не отдавал команды. Курсанты были разбиты на семь двоек. Джулия Джудах, бывшая скрипачка Кливлендского симфонического оркестра, и Джозеф Аримафянц, менеджер похоронного бюро из Лос-Анджелеса, входили в первую двойку. Они не сильно нравились Алексу. Джозеф держался как-то отстраненно и немного высокомерно, как будто занимался волонтерством исподволь, нехотя. Весь его внешний вид и надменная физиономия говорили о том, что он достоин лучшего, чем участвовать в истязающих

тренировках каждый день. Джулия, напротив, была очень общительной, веселой и приятной, все схватывала на лету и по многим дисциплинам могла считаться лучшей. Но Алекс видел, как в столовой она стянула и спрятала несколько тостов. Питание на корабле было строго нормировано, а белый хлеб и тосты выдавали в виде исключения курсантам из Америки. Нельзя сказать, что кормили их хорошо, но и голодными они не оставались. Пайки были китайского производства: десять видов стандартных наборов сухих пайков солдата китайской армии. Отличия только в том, что кроме комплекта утром давали кашу, в обед — суп-лапшу или рис. Хлеб или тосты выдавали раз в неделю, так что если кто-то брал больше нормы, то кому-то не доставалось. Это все знали отлично, в том числе и Джулия.

Что еще удивило Алекса, так это то, что питание было абсолютно бесплатным. Алекс знал, что в старой американской армии солдатам и офицерам нужно было платить за свою еду. Правда, финансовая служба компенсировала часть расходов, но, отправляясь на судно, никто из нынешних волонтеров не знал, как будет устроена их жизнь. Еще одно приятное открытие, которое было бы непонятно человеку из ТОЙ жизни, ожидало Алекса на борту корабля в виде часов на перебоках. Время перестало играть роль после Катастрофы. засека́ть время больше не было нужды. Люди, оставшиеся в живых, больше не назначали встреч и свиданий, не спешили на работу, не всматривались в циферблаты или экраны смартфонов в ожидании окончания рабочего дня. Время исчезло. Времена года сохранились, время суток тоже, но секунды и минуты перестали быть мерой времени. Оно перестало быть важным, как не важно время для стаи перелетных птиц в том смысле, к которому привыкли в человеческом обществе. Носить часы на руке стало не только бесполезно, но и опасно — они привлекали внимание мародеров. И если попытка отобрать часы была успешна, то единственным, что отсчитывали эти часы, были минуты или часы перед смертью нового владельца.

Алексу было приятно вновь вернуться к режиму. Подъем у курсантов был в 5:30 утра, в шесть первое построение. Утренние тренировки, затем завтрак, в 10:00 занятие по истории КПК, в 12:00 первое занятие по языку, затем обед, стрельба на огромной двухсотметровой 12-ой палубе (там устроили стрельбище), второе занятие по языку, занятие по оказанию первой медицинской помощи, промышленное скалолазание, ужин и вечерняя лекция об устройстве управления в Территориях. Напарница Алекса, Изабелла Томас, никакими выдающимися способностями не обладала, но зато была очень внимательна и добра к Алексу и окружающим. Со времени Катастрофы люди очень сильно изменились, и помощь и забота стали такими же редкими, как жемчужины в ракушке моллюска. Алекс поймал себя на ощущении, что ему приятно заботиться об Изабелле в ответ. Поначалу она не очень доверяла Алексу и его действиям, постоянно перепроверяла его слова и не успокаивалась, пока не убеждалась, что все в порядке. Алекса это веселило, и он немного подтрунивал над ней. Со временем Изабелла отпустила контроль. Они быстро подружились, и если к остальным людям на корабле Алекс не испытывал ни малейшей доли доверия, то она стала ему настоящим напарником и другом. Природное обаяние и удивительная способность вызывать к себе симпатию сделали Изабеллу другом не только Алексу, но и Джулии Джудак. Женщины и мужчины располагались в разных каютах во время сна и отдыха. Китайцы, несмотря на безоговорочную победу по всему миру, так и не смогли преодолеть гендерные стереотипы. Привыкание к обществу и возврат к социальным навыкам прошли у Алекса неожиданно быстро: уже на третий день чувствовал себя в своей тарелке среди трех десятков команд таких же курсантов, направляемых на Европейский континент. ~~Европа~~ Оёйджэ Да-Лу, как называли Европу китайские инструкторы во время вводных занятий еще на берегу, был полностью разрушен. Столицы и города бывших европейских стран представляли собой по большей части руины и были заброшены. Инструкторы каждый раз подчеркивали, что это было дело рук местных правителей, которые сначала позволили разразиться величайшему хаосу среди выживших после четвертой, самой смертоносной волны эпидемии. Люди выходили на улицы, громили магазины, офисы, предприятия. Это был период ужасных событий, страшного

мародерства, бессмысленных убийств. Города вспыхивали один за другим. Введенные войска не могли усмирить вооруженную до зубов толпу обезумевших от отсутствия закона и ответа — города полыхали неделями и даже месяцами. Тогда на них бросили авиацию, чтобы сжечь дотла очаги беспощадного бунта. За пять недель бомбардировок европейская цивилизация от Средиземноморья до Атлантики перестала существовать. Это был апогей саморазрушения, начатый еще в момент полного запрета на свободное перемещение и объявления карантина. Великие столицы человечества — Рим, Париж, Мадрид, Лондон, Берлин, Москва — перестали существовать.

Проект Армии Волонтеров рассматривался китайской компартией как второй этап сбора информации об уцелевшем населении стран, поделенных на территории. Первым этапом было успешное создание Цитаделей. Считалось, что люди, оставшиеся за периметром, не представляют интереса и являются неэффективными потребителями ресурсов. Они были предоставлены сами себе и должны были так или иначе погибнуть от голода, эпидемий, вспышек насилия и локальных войн между мелкими бандами. За внешнюю безопасность Цитаделей отвечали гарнизоны, расположенные за стенами: они пресекали любые попытки проникновения извне и угрозы организованной осады, следили за безопасностью сохранившихся транспортных магистралей, вокзалов, портов и аэропортов. Гарнизоны подавляли любую вооруженную активность за пределами — на людей за границами не распространялся Кодекс законов Цитадели. Патрулируя территории, гарнизонные могли устроить охоту на местных ради забавы, ведь именно они называли население за стенами «живностью». Китайская администрация смотрела на такие забавы сквозь пальцы и ничего не предпринимала.

Сотрудники, набранные из бывших полицейских, военных и гражданских спасательных служб, всегда подчинялись китайским офицерам. Но после успешной самоорганизации на Территории 10 в Литл-Рок китайское командование оценило, какие выгоды может принести организованное, но ограниченное самоуправление населения, не попавшего в Цитадели. Во-первых, это был дополнительный источник плазмы с антителами. Во-вторых, это был кадровый резерв для служащих в Цитадели: выбор «порков», с которыми приходилось работать комендатурам, зачастую состоял не из лучших представителей. Среди тех, кто остался за периметром, попадались хорошие специалисты в разных отраслях: для этого было нужно отфильтровать тысячи, но иногда оно того стоило. И, наконец, в-третьих, исследователям все время требовался материал для секретного проекта «Лис-16». Так что было решено обучить и направить с минимумом ресурсов экспериментальные группы Армии Волонтеров в 30 территорий для оценки потенциала организации местного самоуправления среди «живности». Группа состояла из семи пар и носила название той территории, куда направлялась. К каждой группе был прикреплен местный офицер «савл», служащий в гарнизоне той территории, куда направлялась группа — он отвечал за адаптацию и боевую подготовку.

Хоть к курсантам обращались по именам и имён их не скрывали, каждый имел свой цифровой код. Коды постоянно менялись, и единственным, кто обладал доступом ко всем ключам, был старший группы. В группе 97, куда попал Алекс, старшим был назначен Питер Стоун. Система ключей и кодов помогала распределять учебные задания между парами так, что каждая видела только свою задачу, не знала ничего о заданиях соседней пары и не видела картину целиком, но была ее неотъемлемой частью. Выполняя задания, Алекс с Изабеллой не могли видеть, насколько их решения, действия и приобретаемые навыки влияют на результат общего замысла. Одно было понятно точно: если какая-то из пар лажала, то остальные останавливались, общая задача объявлялась проваленной, и все начинали сначала. Поначалу это вызывало смешки, но по мере того, как одну и ту же общую задачу проваливали снова и снова, смешки сменились раздражением. Гнев вызывала в том числе и неизвестность: никто, кроме самих лажавших и инструкторов, точно не знал, кто именно провалил задание и по чьей вине все приходилось

переделывать. Еще через какое-то время гнев сменился на внимательность и уважение друг к другу, связывая всех членов команды невидимыми нитями. Когда группе удавалось добиться желаемого результата с первого-второго раза, их накрывал восторг, они начинали радоваться, как дети, прыгать и обниматься. Инструкторы не поощряли бурного проявления эмоций, но снисходительно молчали при каждом взрыве ликования.

Постепенно, в каждодневных тренировках и выполнении заданий, в группе начали проявляться разные способности ее членов. Джоана Доннертохтер показывала отличные навыки на занятиях по оказанию первой помощи: в ТОЙ жизни она работала в реанимации и вернула с того света множество людей. Ее напарник Сантьяго Компостелло делал успехи в науке городского планирования и в управлении запасами, будучи в прошлом совладельцем рыболовецких траулеров вместе с отцом и братом. Фил Вивсайдер прекрасно справлялся с языками и холодным оружием вдвоем со своим напарником Бартом Симпсоном. Бывший налоговый инспектор Мэтью Донован и Кристи Джейкоб, единственный дипломированный инженер из них, оказались неплохими стрелками. Каждый на своем месте старался быть лучшим. Когда Алекс возвращался в здание школы в тот судьбоносный день, он и подумать не мог, что его жизнь так круто изменится.

— Сэр, вы готовы отправиться на Территорию 97 без гарантий возврата, без гарантий успеха экспедиции, без медицинской страховки и обеспечения? Вы готовы принять на себя все риски? — спрашивала его леди в черной униформе Армии Волонтеров. — Никаких обязательств со стороны Армии Волонтеров и масса обязательств с вашей стороны.

Дыхание Алекса замирало от волнения: он все еще не верил своей удаче.

— Да, мэм, я согласен! Да и еще раз да, — отвечал он с дурацкой улыбкой. — Когда можно приступить?

Она направила его на формальную медкомиссию во врачебный кабинет. На следующее утро его и еще сорок пять человек уже везли в желтых школьных автобусах на тренировочную базу. С тех пор миновало два месяца, и Алекс уже сносно говорил на русском языке. В одну из ночей, вспомнив эту сцену из своей недавней жизни, он шепотом произнес русское «спасибо», глядя в потолок.

Русский давался сложно: сначала было совершенно непонятно, что за структурой был этот язык. В тренировочном лагере им преподавала совсем молоденькая учительница русской словесности, прожившая в Москве несколько лет. Трудность языка компенсировалась экспрессией их преподавателя, неперестающей каждое занятие удивлять своих учеников интересными фактами и раскрывающейся красотой языка. Изначально русский казался довольно грубым, а образы, которые вызывали русские слова, были не очень приятными. Русская преступность в Штатах, Сталин, авторитаризм, КГБ, политические убийства, насаждение коммунизма в половине мира, который раньше контролировали русские, угроза ядерной войны, вмешательства в выборы, захват чужих территорий. Но с каждым занятием русский язык раскрывал все новые и новые смыслы и образы. Выяснилось, что русские совершенно по-другому чувствовали мир и отображали его в своем языке. Кто бы мог подумать, что они входят в число нескольких народов, которые изначально отображали цифры буквами, и за каждой такой буквой стоял образ или понятие — это делало такие языки совершенно особенными. Они были мало пригодны для торговли, но великолепны для мечтаний и отражений внутреннего мира человека с его огромной вселенной переживаний, эмоций и чувств. Многие русские слова несли с собой великий энергетический и смысловой заряд, открывающий Алексу заново целую вселенную, состоящую из сотканых словами и образами звезд, комет и межзвездного нематериального вещества.

Он с удовольствием погружался в изучение глаголов и их корней. Например, слово «целоваться» — «to kiss» — кроме обозначения прикосновения губами имело еще и второй, образный смысл. Когда люди целуются, они становятся одним ЦЕЛЫМ. Или когда люди благодарят друг друга, они

отдают лучшее, что у них есть нематериального — молитву о спасении Богом того, к кому обращена благодарность. В отличие от обычного этимологического истока счастья — случая, удачи, шанса (hap — happy), слово «счастье» у русских происходило от двух форм «съ-часть-е», означающих «со-участье», осознание себя частью целого, частью большего. Со-часть-е.

После нескольких лет выживания это было высшей степенью блаженства — возможность вновь погрузиться в учебу и узнавать что-то новое. Изучая язык, Алекс совершенно по-другому стал смотреть на историю и культуру русских. Он был уверен: единицы из русских изучали, например, Томаса Элиота, чтобы понять, кем были мы, американцы, и это была большая ошибка. Изучая культуры друг друга, легче понимать, легче находить общие точки соприкосновения. Им бы тоже могла открыться вселенная. Из уроков языка Алекс узнал, что слово «крест» пришло из греческого от Христа, а «крестьянин» — не что иное, как словесное отражение верующего человека, «христианин». И так много было в русском языке божественного, связанного с Богом, душой и верой, что было даже удивительно, почему никто из политиков не обращал на это внимания. С другой стороны, американцы всегда принимали русских и их культуру, всегда давали приют и возможности их гениям. Бродский и Довлатов, Ростропович и Тарковский — даже Светлана Аллилуева, дочь Сталина, и та получила прибежище. Разве не это ли подлинное великодушие и уважение? Значит, были политики, которые это все понимали и ценили? Когда понимаешь язык, начинаешь понимать, что дерьмо, дураки и криминал есть в любом народе. Что ядерная гонка не была спровоцирована обычными людьми. Вмешательства в выборы, если они были, тоже. Обычные люди хотели того же, что и все здравомыслящие люди на планете — счастья, любви, хорошей работы или своего бизнеса, безопасности, хорошего образования себе и своим детям, доступной медицины.

Иzzi помогала ему во всем, и если что-то у него не получалось, она искренне расстраивалась. «Иzzi, take it easy»*, — говорил он ей в таких случаях. Партнерство между ними, рожденное на тренировках, объединяло их сильнее, чем семью. Эти люди долго были вынуждены пребывать в одиночестве, ежедневно сражаться за свою жизнь, преодолевая беды, боль и несчастья. Теперь они учились заново доверять друг другу, они снова почувствовали, казалось, навсегда утраченное чувство, когда рядом тот, на кого можно опереться и получить помощь. Когда кто-то встанет спиной к твоей спине, и тебе точно не нужно оглядываться — твоя спина надежно защищена, так же как и ты защищаешь спину того, кому доверил свой тыл.

После окончания занятий у курсантов было полчаса отдыха — и каждый старался уделить его себе или общению. В отличие от китайского экипажа, обслуживающего лайнер, у курсантов не было доступа к услугам прачечной, и каждый стирал и гладил свою униформу и белье вручную. Такая работа доставляла большое удовольствие, потому что люди давно забыли, что такое чистые простыни, одеяла и подушки, не говоря уже о свежей одежде. Мужчины размещались в большом восьмиместном кубрике, где на некоторых переборках у кроватей остались фотографии семей прежних членов экипажа. Женщин разместили в пассажирских каютах по двое. Кубрик имел низкий потолок, не больше двух метров, и находился на средней палубе лайнера. В редкие минуты отдыха люди восстанавливали способность общаться — безбрежные просторы океана, режим, тренировки, учебные занятия вернули курсантов в общество. Пусть это была другая жизнь, пусть в ней больше не было стран, народов, корпораций, пусть в ней не было ничего из того, на чем они воспитывались и чем жили в ТОЙ жизни — но это была жизнь среди людей. Улыбки, разговоры, эмоции и надежда вернулись, и внешне они почти не отличались от обычных служащих в ТОЙ жизни. Только холодный блеск, присутствующий постоянно в их глазах, говорил, что они могут мгновенно перевоплотиться обратно в хищников, готовых хладнокровно решать чужую судьбу в борьбе за ресурсы и выживание.

Через двадцать дней после отплытия лайнер вошел в порт Роттердам, единственный уцелевший и функционирующий порт Европы. Алекс и еще тринадцать человек сошли на землю. Одетые в

новую китайскую военную униформу с логотипами АВ на рукавах, вооруженные воронеными 95-ми «кюбизетками»* курсанты погрузились в потрепанный мебельный грузовик, переделанный в пассажирский. У всех на левом плече красовались лычки рядовых. Они были зачислены в группу «Дичоу97» (Земля97 地97). Их перевозили в сопровождении гарнизонного конвоя в аэропорт Территории 54, который раньше назывался Роттердам-Гаага.

Задница мотылька

— Я раньше никогда не выезжал за пределы Штатов, — рассказывал плосконосый Саймон Зилотштейн. — Я мог себе это позволить, в Мексику или Канаду, но как же моя работа? Я всегда ходил на работу, когда мне давали отпуск. Мой босс очень ценил меня и ставил всем в пример. Я не хотел подводить его.

— Но ведь ты бы хотел поехать с семьей... в Париж, например? — запнувшись на слове «семья», спрашивала Иззи.

— С семьей? Пожалуй, нет, не хотел бы. Для семьи прекрасно подошел бы Диснейленд, ну а если с девчонкой, то я бы поехал в Лас-Вегас, — отвечал Саймон. — Что там в этом Париже смотреть?

— Путешествие — лучшее оружие, убивающее предрассудки, фанатизм и ограниченность, — как бы нехотя ответил Джозеф, сидящий в том же ряду, и отвернулся в иллюминатор, разглядывая ватные облака. — Это не мои слова, это Марк Твен сказал.

Пассажирский Airbus 320 с креслами в два ряда по три штуки в каждом нес курсантов на высоте 9 километров в аэропорт Домодедово на Территорию 97.

— Я думаю, что Саймон вообще впервые на самолете-то летит. Не будь эпидемии, он так и ездил бы на своей колыхаге «Форд Бронко» всю жизнь.

Раздался смех. Саймон улыбнулся и деланно бросил в Джозефа пустой пластиковый стаканчик из-под воды.

— Посмотрим, на какой колыхаге повезут хоронить тебя, Джоджо. Мы посмотрим, а ты нет. Потому что никто не увидит подножки своего катафалка. Это не я сказал, это Дензел Вашингтон мне лично сказал, — Саймон самодовольно откинулся на спинку кресла.

— Дензел Вашингтон? Актер? — с сомнением сведя брови, переспросил Джозеф.

— Да, именно. В университете Дилларда в его речи для выпускников.

Иззи захлопала в ладоши.

— Саймон, как это круто! Он правда говорил это тебе?

— Да, мне и еще тысяче двумстам студентам университета! — улыбнулся тот ее вопросу.

— Господи, университеты: неужели это у нас когда-то было? — подхватила разговор Джулия. — Я мечтала, как буду рассказывать своим детям об окончании университета. — Никто не спросил, есть ли у Джулии дети. Это был бессмысленный вопрос: о семьях вообще предпочитали молчать.

— А еще я помню наши супер-вечеринки в университете: мы собирались у Дункана Сикорски — его дед был знаменитый конструктор, и их особняк с бассейном вмещал пятьсот студентов. Туда часто приглашали поп-див и других селебрити. — Джулия улыбалась в ответ Барту Симпсону,

который активно махал головой и хотел что-то сказать. — Однажды туда приехала русская суперстар Бүзкойн. Она то ли напилась, то ли переборщила с наркотиками и упала в бассейн. Когда ее вытаскивали, у нее съехали силиконовые наклейки с задницы почти до уровня обратной стороны колен. Это было и мерзко и смешно одновременно. Что, Барт?

— Я вообще всю эту богемную тусовку считаю самым большим злом! Меня как-то сбила машина, а за рулем была Сим Карандашян: они ехали с вечеринки из Иераполиса. Так осудили меня, а не ее — за то, что я носил одежду без светоотражателей. Дело было летом, я шел в бриджах и футболке, со мной был мой друг Фил и его сестра. Фила насмерть, я чудом уцелел — а осудили меня, а не ее. За то, что я носил одежду без светоотражателей! В суде они прицепились к моей одежде, и ее адвокаты доказали, что я сам, мол, виноват в том случае. Представить только, господи, они посчитали, что дело в одежде! Поистине справедливость дороже всего на свете — особенно для тех, кто носит черные футболки за два с половиной доллара. Я загремел на шесть месяцев в тюрьму, где меня подвешивали вверх ногами. А сестру Фила, Марианну, кстати, не тронули, потому что у нее на футболке был логотип со светоотражающим факелом.

— Ты не любишь тусовку за это? — переспросила его Иззи, будто тусовки и богема продолжали существовать.

— Нет, это я сказал к слову, — продолжил Барт Симпсон. — «Не любишь» — это неправильное определение: я считаю, что они были злом. Чистым злом без примеси добра, всяких там инь и янь. Они, может, и были хорошими людьми до эпохи лайков и смартфонов, но как только подсели на лайкозависимость, то перестали ими быть. Лайкозависимость была иногда похлеще героиновой, плюс когда за это платят деньги, а лайкомания автоматом тянет за собой «социальную лайкофобию», это становится бесконечной пропастью, куда проваливалась душа. Ведь лайки подпитывают всякое дерьмо в тебе типа гордыни, желания показать себя получше. Какой контент привлекал внимание? Там, где скандалы, споры, гнев. Где все стремились сделать себе одинаково бессмысленные татуировки, где все стремились накачать одинаково беспонтовые задницы, где всем навязывались одинаково безвкусные шмотки, одинаково дерьмовые шампуни и зубные пасты, одинаково бесполезные модели чужого успеха. Все это навязывали нам не роботы и не инопланетяне! Это совершенно бессовестно годами и десятилетиями втюхивали нам блогеры, селебы и дельцы от богемной тусовки. И они преуспели в этом, они стали мастерами в подавлении воли! Они превращали нас в тупых озлобленных мудаков в срачах в соцсетях, придумывали фальшивые миры, людей, новости и идеи. О, они были хороши в создании и умножении безумия в и без того беспокойном и не всегда адекватном мире, в пожирании нашего времени. Из-за них мы разучились сочувствовать, стали ненавидеть людей с иным мышлением. Они поработали нас не только нравственно, но и физически. Только вот тот ошейник был невидимым, работал с мозгами через дофамин с их постами, передачами, интервью и статьями в журналах.

И вот этот дутый Голиаф, вещавший нам с экранов ТВ, наших ноутбуков, смартфонов, повержен. Он оказался колоссом на глиняных ногах. Что мы получили?

А оказалось, что жизнь сейчас — это жизнь в реальности. Нет никакой другой! У нас есть, оказывается, дофига времени, которое они раньше сжирали. Но у нас на самом деле очень мало друзей. Зато может появиться свое собственное мнение. Не как у крыски подопытной, которой поисковый какой-то алгоритм заведует! Если меньше сравниваете себя с другими — то и не завидуете им. То-то самые богатые родители тогда не давали гаджетов своим детям, ну или давали их ограниченно. На нас ведь выливались потоки дерьма бочками!

Барт Симпсон замолчал. Было понятно, что все окунулись в воспоминания о прошлой жизни — и это ничего хорошего не предвещало.

— Да, ты прав, — сказал Джозеф. — Мы все прекрасно понимали: человек жрет всю ту грязь, которую несет Сеть. Но мы никогда не протестовали против сети. Мы никогда не возмущались против условий, в которых возникает эта грязь. Что-то я не помню сожженных штаб-квартир видеохостингов, офисов провайдеров, серверных порностудий. Единственный инцидент, который приходит на ум, это стрельба в офисе Youtube. Девушка-эмигрантка из Ирана. Она расстреляла обойму 9-миллиметрового Смит-Вессона. Но она пришла мстить не за контент, а за то, что Ютуб перестал платить ей деньги, демонетизировав ее канал! Она ранила трех, и еще один повредил лодыжку, когда сваливал из офиса. Последнюю, десятую, пулю она пустила себе в сердце. В общем-то из-за денег.

— Да, Джозеф, мы были слепы. Однажды я случайно увидела видео, как террористы расстреливают в затылок группу стоящих на коленях людей. Это было то ли в Ливии, то ли в Сирии... Я не искала специально это видео. Это было ужасно, — продолжила Джулия. — Сначала я подумала, что это постановка, и прекратила смотреть — невыносимо было это видеть. Ну вы помните, какими мы все были неженками тогда, в ТО время. Потом так же, случайно, я увидела, как террористы сжигают в клетках женщин и еще какого-то пилота — по-моему, из Иордании. Видео были без цензуры, и они обжигали мозг. И я подумала: почему так? Почему это доступно? Ведь это могут увидеть дети. Да, Барт, этого дерьма было предостаточно. После того, как исчезла связь, у меня действительно появилось много времени — и я не знала, куда его потратить! Я находила старые книги, которые не успели сжечь в домах, и читала, — она продолжила после короткой паузы. — Но ведь были и прекрасные вещи! Человек смотрел в инстаграме, как кто-то пересилил себя, начал заниматься спортом и сбросил двадцать килограмм за год. Это был хороший пример!

— Да уж, прекрасней некуда! — вклинился Питер Стоун. — Сначала вгоняют человека в стресс, заставляют жрать всякую гадость, все эти «кинг-сайз», «экстра-лардж», «супер-джамбо», а потом высасывают деньги на психолога и лечение ожирения. Сначала владельцы фастфуда, производители всех этих фри, наггетсов, колы поживились на бедолаге, которого разносит, как бочку. Потом уже производители инвалидных колясок греют руки — ведь тушу надо перемещать. А затем и тренеры, и производители салатов подключаются: «Употребляйте в пищу наши салаты и порхайте как мотылек!». Производители витаминов, одежды, обуви, диетологи, пластические хирурги, владельцы фитнеса — все в доле. Вот сколько народу кормит одна жирная задница! Господи, подумать только, как они вытирали свою задницу, как они находили, что вытирать... А если это еще все в кредит, то и банки свою долю имели нехилую, прямо как в «Басне о пчелах» у Мандевилля. Ведь никто из них реально не заинтересован, чтобы задница стала тощей. А в целом в этой картине всем прекрасно и хорошо, кроме самого обладателя этой задницы.

— Да, это все должно было когда-нибудь закончиться, все это безумие. Когда сумасшедшие и наркоманы свободно живут на улицах, одни возвещают о конце света, вторые довершают предсмертную деградацию — подготовку к Апокалипсису. Модных эрудитов в 70-80-х в Америке интересовал вопрос: «What are you doing after the orgy?» — что мы будем делать после последней оргии. Оргии, когда все станет доступным? А затем наступит конец света. «Мы хотели вместе почитать Блейка после оргии». А ведь нам стали доступны немыслимые вещи, о которых та молодежь даже не могла подумать! Беспрецедентная скорость получения информации, замена своего сердца, изменение пола или расы, увеличение продолжительности жизни в разы! Нам стало доступно все или почти все! И вот он, горький ответ. Мы, управляемые китайцами, летим в европейском авиалайнере, скоро приземлимся в русском аэропорту для выполнения задания коммунистов. Вот что мы делаем после оргии, — подытожил Барт Симпсон.

Сияющий белизной аэробус с большой красной полосой на хвосте заходил на посадку в Домодедово в предзакатный час.

Группа летела без сопровождения. Они выглядели белыми воронами в салоне самолета — шумные янки среди серьезных рядовых ККА. Перед посадкой все притихли, и гул двигателей, то набирающих обороты, то снижающих, напоминал молитву на неизвестном языке к неведомым богам, от которых зависело благополучное приземление. Покачивания крыльями и мелкая дрожь показывали, что самолет будто тоже волнуется перед посадкой на неизвестной территории. Изначально не предполагалось доставлять группу самолетом, но китайское командование решило, что можно совершить дополнительную посадку при переброске солдат не в Минске, а в Москве. На удивление согласования не заняли много времени и обошлись без бюрократических проволочек: их посадили на нерегулярный рейс, перебрасывающий китайских солдат из Европы в Сибирь.

На каждой территории китайцы первым делом восстанавливали аэропорт, а уже затем находили подходящее место и материалы для строительства и обустройств Цитаделей. Осваивая земли, свалившиеся в руки без войн и сопротивления, китайцы редко шли на контакт с местным населением в период восстановления систем управления. Аэропорт, высадка, развертывание передовых отрядов, развертывание инженерных полков, запускающих навигационные и энергетические службы, охрана. После того, как восстанавливался и развертывался аэропорт, аналитики давали спутниковые координаты места строительства Цитаделей. После активной разведки на место запускались роботы-собаки, которые вытесняли все сохранившееся местное население, которое не планировалось размещать в Цитаделях. С момента захвата власти Оровым Генштаб ККА поддерживал связь с остатками правительственных и гражданских структур, высылая гуманитарную помощь. Состоявшая из свиной тушенки, сухпайков и скудного запаса медикаментов помощь присваивалась бывшей элитой, ведущей переговоры в Генштабе ККА от лица всего мирного населения рухнувших государств. Они быстро заслужили прозвище «порки» — виной тому свиньи на крышке банок с тушенкой, латиницей написанные на нескольких языках. Спекулируя гигантскими объемами тушенки, бывшие чиновники, тележурналисты, политики быстро вновь приобрели большое влияние. Удачные операции китайских спецслужб по выявлению самых отъявленных, беспринципных, алчных представителей провластной прослойки, барыжащих медицинскими масками на территории бывшей Федерации, позволили создать базу, из которой китайцы набрали впоследствии популяцию Цитаделей. Благо все мировое производство масок было сосредоточено в Китае, а доступ к данным смартфонов не представлял труда для китайской разведки. Нужны были самые аморальные, забывшие о нравственности и этике экзemplяры. Они были, как правило, не глупы, более или менее образованны, но готовы предать не только за кусок хлеба, но и просто так. Такими было легко управлять, такие бюленталь-тамарины[1] во все войны легко предавали страну, соотечественников и своих близких.

Построив Цитадели, командование сообщало поркам, что готово принять их в защищенной части. На каждого имелось досье, и потоки порков, вылезающих из своих бункеров и убежищ, словно крысы, эмигрирующие от одной помойки к другой, быстро направлялись толпами на отбор. Устремляющиеся во вновь отстроенные Цитадели отбирались тщательно: больных и «не перспективных» огромными группами вывозили на грузовиках за 100 км от Цитадели, высаживали в чистом поле, велели ожидать дальнейших приказаний — и больше за ними не приезжали. Никакого оружия у них с собой не было: оно отбиралось еще в фильтрационном квартале.

Участь их была незавидна. Лишенные статуса, но имея при себе остатки ресурсов, они подвергались нападениям банд и местного населения при попытках прорваться назад в Цитадель. Тепличные условия в бункерах и укрытиях подавляли их волю к сопротивлению в реальной жизни, а их неподготовленность и убежденность, что все можно купить, делали легкой добычей для тех, кто смог выжить на оставшихся территориях. Некоторые, самые удачливые, бросали все, что у них

оставалось, и пускались наутек. В случае большой удачи таким удавалось прибиться к стадам. Поиски пропитания довольно быстро превращали их из высокомерных в самых рядовых и даже низших существ, бросающихся на объедки с чужого стола. Они тупели и бежали сломя голову на запах протухшей провизии, как мотыльки на лампу, излучающую свет. Но по неотвратимому закону деградации это выглядело как вывернутый наизнанку естественный отбор: вчерашние мотыльки и бабочки превращались обратно в гусениц и даже червей. Общим с насекомыми было одно: они так же сгорали однодневками в палящих лучах жестокой реальности, от которой надеялись укрыться в своих бункерах.

Если в Цитаделях военными комендантами сразу устанавливались порядки и кодекс, регулирующие внутреннюю жизнь, то за стенами не было никакого источника права и системы. Военные комендатуры регулировали жизнь при помощи исполнительного комитета. Члены комитета избирались пожизненно: изменения могли произойти только тогда, если кто-то выбывал. Это не означало, что состав комитета был неизменен: очень часто члены комитета по старой памяти баловались взятками, и места освобождались после исполнений смертных приговоров. О строгости наказания знали все: кодекс Цитадели состоял всего из нескольких статей, запомнить было нетрудно. Но какая-то необъяснимая, истинно драматическая тяга к обману и стяжательству поражала сознание большинства членов комитета, словно ржавчина, поедающая незащищенную сталь. Этот сэлф-гандикап совершенно не удивлял управляющих комендатур: они расправлялись с осужденными с брезгливостью и равнодушием, будто прихлопывали тапком таракана.

[1]Всёволод Блюменталь-Тамарин (16 июня 1881, Санкт-Петербург — 10 мая 1945, Мюнзинген, Германия) — советский актёр, режиссёр и литератор, перешедший на сторону нацистов. Вел радио передачи. 2 февраля 1942 года выступил по радио с обращением, в котором призывал соотечественников не защищать сталинский режим и сдаваться, а население на захваченных территориях — сотрудничать с оккупантами. Передачи стали регулярными: они выходили в эфир каждый вторник и четверг в 18:00. Имитируя голос Сталина, Блюменталь-Тамарин озвучивал фальсифицированные указы советского правительства. Записанные на немецком радио Варшавы речи транслировались на оккупированных территориях СССР. 27 марта 1942 года Военная коллегия Верховного Суда СССР заочно приговорила его к смертной казни. Найден повешенным 10 мая 1945 под Берлином

Водоканал Территория 97

На входе висели две кованые заржавленные клетки под два метра высотой, в которых были стоя привязаны два трупа в лохмотьях. Ветер раскачивал скрипучие клетки, и пустые глазницы черепов ловили взгляды проходящих мимо. Остатки высохшей, выдубленной солнцем кожи свисали на костях узников так, что обычный скелетный оскал, принимаемый за улыбку, выглядел как гримаса.

Какое-то время назад этот квартал, видимо, служил базой какой-то стаи или команды, и трупы в клетках служили предупреждением и пограничным столбом одновременно. Их группе нужно было пройти как можно тише и незаметнее. Алекс мысленно возносил хвалу обстоятельствам: команда подобралась опытная. Это было слышно — группа шла практически бесшумно. Обычно новичков выдавало кольцо от ремня, бьющееся о цевье автомата или винтовки. По повадкам и поведению Алекс понял, что Монах дал ему матерых людей. Пока они заодно — это хорошо.

Хачик в снайперском балахоне двигался немного впереди, в авангарде. Когда идешь в незнакомом месте, смотреть нужно без напряжения, а то быстро устанешь. Все твоё тело превращается в радар: обостряется слух, нюх, интуиция. Курить нельзя, шуметь нельзя, мелькать нельзя: у того, кто может встретиться тебе на пути, тело тоже превращено в радар и машину выживания. Минуло много времени с тех пор, когда Алекс ходил на свою охоту на «зеленых хомяков», чей поток со временем иссяк. Он был много раз на волосок от смерти — и каждый раз ему удавалось выскользнуть, вырваться из ее нецепких лап. «Конечно, не цепких. Были бы цепкими, она бы схватила меня уже давно. Грохнули бы где-нибудь, лежал бы в лесочке... Или не хочет, или играет в кошки-мышки». Алекс уже умирал несколько раз. Он посмотрел на небо и вспомнил Ба. Где она сейчас — там, наверху? Или спасает кого-то? В любом случае, он знал, что она всегда где-то рядом.

Кэт шла параллельно на противоположной стороне улицы, тихонько ступая, как молодая львица. Она чудо как хороша в камуфляжных штанах и куртке — широкие карманы на бедрах не в состоянии скрыть красоту ее сильных и стройных ног. Лица, уши, шеи у всех несимметрично полосатые, черно-серые, вымазанные сажей и пылью от битого силикатного кирпича. Все старательно избегали открытых участков улицы. Раздолбай и Туман позади них, замыкали группу Жорик и Хитрован. Группа, разбитая на два потока, прижималась к стенам домов и быстро оставляла позади строение за строением. Первые контролировали уровни окон на этажах и выше, крыши и высоты, вторые — уровень подвалов и хлам, разбросанный кучами на улице. Местность была полуразрушенным безмолвным кварталом, руины напоминали фильмы про войну: выгоревшие оконные проемы, разбитые стены — некоторые снарядами, некоторые во время воздушного налета. «Не похоже на град или ураган. Скорее всего, авиация. Дроны, точно дроны. Кто ж это придумал такое: бомбить собственные города? Что за уроды...». Каждое окно, вход в подъезд, подвал был им враждебен, в каждом из помещений могла затаиться их смерть. Но складывалось ощущение, что место давно пустовало и смертельная опасность здесь не подстерегала. Тишина обманчива, как обещания инстаграмной шлюхи. Глаз и ухо остро. Не расслабляться. На каждого из своих Алекс мог положиться, но что касается Туман и Раздолбая... С ними надо быть особо внимательным. Во рту появился привкус полыни, но не было ветерка, идущего прохладой от пупка вверх и наматывающего теплые обороты вокруг сердца. «Ломать — не строить: это уже никто не отстроит, — смотрел Алекс на улицы, заваленные битым кирпичом. — А вот тут надо уже быть осторожнее. Замрите, господа». Алекс поднял руку со сжатым кулаком вслед за Хачиком, присевшим на одно колено и так же поднявшим кулак чуть ранее. Туман присела на колено вслед за Алексом, Кэт шарила глазами и винтовкой по близлежащим домам впереди и сзади. Перекресток, к которому приблизился Хачик, напоминал бутылочное горлышко: куча обломков были свалены так, что блокировали выход на соседние улицы. Проезжая часть сузилась до тропинки в метр шириной между кучами наваленного мусора и обломков, ущельем уходила вперед, а затем и вовсе исчезала, превращаясь в полосу препятствий из валунов и проволоки. Идти по этой узкой тропинке было рискованно: группу легко было перещелкать — укрыться негде, быстро бежать, маневрировать, трудно. Два параллельные улицы тоже были заблокированы. «Грамотные, суки, ничего не скажешь, в таланте фортификации им не откажешь». Едва ли можно залечь и принять бой: если позиция стрелка будет выше уровня третьего этажа — шансов никаких. Принимать бой в этом месте — чистое самоубийство.

Хачик повернулся к Алексу и вопросительно посмотрел на него, Алекс кивнул. Быстро прыгая по камням в ложбине, Хачик слишком проворно для человека его тучной комплекции устремился вперед. Его маскостюм не очень подходил к пейзажу, но все же метров через двести он стал совсем незаметен, когда останавливался. Он почти совсем скрылся из виду, когда раздалось два коротких выстрела рядом из соседнего дома. Непонятно, по кому стреляли, но Алекс рванул в укрытие. В ближайший подъезд с ним ворвались Туман и Раздолбай, Кэт, Хачик и Хитрован юркнули в дом напротив. Алекс снова оценил повадки Туман и Раздолбая боковым зрением.

«Обстрелянные, обкатанные, спокойствие на лице. Подъезд нужно прочесать, подняться на крышу. Здесь по четыре квартиры на этаже».

Двери все приоткрыты: это норма, было бы странно, если какая-то была бы заперта. Жестами Алекс показал: Раздолбай на лестничной клетке держит верх и контролирует нападение с верхних этажей, Туман держит вход и подвал. Не нужно командовать, не нужно указывать: все знают свое дело, каждый прикрывает другого, все чувствуют маневр того, кто рядом. Он пошел. Ударом ботинка вынес первую дверь, которая тут же слетела с петель: явно бывшая квартира пенсионерки, так что и дверь хлипенькая. В квартирах горы мусора, окон нет, стены во многих местах покрыты плесенью, везде беспорядок. На первом этаже никого — чисто. Дальше. Быстрее. Стрельбы не было слышно. «Как там Хачик? Выкрутится, засранец, он удачливый». Надо быстрее занимать позиции на крыше. На втором этаже тоже никого: квартира с претензиями на «евроремонт» — видно по ванне и обугленным остаткам сантехники — выгорела почти вся. Раздолбай показывает наверх двумя пальцами: показалось, что мелькнуло какое-то движение. «Осторожненько идем наверх: кто не спрятался, я не виноват». Туман все так же контролирует нижние этажи и вход — сейчас они одно целое, трехглавый Змей Горыныч.

Алекс остановился у одной из дверей на третьем этаже: по пыли на полу не определить, был ли кто здесь недавно. Раздолбай по правую руку: толчок ногой — и оба отпрянули в стороны от проема. Никого: он вошел в квартиру, выждав секунд десять. Налево-направо — ни движения. Мозг устроен так, что реагирует сначала на то, что справа, поэтому опытные бойцы всегда в засаде становятся слева от входящего. Ванная комната — нужно осторожно приоткрыть дверь. Ванна старая, чугунная: такая прикроет и от автоматной очереди, и от осколков гранаты. Никого, стенные шкафы и антресоли выпотрошены. Перешли во вторую: дверь давно слетела с петель, трешка, одна комната закрыта. Туман страхует тылы. «Тук-тук, кто в тереме живет? Не дадите стакан воды, а то я так проголодался, что и переночевать негде?». Алекс показал стволом на ручку этой двери. Раздолбай кивнул, подошел к ней, дождался, пока Алекс подготовится, и рывком открыл. Три коротких выстрела в комнату влево, резко присесть на корточки, три выстрела вправо. В этой и в других комнатах никого. Это плохо: если в здании действительно кто-то есть, выстрелы уже выдали их местоположение. Алекс уже начал сомневаться в том, видели ли они какое-то движение. «Если вы тут, откликнитесь, ребятушки...». Вторая квартира на этаже тоже пуста — нужно прошерстить еще две. «Повторяем маневр. Толчок в дверь, резко в сторону от проема». Алекс толкнул ногой дверь и еле успел увернуться: выстрелы навстречу оглушили. Он отпрянул на лестничный пролет. Туман, умница, отступила на несколько ступенек, иначе он споткнулся бы о нее и они бы кубарем скатились по лестнице. Раздолбай юркнул в квартиру, из которой они только что вышли, но нечастые выстрелы затихли — у этих говнюков вроде всего одна винтовка. Монах выдал своим две гранаты, и Алекс глазами показал на одну из них Туман. Она едва заметно кивнула. Дверь была немного приоткрыта: нужно было рассчитать, откуда идут выстрелы, чтобы не потратить гранату впустую. Туман показала, что готова. Алекс, присев на корточки, осторожно толкнул дверь рукой на уровне нижней петли: встречный выстрел попал в дверь, и несколько щепок больно оцарапали его по лицу. «Хорошо, что глаза целы!». Туман спокойно выдернула чеку и быстро закатила гранату в дверной проем. Стало слышно, как та прыгает по деревянному полу.

— Суки! — протяжный вой раздался из квартиры перед тем, как граната ухнула. Алекс хотел было рвануть внутрь, но увидел, как Раздолбай мочит из автомата на пролет выше. Две пули откололи штукатурку рядом с головой Алекса: не поднимая головы, они с Туман откатились почти на второй этаж. Перестрелка усилилась, ничего не было видно, дым от гранаты облачком вынесло на лестничную площадку. Раздолбай, видимо, рванул вверх, и бой шел уже между четвертым и пятым этажами.

Надо зачистить квартиру. Еще раз тихонько толкнул дверь рукой. Движения нет, в квартире тихо. Кухня направо: два выстрела, чисто. Прямо комната: дверь приоткрыта, старые обои заляпаны

свежей кровью. Прыжок в комнату: два тела, четыре выстрела. Оба-трупы еще со взрыва гранаты. Молодец Туман. В других комнатах никого. «Выходим», — Алекс показал глазами на выход.

Выстрелы сверху не смолкали, но было понятно, что Раздолбай зажат где-то на лестничном пролете. Туман, обгоняя Алекса, тоже рванула наверх на выручку Раздолбаю. «Теперь я тебя прикрою, девочка». Вдвоем прорываться вверх намного легче, чем в одиночку: один херачит по противнику, второй движется — главное, чтобы пауз на перезарядку не было. Алекс не стал ее останавливать, но последняя квартира на этаже не внушала ему доверия. Бывает так, что во время боя физически чувствуешь чужое присутствие, что-то тяжелое начинаешь ощущать в районе солнечного сплетения. Кожа плюс интуиция работают как какой-то внутренний сканер. «Шкурой чувствую», — говорили раньше в фильмах. Он смотрел налево на последнюю, четвертую, закрытую дверь, прижимая винтовку к груди и вжимаясь в стену так, чтобы его не было видно в глазок. «Раз.. два...три», — мысленно отсчитал он, рывком развернулся и попытался ботинком выбить дверь.

Нога провалилась в пустоту: огромный мужик, метра два ростом, так же рывком открывал дверь навстречу Алексу. Сначала его взгляд уперся Алексу в ноги, потом в глаза. Счет шел на мгновения: Алекс все еще прижимал винтовку к груди, так что не смог бы выстрелить — здоровяк, сократив дистанцию, обхватил Алекса вокруг пояса. Он превосходил Алекса по весу раза в два и потому без особого труда повалил Алекса на пол площадки. «Где ж ты так отождрал свою тушу!?!», — успел изумиться Алекс, прижатый к полу ста восьмьюдесятью килограммами костей и жира. Здоровяк одной рукой отворачивал Алексу голову в сторону, а второй пытался снять с пояса нож. Когда противник вдвое тяжелее, в партере* ты чувствуешь себя абсолютно бессильным. Твое тело будто невесомое, твои мускулы будто нити — вот-вот порвутся. Законам физики ты можешь противопоставить только скорость, живучесть, изворотливость и желание вылезти из этой передраги любой ценой. Дышать становилось труднее, пальцы противника почти царапали лицо. «Держаться! Хер ты меня возьмешь, толстый». Наверху стихли выстрелы. Толстый уже вытащил свой нож, но Алекс вцепился ему в запястье и не давал замахнуться. Грянул выстрел: туша все еще держала нож в одной руке, второй душив Алекса, но через пару мгновений обмякла, звякнул выпавший нож, а хватка на горле ослабла. Рука была еще теплой, но уже мертвой.

Алекс с трудом скинул с себя тяжелое тело. Туман едва заметно улыбалась: в ее глазах играли хитрые огоньки — она получала удовольствие от того, что Алекс теперь ее должник. Она не помогла ему подняться — продолжая улыбаться, она развернулась и снова устремилась вверх. Алекс поднял свою винтовку и пошел дообследовать квартиры. Ничего интересного: люди, которые в них стреляли, тоже пришлые, судя по всему. Следов их долгого пребывания в квартирах не было видно. Наверное, увидели группу, кто-то занервничал и выстрелил — так бывает, если люди не пристреляны и команда еще не сформировалась. Старые ТОЗы, у здоровяка ПМ. «Патроны возьмем, а оружие нужно спрятать, на обратном пути заберем. Таскать сейчас бессмысленно». Раздолбай и Туман вернулись сверху. Алекс обшарил все три тела: кроме небольшого запаса еды и двух бутылок воды, ничего интересного в рюкзаках не было. Он сделал глоток и протянул бутылку Туман. Она все еще улыбалась и тоже отпила.

— Что там?

— Четверо. Видимо, залетные, насяльника, — ответил Раздолбай, то ли передразнивая азиатов, то ли тот факт, что в команде Алекса было двое армян. Алекс ничего не ответил на колкость.

— Чердак глухой, ничего не видно ни в какую сторону. Наверху в подъезде никого, твои ждут на улице на той стороне. Хачик вернулся, он с ними, все целы, — продолжил Раздолбай. Он разглядывал мужской перстень с небольшим красным камешком на своем безымянном пальце — видимо, трофей.

— Идем дальше. — Они вышли из подъезда, где его встретил обеспокоенный взгляд Кэт. Скользнув по его лицу глазами, она опустилась на колено и перевязала шнурки на левом ботинке. Алекс молча показал четыре пальца и провел большим по горлу, показывая, что никто из нападавших не выжил.

— Хачик, что там?

— Алекс, я добежался до конца улицы — чисто, там широкая дорога, люди нет, я быстро смотрел три дома там.

— Пойдем парами по двое. Кэт, Хачик — первые, — распределил Алекс. Первая пара, слегка пригибаясь, побежала по «ущелью», остальные — следом с разрывом в сто-сто пятьдесят метров.

— Спасибо тебе. Сука, он такой тяжелый был, — Алекс поблагодарил Туман, когда они остались вдвоем, замыкая и прикрывая группу.

— Ты мой должник, — с улыбкой ответила она, перехватывая грозный взгляд Алекса. — Да шучу я, так на моем месте поступила бы любая порядочная женщина.

— Ты не переживай, я в долгу не останусь.

— Все вы сначала обещаете девушкам жениться, а потом поматросите и к следующей цесарке полетели, — наигранно обиделась Туман. — Долго нам еще до места, капитан?

— «Он объездил много стран и не раз покорял океан...» Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Почти пришли.

Группа укрылась в голубом доме слева: перед катастрофой кто-то из городской администрации решил разукрасить унылые кирпичные стены в веселые цвета. Сейчас полуразрушенные желтые, оранжевые, голубые и зеленые хрущевки напоминали рисунки людей, больных шизофренией. Алекс и Туман не стали заходить в дом, а пошли дальше. Узкая кишка «ущелья» расширилась и превратилась в широкую, почти полноценную улицу. Группа догнала их метров через сто: они все так же прижимались к стене, но уже шли одним ручьем. Алекс остановился у угла оранжевого дома и показал рукой на канализационный люк.

— Откуда у тебя топор?

— Королева Эльфов дала...

— Молодец, а топор откуда?

Раздолбай снял топорик с пояса, бормоча себе под нос этот старый анекдот. Вместе с Хитрованом они поддели крышку люка и отодвинули ее в сторону. Алекс указал Кэт на ее рюкзак, и та вытащила небольшую бензиновую лампу.

— Давай, благотельница, подскажи нам, что там. Есть ли жизнь в подземелье или смерть там одна?

Хитрован поджег фитиль и на бечевке опустил лампу на дно колодца. Лампа не гасла, давала ровное и уверенное пламя. Мимо света мелькнула темная тень.

— Ты смотри, там даже крысы есть. Алекс, можно спускаться. Жить будем. — Люди Алекса по одному нырнули в коллектор.

— Крышку закрывать? — спросил Хитрован, подавая руку Кэт.

— Раз есть крысы, значит, где-то есть и жратва. Очень надеюсь, что эти твари не жмурами питаются, — проворчал Раздолбай.

Алекс открыл свой блокнот, заглянул в какие-то записи и повел людей в северном направлении. Коллектор был сухой, сквозняк, гуляющий по нему, говорил о том, что где-то еще, кроме открытого ими люка, есть выход. Дорогу освещали факелами. Шаги гулко отдавались эхом. Крысы попрятались, и только мелкое попискивание напоминало об их присутствии.

— Алекс, значит, ты там не был, раз смотришь карту? — спросил Раздолбай.

Алекс промолчал в ответ, продолжая двигаться дальше.

— Не хотел бы я тут стрелять, — шепотом попытался поддержать беседу Хитрован.

— Почему? Оглохнуть можно или что? — спросила Туман.

— Заткнулись все! Не расслабляйтесь, мы еще не пришли, — цыкнул на них Алекс, и бойцы замолчали.

Коллектор расширился: можно было идти в полный рост, не опасаясь кирпичных сводов над головой. Иногда попадались кучи мусора или лохмотьев, стоянки и нычки бомжей еще с ТОГО времени. Единственными следами ЭТОЙ жизни были три трупа, попавшиеся на пути. Группа равнодушно прошла мимо пролежавших тут уже, видимо, больше года и уже переставших разлагаться останков — крысы кое-где обглодали их до костей. Все трое застрелены в затылок. На стопах у них сохранились остатки портянок: так справлялись с холодами люди, которые не смогли встроиться в экономику Территорий, когда носки стали роскошью после Катастрофы. Сквозняк завывал, и казалось, что он доносит чужие голоса. Иногда под ногами хрустело стекло или пластик, но это были только звуки пустого коллектора. Перемещаться бесшумно не получалось. Местами коллектор расширялся и можно было идти в полный рост. Некоторые подземные коридоры пересекались с другими. Время от времени Алекс заглядывал в свой блокнот, когда им попадались зоны с выходами наверх. Было понятно: он ищет место, чтобы подняться на поверхность. Они прошли почти два километра, несколько раз сворачивая на перекрестках.

Туда-обратно

Алекс, узнав ориентир, сделал знак рукой. Все остановились.

— Поднимаемся все вместе. Раздолбай со мной, поможешь сдвинуть крышку снизу.

Они легко вытолкнули крышку вверх на вытянутых руках. Колодец, через который они выходили, выходил не на улицу, а в большой заброшенный склад, пропитанный пылью и затхлостью. На стенах висели нетронутые комплекты инструментов, щеток, тросов, схемы подключения водопроводных соединений, на столах стояли тиски, покрытые толстым слоем пыли. Было ясно, что они вышли в помещение бывшего здания Водоканала. Все осталось нетронутым с момента, когда здание настигла Катастрофа.

— Ого... — прокомментировала Туман и присвистнула. — Тут нога человека давно не ступала.

Алекс укоризненно посмотрел на нее и приложил палец к губам. Он все еще соблюдал осторожность. Указал Кэт и Хитровану на крышку колодца, те взяли лаз на прицел и остались его контролировать. Остальных он жестом увлек за собой к двери в дальнем конце помещения.

Дверь была не заперта и медленно, с жутким скрипом распахнулась перед Алексом. Коридор был завален грудями камней и большими кусками бетонных перекрытий — очевидно, что здание бомбили. Пробираясь по обломкам, они направились в сторону дальней двери в противоположном конце коридора. Теперь Алекс шел уверенно: было видно, что он узнает эти места и уже ходил этой дорогой, легко перепрыгивая с камня на камень. Следом шел Раздолбай, да и остальные не отставали. Добравшись до конца коридора, Алекс приказал Хачику и Раздолбаю ждать у входа, а сам с Туман вошел в помещение за дверью. Это был вход в большой грузовой крытый склад, который мог бы вместить несколько большегрузных трейлеров. Перекрытия здесь тоже были частично обвалены, и большие бетонные плиты зажимали скелет в перемятой кабине фуры с двенадцатиметровым трехосным прицепом. Видно, бедолага ждал разгрузки и не сумел выбраться отсюда.

Прицеп выглядел абсолютно не тронутым.

— Мы пришли, — сказал Алекс, снимая рюкзак со спины, подошел к задним воротам фуры и схватился за рукоятки запора. Холодная сталь ствола уперлась ему в затылок. Раздолбай тихим голосом приказал отойти от прицепа направо:

— Не хочу сокребать твои мозги с замков этого прекрасного автомобиля, Алекс.

Алекс замер. Ствол подталкивал его все грубее. «Бляха-муха, приплыли. Докомбинировался, комбинатор великий? Ежевичный в компот! Не думал, что прям сейчас и это будет так глупо». Раздался выстрел, и Алекс почувствовал что-то горячее у себя на шее и затылке. Запыленная пластиковая панель прицепа окрасилась брызгами крови и мозгов. Он развернулся и встретил взгляд Туман, которая держала дымящийся аргентинский «Тандер 380».

— Теперь ты точно мой должник. Короче, Монах приказал вас всех грохнуть здесь, но я решила, что вы не заслуживаете такого отношения, — с улыбкой победительницы промурлыкала Туман. — Да и этот мне всегда не нравился как партнер, — она указала стволом на тело, чью голову превратила в кашу.

Хитрован подбежал к двери и, увидев безжизненное тело Хачика, отошел, молча покачав головой. Алекс отер платком кровавую жижу с затылка и открыл ворота фуры: та была битком набита коробками с надписью Purifier Tablets «Katadyn».

Они забили рюкзаки так плотно, как смогли. В разрушенное авианалетом здание можно было попасть только через коллектор: фура оставалась столько лет нетронутой только потому, что единственные свидетели не выжили. Снаружи непроходимые руины с пяти-шестиметровыми провалами не позволяли подобраться к складу близко. Водитель погиб при авианалете, и те, кто грузил и управлял процессом, вероятно, тоже не сумели воспользоваться богатством. К самому складу подъехать было невозможно, вывезти все незаметно — тоже: тут нужна была стремительная пешая операция по эвакуации. Алексу действительно нужна была команда людей, способная быстро переместить весь объем таблеток — если таскать понемногу самому, то большой риск засветиться и быть убитым, ведь коллектором для скрытого перемещения мог пользоваться кто угодно. Если таскать своей командой большими частями, велик риск, что кто-то из его людей поддастся соблазну обладать всем грузом: начнутся своры, интриги, и в результате команда перебьет друг друга. Останется в живых только один, но совершенно невозможно предсказать, кто именно. Если нет другой альтернативы — выживая, не доверяй никому.

Вера в значимость приличий — это безрассудство. Выживание не знает выбора между добром и злом, не знает справедливости. Выживание само есть справедливость. Все на ладони. Кто выжил — к тому судьба была справедлива, потому что он еще дышит, а остальные нет. Особенно когда речь идет о ресурсах, больших ресурсах. Монах и его мобильные группы были единственным

способом быстро перенести такое количество акватабса, потому надо было забирать свою долю и растворяться. Тем, кто сохранит верность, он выделит долю, тем, кто предаст — пулю. Монах попытается убить его и его людей еще раз — всех, кроме Кэт. Кэт станет ахиллесовой пятой Монаха. «Симпатичная попка Кэт будет твоей наживкой, хан-султан Сулейман. Она, конечно, великолепна, но не настолько, чтобы за нее умирать». Алекс не испытывал к нему неприязни. Ничего личного: просто математика, шахматы, даже нарды — шахматы с элементом случая. Зары*, в лице Туман и Кэт — и победа в этой игре справедливо достанется самому везучему и умному. Невозможно было рассчитать все дьявольские диспозиции и вероятные повороты, нужно было просто дать мозгу действовать самому, полностью принимая фатальность будущего. Гнаб Гиб породил монстров, одинаково хладнокровно побеждающих и проигрывающих, которые только так могли принимать реальность. Только те, кто одинаково легко готовы были выжить или умереть, были достойны настоящей награды — жить. Остальные служили инструментом.

Они похоронили Хачика на дне коллектора в тупиковом коридоре, завалив его тело крупными камнями. Хорошая последняя стоянка. Алекс старался не думать о том, что того будут жрать крысы.

В баках фуры не осталось горючего: осколки посекали топливные емкости, и все, что могло находиться в патрубках, выветрилось за несколько лет. Под подножками были только большие маслянистые пятна, следы солянки. «Жаль: с каждой стороны по полтонны, можно было бы неплохо фартануть». Топливные ресурсы после Катастрофы быстро исчерпались: заправки разграбили первыми, за ними последовали резервуары на нефтебазах. Иногда мародеры просто поджигали танки, чтобы топливо не доставалось никому — самостоятельно перенести или вывезти такое количество не мог никто. Очень редко кому-то удавалось создать оборонительные укрепления вокруг нефтехранилищ и удерживать их с помощью небольшой армии. Те часто подвергались нападениям, владельцы сменялись один за другим, и все же автомобили в большинстве своем превратились в ненужные груды металла, большинство дорог было разрушено и завалено. Китайцы расчистили и разминировали только трассы, связывающие аэропорты и Цитадели — дороги, по которым ездили гарнизонные патрули, расчищали сами гарнизонные. Оставшемуся населению было проще перемещаться пешком: любое движение на автомобилях, не принадлежащих гарнизону, считалось потенциально опасным, а транспорт подлежал уничтожению. Желających рисковать жизнью и быть расстрелянным с дрона находилось немного. Поговаривали, что китайцы восстановили добычу нефти в Сибири и качали нефть для себя, но скорее всего это были слухи: добывать нефть на поверхности в Саудовской Аравии, в Техасе и Венесуэле было намного проще и дешевле. Даже несмотря на то, что ее потом приходилось везти из Территорий на материковый Китай. Но существовал и черный рынок дизельки, и топливо можно было неплохо обменять на оружие, патроны, еду и одежду. Если умудриться выжить во время обмена.

Группа, недосчитавшись двух бойцов, возвращалась другой дорогой.

— Алекс, мне нужно с тобой... это... перетереть один на один, — тихонько сказала Туман, уже без иронии взглянув в глаза Алексу. Кэт и Хитрован молча следовали за ними по незнакомым галереям коллектора.

— Говори, Туман, у меня нет секретов от нашего «сената». Я всегда советуюсь с народом, они в курсе всех моих движений, — эта фраза от Алекса звучала слишком убедительно, чтобы быть правдой. Манера такого общения сильно раздражала Туман, и она, не скрываясь, сказала:

— Ты же понимаешь, что Монах приказал нам с Раздолбаем грохнуть тебя и твоих мальчиков, как только доберемся до места, — смягчив голос на слове «мальчики», она оценивающе посмотрела на Хитрована, будто прикидывая, хорош ли тот в сексе. Хитрован поймал этот взгляд и смущенно

отвернулся. — Грохнуть всех вас, кроме нее, — махнула она прикладом в сторону Кэт. Это было знаком уважения, ведь она не направила в сторону Кэт дуло.

— Да, я понимаю. Попытка засчитана, Монах молодец, — Алекс замолчал, давая ей продолжить.

— Попытка? Да если бы не я, сейчас твои мозги, а не Раздолбая, украшали бы ворота фуры. — Туман перевесила свой автомат на правое плечо. Было видно, что она хорошо тренирована, но учил их не армеец: носить подолгу оружие на ремне она не привыкла. — Я тебя не за красивые глазки от смерти сегодня дважды спасла: глазки и покрасивее видала. Ты мне не особо интересен, у тебя своя баба есть, — она еще раз посмотрела на Хитрована. — Спасла, потому что надоела мне вся херня в монастыре. Он нас там муштрует, а держит на голодном пайке. Мужиков в расход пускает по своему усмотрению. Баб пользуется, потом в бордель: направо не посмотри, налево не ходи... Не хочу я себе такой жизни. Может, возьмете меня к себе? Я вам за это борщи варить буду... — Туман деланно улыбнулась. — Готовлю вкусно, говорю мало, голова не болит. А нет, так пойду сама счастье свое...

Алекс остановился, поднял руку и взял на прицел кого-то невидимого в уходящей вдаль кишке коллектора. Там, в самом конце, мерцали едва заметные отблески костра. Группа остановилась.

Когда они подошли на расстояние выстрела, Кэт разглядела в объектив оптического прицела двух женщин-бродяжек, спящих у костра и одетых в лохмотья. Одна была совсем старая, седая, лет под восемьдесят, вторая, рыжая, помоложе, но годы выживания сделали ее женщиной неопределенного возраста. Туман провела большим пальцем себе по горлу от уха до уха, ткнула себя в грудь и стала доставать большой охотничий нож. Алекс остановил ее, схватив за предплечье и отрицательно покачав головой. Он взял спящих женщин на мушку и медленно двинулся в их сторону, показав группе рукой следовать за ним. «Давайте, девочки, только не шевелитесь. Взять с вас нечего, я такую породу знаю. Надеюсь, вреда причинить вы не можете. Странно, что не проснулись вы от наших голосов... Только не дергайтесь, а то отправлю вас к ангелам или чертям: там уж разберутся, кого куда». Они почти прошли мимо женщин, когда рыжая внезапно открыла глаза и уставилась на Алекса. В ее суженных зрачках не было страха, только вопрос, сейчас она умрет или в другой день. Алекс приложил указательный палец к губам и стволом приказал распахнуть полы лохмотьев. Рыжая подчинилась и показала, что у них нет совсем ничего, что можно было бы использовать как оружие, кроме ржавого кухонного ножа и открывалки для консервных банок. Алекс поднял большой палец вверх и указал на старуху. Рыжая кивнула: в тишине она зажала ладонью губы старухи и тихонько потрясла ее за плечо. Та проснулась, испуганно выпучив глаза на людей с оружием, но не произнесла ни слова. Рыжая распахнула ее лохмотья, и в нос ударил тошнотворный запах гниющего заживо тела. Кэт и Туман инстинктивно отвернулись, зажмурившись и будто пытаясь увернуться от увиденного. Рыжая молча сидела, ожидая своей участи, и бесстрастно смотрела в их сторону, переводя вопросительный взгляд с Алекса на каждого члена группы. Хитрован закашлялся от запаха.

Алекс жестом приказал женщинам лечь. Группа уходила. Кэт, замыкая, держала бродяжек на прицеле винтовки. Разъяренная женщина может натворить очень много бед одной открывалкой для консервных банок.

Москва-Казань-Москва

Люди, которые могли бы рассказать, как именно все произошло, как началась Катастрофа и что происходило дальше, много раз уже пересказали свои версии и давно перестали их обсуждать. Газет, медиа, новостей из Сети больше не было, так что новости потеряли свое значение, как

любая исчезающая понятийная форма. В ТОЙ жизни человек зависел от новостей, мозг ежедневно требовал новых событий, картинок, видео...

После Гнаб Гиб человек освободился от информации, которую в его сознание впахивали медиа-продюсеры, правительство, поисковые системы и соцсети. Редкие новости передавались, как и в древние времена, искаженными слухами от человека к человеку. Больше никто не указывал, как надо правильно жить, что покупать и как развлекаться. Столкнувшись с полной свободой от медиа, освободившись от виртуальной зависимости, человеку осталось надеяться только на свою память, которая зачастую играла злые шутки. Она искажала воспоминания, потому что Катастрофа переживалась каждым лично, порождая миллионы вариаций: обрывков памяти, фантазий, как именно все было.

Может быть, на Территориях и существовали летописцы — люди пока еще не разучились читать и писать — но любой подобный рассказ был бы сильно ограничен тем, что видел человек вокруг себя, и слухами извне. Подобная летопись состояла бы из описания мелких местных событий и искаженных слухов о том, что происходит в Цитаделях. Было неоткуда брать информацию о событиях во внешнем мире. Вот и получалось, что такие дневники могли бы поведать о бесчисленных нападениях банд, об отсутствии пропитания одного и о самом урожайном годе на примитивных огородах у второго — и все в пределах одной и той же Территории.

После того, как человек в ТОЙ жизни заливал терабайты информации в Сеть ежеминутно, надеясь сохранить эту «востребованную» потомками информацию, сейчас он получил свободу. Свободу от чужого навязанного через Сеть и медиа, свободу от искажения смыслов, псевдодрузей, лжеценностей, имитационной демократии. Был ли он рад этой свободе?

Кэт очень тяжело пережила Катастрофу. Она накатывала как цунами. В начале, как отступающая вода, Катастрофа обнажила всю грязь со дна современного мира: по миру прокатилась волна беспорядков, и глупцы побежали собирать ракушки, а умные стали готовиться. Люди находились в неведении. Кэт поехала в Казань выхаживать больную бабушку.

Очередная вспышка вируса пожинала новый смертельный урожай. Казань к тому времени очень изменилась внешне, похорошела и даже обзавелась некоторым лоском. Разномастный человеческий винегрет, кубикам которого будто нечем было заняться, рекой тек по улицам до Катастрофы. Иногда даже казалось, что они статисты и нужны только чтобы поддержать декорацию и сценарий «Повседневная жизнь древнего города». Но теперь многолюдный центр, обычно заполненный толпами празднующихся, поредел — туристы исчезли, а горожане шагали быстро и сосредоточенно. Уже появлялась торжествующая агрессивность, ходить по улицам стало опасно — на прохожих могли напасть среди бела дня. Почти никто не решался приходить на помощь, люди спешили пройти мимо с каменными лицами. Эти лица были сродни дымчатым стенам в центре Казани, которые безразлично наблюдали за ходом проносящейся мимо жизни. Для них-то уличной преступности будто и не существовало. Те же, кто рисковал и пытался защитить жертву, могли оказаться на больничной койке или в могиле.

Кэт добиралась в Казань на разных поездах четверо суток вместо одной ночи. Поезда еще ходили, но абсолютно вне графика: тот, на котором выехала Кэт, сначала простоял 16 часов под Москвой на запасном пути, затем его и вовсе вернули на Казанский вокзал, а пассажиров пересадили на объединенный 72-ой Чебоксарский, который стоял по часу у каждого столба.

Бабушка была совсем плоха. Все симптомы вируса налицо: кашель, высокая температура, головные боли. В больницу ее не взяли: после первой волны старались спасать только молодых. Вирус косил и самих врачей, потому они пытались защитить себя и запирали пациентов в больничных отделениях. Вакцины еще не придумали, и лечение сводилось к поддерживающей терапии. Оставалось надеяться на чудо.

На следующее утро после приезда к бабушке Кэт вышла в продуктовый на углу. Магазин за много лет сменил несколько хозяев и теперь был небольшим супермаркетом местной сети. Она знала, что нужно прийти к открытию, потому что перебои с поставками уже были. То, что у дверей магазина собралась толпа, было предсказуемо. Пенсионерский рой гудел.

Люди плотно прижимались к впереди стоящим, и те, что стояли у самой двери, отпихивались и отталкивали спинами напирающих. Движения были хаотичными, общая картина напоминала волнения на воде. Гудение прорывалось руганью и последними слухами. Некоторые бабки держали в руках деньги. «Наверно, так вот и стояли в очередях в СССР, об этом бабушка с дедушкой рассказывали. Во сколько же они пришли, неужели всю ночь стояли?» — думала Кэт, глядя на этот муравейник. Он казался стихийным, но это была уже почти монолитная толпа: отдельный человек в ней беспомощен, но она сама страшна слепой общностью. Человек в толпе не может согласовывать действия с другими: толпа движется, и люди в толпе движутся вместе.

Толпа обладает своим, неподвластным отдельному разуму сознанием, которое может давить, крушить, убивать. В такой толпе люди превращаются в стаю взбесившихся животных, ею не управляет разум. Кэт видела, что чуть за пределами общей толпы стоят несколько мужиков и наблюдают за происходящим со стороны. В руках у них были мешки. Кэт растерянно поглядела на свои руки: она ничего не взяла, обычно покупки упаковывали в пакеты в магазине. «Блин, неужели там даже пакетов не будет? Какая я дурочка... Эти-то подготовились». Она еще раз внимательно посмотрела на отдельно стоящих мужиков и попыталась улыбнуться одному из них, коренастому и чубатому, с массивной челюстью. Он встретился с ней взглядом, отвернулся и сплюнул. «Понятно, ты мне тут не помощник. Да и не особо-то и нужен. Я тебе ни при каких условия не дала бы».

До открытия оставалось меньше пяти минут: за витринами было видно, как готовились сотрудники и кассиры в розовой униформе. Какой-то мужик зачем-то отодвинулся от большой оконной витрины на несколько метров, и в получившийся «вакуум» тут же протиснулись три или четыре человека. Толпа гудела, восклицания переходили в истерическую ругань. Было плохо видно, но кто-то непонятно зачем передал вперед невесту откуда взявшуюся швабру. Видимо, они пытались взломать шваброй входные двери. «Идиоты, откуда вас здесь так много?».

Какая-то милovidная женщина резко размахнулась над головой и ударила шваброй по витрине. Раздался звон стекла, кто-то вскрикнул: крупные осколки посекали прижавшихся спереди. На миг толпа замолкла и остановилась — и тут тот, что отодвинулся от витрины пару минут назад, рванул в стеклянный проем и, ловко перескочив через подоконник, исчез внутри. За ним, раздвигая впереди стоящих и идя почти по головам, в проём устремились те мужики, что стояли поодаль с мешками. Они взбирались на подоконники, уклоняясь от крупных осколков, которые застряли в нижней части и напоминали смертоносно острые зубы окалившегося дракона.

Входные двери доломали, и толпа устремилась внутрь, сминая тела невезучих и неповоротливых. Женщину лет сорока придавило волной: она упала и медленно отползла в сторону, опираясь на колени и одну руку. Второй она схватилась за грудь. Она успела причесаться перед выходом в магазин, но сейчас ее светлые, как у Мэрилин Монро, локоны повисли. Никто не обратил на нее внимания: людской поток вливался в магазин, устремляясь грабить полки с товарами. «Мэрилин Монро» отползла на безопасное расстояние и упала на бок. Кэт подбежала к ней и опустилась на колени, пытаясь помочь.

— Вам плохо? — Кэт поймала беспомощный взгляд. Женщина пыталась ответить, но ее губы лишь беззвучно открывались и закрывались, как у рыбы.

— Здесь есть врач? Помогите кто-нибудь! — крикнула Кэт безнадежно, как в пустоту. Правой рукой держала женщину за руку, поглаживая ее левой. «Раздавили тетку на хрен! Блин, что за ужас, у нее грудная клетка вправо аж вся сместилась!».

Снаружи у магазина никого не осталось, кроме раненных осколками, толпа ворвалась внутрь. Раненых было четверо, среди них та, которая разбивала витрину — она лежала на животе в луже собственной крови и мелко дрожала. Старый дед с рассеченным лицом пытался встать, но тело его не слушалось. Кэт почувствовала, как тошнота подступает к горлу. «Только не блевануть, только не блевануть бы на эту тетку. Счас, счас, потерпи, милая...». Кэт судорожно вытащила мобильник и пыталась одной рукой набрать скорую, второй все еще сжимая ладонь женщины. Сети не было. Тошнота одолела, и Кэт вырвало — она даже не попыталась встать, просто отвернулась в сторону.

Ладонь женщины перехватила Кэт за запястье и с силой сжала. Губы судорожно хватали воздух, глаза расширились, она попыталась пошевелиться, как будто хотела встать, ноги дернулись, но секунд через десять она замерла, так и не ослабив хватку. Глаза остекленело смотрели в разбитые двери магазина, откуда уже выбегали «покупатели», держа в руках авоськи, сумки, мешки с продуктами. Некоторые спешно выходили с тележками. Подоспевшие уже к разграбленным полкам не успели наполнить свои тележки, атаковали чужие, и борьба, вспыхнувшая в магазине, перемещалась на улицу. Трое мужиков рубились за сумку, совсем не защищаясь и только нелепо молотя друг друга со всех сторон.

Внутри магазина людская каша смерчем закручивалась вокруг оставшихся продуктов, десятки рук пытались ухватить каждую упаковку, люди матерились, рычали и визжали. Кто был помощнее, пробивал себе дорогу пинками, ударами локтей и кулаков. Кто-то кусался, тут и там дрались, женщины таскали друг друга за волосы, но битва тут же прекращалась, если обороняющийся отпускал свою добычу. Доставалось всем, невзирая на пол и возраст. Кэт видела, как здоровенный детина наотмашь ударил пожилую женщину, которая тянулась к сумке на его плече. «Это уже слишком! Что ж ты за тварь такая! Убила бы тебя, гад!».

Появилась сеть, и телефон в руке Кэт на автодозвоне сам набрал 112. В трубке после нескольких гудков послышался голос оператора:

— Служба спасения, оператор Анна, что у вас случилось?

Кэт медленно перевела непонимающий взгляд из глубины магазина на телефон, затем на обмякшее тело и остекленевший взгляд той, которая все еще цепко держала ее запястье.

— Звиздец у нас случился...Звиздец... — выдохнула Кэт и нажала «отбой» на экране смартфона. Она вытащила свою руку из ладони остывающего трупа, посмотрела на деления сети. На месте уровня сигнала снова появился крестик. Нет сети. И больше никогда не будет. Кэт поднялась с колен, отряхнулась и пошла в сторону дома. Навстречу с уже пустым мешком в руках пробежал тот человек, который сначала отошел от витрины, а потом первым сиганул в разбитый проем. «Вторая ходка у него, какой молодец! Ты можешь собой гордиться, говно, — злобно подумалось Кэт. — Это какой-то трэш. Неужели эта жесть действительно со мной происходит?».

У бабушки развилась пневмония, и через два дня она умерла. Никто из соседей не захотел помочь Кэт с похоронами. «Мерзкие крысы: это не вирус сделал вас такими бесчувственными, вы всегда были такими лицемерными тварями. О Господи, как хорошо, что я успела. А то лежала бы она совсем одна тут...». Мобильная связь по-прежнему отсутствовала. Кэт пришла пешком в полупустую городскую администрацию, где молодой, лощеный мордастый чиновник принял взятку и прислал к дому бабушки похоронную команду в защитных костюмах, масках и очках. Ехать на кладбище Кэт запретили. На вопрос, как узнать номер могилы, отмахнулись рукой — мол,

не до этого сейчас, потом разберешься в администрации. Кэт думала поначалу найти каких-нибудь бабушкиных знакомых и устроить поминки, но столкнулась с равнодушно закрываемыми дверьми в ответ на ее просьбы о помощи и поняла, что идея была никудышной. Не по-человечески все это, все вокруг не по-человечески. По-звериному, что ли...

В ночь после похорон мародеры начали жечь машины на улицах и во дворах. Грабили уже не только магазины, лавки, мастерские и заправки, но и квартиры. Полиция не вмешивалась. Так начинался хаос в Казани. Нужно было что-то делать с квартирой бабушки, но Кэт никак не могла решить, стоит ли этим заниматься сейчас. Парень, пришедший через день после похорон бабушки и представившийся участковым, таковым вряд ли являлся. Он предложил продать квартиру за цену десяти мешков с сахаром. Кэт грубо послала его, а он ушел с отвратительной улыбкой и словами, что скоро он заберет себе квартиру бесплатно и она будет горько жалеть. Кэт не знала, что скоро так и будет, как и не знал этот новоявленный делец-могильный риэлтор, насколько был прав. Недвижимость навсегда потеряет свою ценность и станет бесплатной для всех.

Нужно было выбираться обратно в Москву: денег практически не оставалось, и Кэт решила добираться автостопом. Она взяла с собой только рюкзак, решив оставить свой любимый ярко-желтый чемодан Mandarin Duck: он бы сильно привлекал внимание и мог спровоцировать нападение. Никакого макияжа, волосы убраны под косынку-бандану, мешковатые штаны и верх — сейчас Кэт нужно было выглядеть незаметнее, чем самый мелкий муравьишка среди травянок. В рюкзак — только самое необходимое: теплая куртка и дождевик, аптечка, зажигалки, орехи, вода, перочинный ножик, смена белья, полотенце, зубная паста, щетка-расческа, зеркало. Было страшно идти по городу, охваченному пламенем хаоса, но еще страшнее выходить на трассу.

Кэт взяла с собой табличку с надписью: «Москва». Пару лет назад она путешествовала с другом автостопом и знала нехитрые правила поведения, но теперь она была одна и не знала, как поведут себя люди, когда в стране власть не обеспечивает никому безопасность. Сначала эпидемиологический террор в отношении населения, потом совершенно не логичное ослабление карантина на пике смертельных случаев, а затем и полное отсутствие интереса к проблемам населения. ЗАБОТА — ЭТО БЕЗРАЗЛИЧИЕ, ПОМОЩЬ — ЭТО БЕЗДЕЙСТВИЕ. Цунами вируса накатывало волнами человеческого зла, неизменно поднимая худшие людские качества. Сначала у чиновников — жажда безнаказанно грабить и наживаться, а затем желание безнаказанно грабить и убивать среди негодяев всех цветов и мастей, которые всегда в избытке были в любом обществе.

Вся цивилизованность быстро смывалась тоннами крови, которую бывшие соотечественники пускали друг другу, как только контроль государства ослаб, чтобы после исчезнуть вовсе. Чем быстрее мир катился в пропасть, тем ярче проявлялось нечеловеческое в человеке, настоящее сублимированное Зло, которого не знает природа: в ней хищники убивают только когда голодны. Зло, присущее только человеческому сознанию, зло без мотива расцветало все ярче и ярче, метастазами оцепляя страну и мир. Механизм самоуничтожения человечества начал работать вразнос. Зло, выпущенное на свободу, ставило жирный крест на надежде на способность человека предотвратить Катастрофу, что разум может все исправить.

Дикое зрелище людского одичания лишь подчеркивало и завершало процесс всеобщего отупения и деградации, которая творилась Злом последние тридцать лет. Зло было выпущено на свободу, и добро почти перестало существовать. Зло убивало и добивало, давило, кололо, душило, растапывало и расстреливало веру в то, что «человек — это звучит гордо». Зло насмешливо доказывало: человек хоть и платит за все сам, но свободно только само зло. Человек не выше сытости, когда Оно на свободе. Зло разных видов и сортов, подленькое и наглое, агрессивное и молчаливое, голодное и сытое, воздающее и карающее, отбирающее и раздевающее, безразличное и жестокое. Зло на свободе показало, что Зло и есть Свобода.

Такая свобода оказалась наказанием. Связь уже не работала по всей стране. Главный мегаполис необъятной тоже начал погружаться в хаос. В столицу вводили войска. Кэт еще не знала об этом.

Добираться до Москвы автостопом было трудно, иногда приходилось идти по двадцать километров пешком. Не все водители хотели брать спутника в такое время, но все же ей везло, ее подбирали и даже кормили в дороге. Пересаживаясь с одной машины в другую, она каждый раз боялась домогательств, но, к счастью, все поездки заканчивались благополучно.

До тех пор, пока, однажды, мужик с выщербленным лицом молча не подобрал Кэт на трассе на выезде из Нижнего Новгорода и повез ее в сторону Москвы.

С самого начала поездки Кэт чувствовала, что он нервничает. Они проехали совсем немного, километров десять. Трасса была почти безлюдна. Редкие легковые авто на огромной скорости обгоняли фургон, в котором они ехали. Участок дороги был узкий, по одной полосе в каждую сторону. Кэт старалась не смотреть в его сторону, но не могла не замечать боковым зрением его неадекватное поведение. Он не проронил ни слова, крепко вцепился в руль, его пальцы побелели от напряжения. Лицо напротив, было красным, как у рака. На лбу появился пот и несколько струек скатились в глаза. Самое удивительное, что он не пытался смахнуть или вытереть пот застилающий веки.

- Вам плохо?,- спросила Кэт, пытаясь поймать его взгляд.

- С чего ты взяла? Мне нормально,- он отвечал не поворачивая голову в ее сторону. Голос был хриплый и дрожащий. "Может он инфицированный?" подумала Кэт. Грузовичок замедлял движение и съезжал на обочину. Машина почти остановилась, когда он резким движением попытался заблокировать двери кабины, но Кэт уже держала руку на внутреннем рычаге-ручке дверного замка. Она выпрыгнула почти на ходу, чуть не подвернула себе ногу и побежала в сторону леса по песчаной не оглядываясь. "Мои, вещи! вещи забыла в салоне! Вот я дура" Выпрыгивая, она слышала как мужик тоже открывал дверь со своей стороны, намереваясь догнать ее. Одной рукой он выхватил монтировку из-под сиденья. Но в следующее мгновение над дорогой разнесся противный и продолжительный визг тормозов и трущейся об асфальт резины, а затем звук гулкого удара человеческого тела об металлический капот легкового автомобиля, проносящегося мимо по направлению движения. Мужика с щербинами на лице подбросило метра на три вверх, и его уже мертвое тело, шлепнулось на дорожное покрытие позади черной Тойоты, которая набирая скорость не стала останавливаться и быстро скрылась с места наезда.

Кэт не сразу поняла, что произошло. Она еще пробежала по инерции метров пятьдесят, затем немного сбавила темп и прислушалась. Она затаила дыхание, пытаясь угадать расстояние между ней и преследователем. К своему удивлению она услышала только мерный рокот дизельного двигателя. Никто за ней не бежал. Через некоторое время она вернулась. Осторожно осмотрела грузовик издали и увидела распластанное и безжизненное тело водителя в луже крови на дороге. Ей было очень страшно. Но она собрала силы и решительно пошла к авто.

Грузовик был небольшой с автоматической коробкой передач. Она заскочила в кабину, ударила по газам и машина, сначала взбрыкнула, но выбросив из под протектора облачка песка и пыли, послушно и мягко понесла ее в сторону Москвы.

Казнь

Они снова, уже вдвоем, пришли к Монаху: Туман, Кэт и Алекс. В присутствии Лилит часовые не решились обыскивать их на входе: лишь встретили с молчаливым почтением, надели мешки на голову Алексу и Кэт и забрали оружие. Несмотря на неудавшуюся попытку убийства Кэт, в этой троице ощущалось нарождающееся единение, присущее небольшим отрядам после участия в бою. У каждого цель была своя, но сейчас только работая друг с другом они могли добиться желаемого.

Они заходили на территорию «монастыря» на рассвете. Мрачная темень складов сменилась аккуратно убранными проездами между складами и расчищенными дорожками. Груды строительного мусора, развалины, остовы полуразрушенных складов больше не казались следами запустения. Опытному взгляду сразу было понятно, что кто-то грамотно оставил руины для маскировки: где надо — создал иллюзию разрушения и хаоса, а где-то, наоборот, убрал. Конечно, в ближайшем гарнизоне знали о том, что в складах есть какая-то жизнь, но «монахи» настолько умело скрывались, что в гарнизоне и не подозревали, что на складах проживает 90-100 человек постоянно. Дроны патрулировали округу и фиксировали активность, но по подсчетам аналитиков выходило, что здесь промышляет неустойчивая группа в восемь-десять человек, которая не представляла никакой реальной угрозы ни гарнизону, ни тем более Цитадели на Территории 97.

Монах их встретил в хорошем расположении духа, пригласив позавтракать: кофе и невесть откуда взявшиеся круассаны. Лилит юркнула к Монаху первой и переговорила с ним с глазу на глаз. Судя по тому, что Алекс и Кэт все еще оставались живы, она не сдала их и действовала по уговору. Они выгрузили три больших туристических рюкзака у Монаха, который тут же накрыл коробки с акватабсом плотным брезентовым тентом.

— Все равно у моих в «монастыре» возникнут вопросы: не слепые, видели, что в рюкзаках что-то приперли, поэтому выходить будем сегодня на закате. Я все подготовил. Понесем груз на носилках плюс рюкзаки, — глаза Монаха поблескивали азартом охотника за удачей. Во время завтрака Алекс и Кэт изложили свою версию случая с Раздолбаем, которая малыми деталями отличалась от того, что рассказала Лилит. Повторять слово в слово было рискованно — Монах мог заподозрить сговор. Лилит дополнила всю картину рассказом о карточном проигрыше и слухами, что выигравший заказал убийство Монаха.

— Гад! Клялся мне, что не играет. Хотя я нутром чувствовал, что лжет, скотина! Я его как-то подловил. Они в карауле были. Я его обыскал, в кармане зарики* нашел. Я его отфигачил по роже... Он на коленях мне: «Монах, клянусь, просто в кармане были, я на развалинах нашел банку, в них зарики и монетки были, я даже не думал играть», — говорит мне и протягивает монетки какие-то. — Монах сдвинул брови. — Я ему не поверил, но сказал — еще раз увижу, отправлю червей кормить. Доигрался. Гавно такое! С кем он играл, того публично и жестоко казним после возвращения, — закончил он.

— Монах, прости, что спрашиваю, — Лилит вопросительно посмотрела на него, — ты пойдешь с нами за грузом? Если да, то казни его до выхода! Плохо, если этот картежникчик останется тут, а мы уйдем с людьми на сутки или двое... Никто не знает, кто ему сочувствует и как поведет себя народ в твоё отсутствие в таком случае. А так, если ты казнишь его сейчас, у них сохранится страх до твоего возвращения.

— Да. Ты права. Мы сейчас сделаем шоу! — Монах хлопнул в ладони и громко крикнул в сторону двери. — Башка, Отец Сергей, ну-ка зайдите.

В помещение вошли два огромных охранника с каменными лицами.

— Ведите этого сучонка в 13 склад. Лиль, как его звали?

— Это Костик, Костик из Авроры.

— Хорошо. Лиль, собирай всех в 13 складе. Кроме тех, кто на периметре. Башка, ты понял? Костик из Авроры. Знаешь его? — Башка, здоровый накачанный якут с бицепсами, похожими на пудовые гири, молча кивнул. — Отец Сергей, когда приведете, прикуйте его наручниками вокруг столба. Скажи, чтобы туда принесли дров и большую бочку. Заполните ее на три четверти водой. Дров побольше, чтобы вода кипела часа два. Есть вопросы? — Второй охранник отрицательно покачал головой. — Давайте. И это... смотрите, живого мне его туда приведите.

Лилит выскользнула из комнаты первой, Кэт и Алекс остались сидеть за столом напротив Монаха. Монах улыбался и снова рассматривал Кэт.

— Считаешь, что я слишком... — Монах подбирал слова, — жестко с ними?

— Да нет: это твое дело и твоя команда, — ответила Кэт, опуская глаза. Она не хотела отвечать на его вызов глазами. Ей был неприятен его интерес, и хотя в ТОЙ жизни она отшивала таких «на раз», сейчас ей приходилось терпеть, потому что нельзя было ломать придуманный сценарий.

«Интересно, Алекс отдал бы меня ему, как этот собирается подарить Лилит Алексу? Смогла бы я трахнуть с этим? Один раз, для дела — потерпела бы, наверно. Так-то он внешне ничего: рожа так себе, но высокий и широкоплечий. Трахнуть и перестать быть волчицей? Стать одной из его безвольных козочек? Нафиг надо... Алекс тоже странно реагирует. Прямо в щечку заигрался. Показал бы зубы разок, мужик же... С другой стороны, на кону.... Он за то количество таблеток кого хочешь подарит. Нет, не верю: он нас бережет. Хотел бы избавиться — дал бы Лилит убить меня».

Она посмотрела на него и встретила спокойный взгляд. Абсолютно спокойные руки. Никаких признаков волнения. Она всегда нутром чуяла внутреннее волнение, страх, возбуждение у мужиков. Спокойствие — признак большой силы, признак уверенности в себе. Монах был у себя дома, но чувствовалось, что он напряжен. «Правильно говорили раньше — сила в правде. А правда в том, что Монах послал этих двоих, а вернулась одна, и большой теперь вопрос, на чьей она стороне. Монах это наверняка понимает. Я тоже в свою игру сыграю, но не сейчас. У меня своя правда. Он подозревает, что все уже может быть повернутым против него, но у него нет иного выхода, кроме как продолжать играть».

— Правильно. В сущности, человек — гавно. — Монах держал кружку кофе. — Даже сейчас, когда выжили самые крепкие и умные. Ну если не умные, то самые цепкие, которые за жизнь когтями цепляются. У них вместо ума инстинкт звериный внутри. Так вот, все равно, считай, конец света наступил. Страшный суд состоялся, грешников всех в ад отправили, а эти тут остались. Обнулились. Казалось бы, живи по-человечески, без обмана. Нет, все с собой тянут оттуда, из прошлого. Все дерьмо в душе, злобу, обман, карточные игры. Никогда не понимал карты. Ну, шахматы, нарды — да, другое дело.

— Что-то я сомневаюсь в твоей теории. Думаешь, грешников в ад отправили? А может, наоборот, это и есть ад? Мы сами — те самые грешники и есть. А те, которых нет, они давно уже в раю? — ответил Алекс.

— Ну, ты можешь не соглашаться. Только я таких мразей столько на тот свет отправлял... Битцевский маньяк покажется дитем малым. Мы вот сейчас красивую и умную женщину спросим. Как думаешь, Екатерина, тут ад? Или Боженька нам дал самую последнюю возможность выстроить нового, нормального человека?

Ее никто не называл полным именем несколько лет — она даже вздрогнула от неожиданности. Помолчав, Кэт сказала:

— Я думаю, что нет никакого ада или рая. Просто мы живем идохнем, как насекомые, только более крупные, и кичимся тем, что у нас мозга больше и мы умнее.

— Как это нет ада и рая? Ради чего же живет человек? Смысл-то в чем?

— Монах, ты издеваешься? В чем смысл, ты спрашиваешь? После всего этого, после того, что мы все потеряли навсегда? Кому нужен твой смысл? Или мой? Или смысл жизни, ну, великих художников? Леонардо да Винчи же знаешь? Мир в руинах: в чем смысл его картин, в чем смысл его жизни? Их жрать нельзя, укрыться ими в холод тоже нельзя. Даже если сжечь, они тепла особо не дадут. Я тебе скажу, в чем мой смысл жизни персональный. Он в том, чтобы понять, что нет смысла в моей жизни. Нет смысла теперь ни в чьей жизни. Если нет больше человечества, смысл жизни больше никому не нужен, как и не нужен ад и рай. Душа человека сама и есть ад. Тех, у которых душа — рай, я что-то не встречала за последние лет эдак пять.

— Я встречал, — тихо сказал Алекс, вспомнив Ба.

— Подожди, Алекс. И любви нет, Катерина? — с хитрой улыбкой спросил ее Монах, сначала посмотрев на Алекса. — Непорядок там у вас в ДОМе. Девушка какая красивая живет с вами. А на нее нет любви. А, Екатерина? Как тебя по батюшке?...

— Да пошел ты! — прервала Кэт Монаха. Тот заулыбался еще шире: такой гостье он был готов простить почти любую грубость. Пока простить...

В дверь постучали, и в комнату вошли две девушки-близняшки в камуфляже. Армейские штаны туго обтягивали стройные бедра, на поясах висели глоки* и большие охотничьи ножи. Ремни портупеи охватывали футболки защитного цвета, подчеркивая великолепную грудь. Личная Гвардия, охрана Монаха, освобожденная от обязанностей в борделе. Казалось, что Монах подбирал девушек только по внешним параметрам: великолепно сложенные, с силуэтами, напоминающими контуры дорогих суперкаров, они не внушали особых опасений незнакомым бойцам. Но каждая охранница стоила десятерых. Они были прекрасно подготовлены и физически, и морально. Женщина-боец Гвардии играючи могла расправиться одновременно с тремя крупными, но неопытными мужиками, как надежная и мощная машина для убийства.

— Монах, Лилит сказала, что все готово. Народ собрался в 13 ангаре. Ждут тебя, — обратилась одна из вошедших, стоя по стойке смирно.

— Хорошо, птичка моя. Сходи, принеси мне черную рясу. Она там, в шкафу в спальне. Ту, которая просто черная. Без золота. Мы потом продолжим, Кэт. Я немного расстроен. Я знаю: любви у тебя может быть столько, сколько ты захочешь. Я про другое. Я не ожидал, что вся эта херня тебя настолько потрепала. — Улыбка на лице Монаха потускнела: вершители судеб в постмире тоже бывают сентиментальны.

Монах безжалостно оглядел всех присутствующих. Его люди выстроились в два ряда в помещении огромного склада с двенадцатиметровыми потолками. Восемьдесят человек стояли лицом к центру по сторонам квадрата десять на десять, начерченного на асфальтовом полу белой линией. То ли плац, то ли лобное место. Костик из Авроры был прикован к центральной колонне, рот ему заткнули кляпом. Он подвывал, руки и колени его сильно дрожали. Поодаль, на возвышении из кирпичей, стояла наполненная водой бочка. Рядом с Костилом стояли Отец Сергей и Башка.

— Итак, дамы и господа! Сегодня в этом великолепном зале состоится памятное событие! — декламировал Монах как заправский конферансье перед боксерским поединком. — На кааазнь приглашается... — Монах сделал паузу, — На кааааазнь приглашаааааается игрок и картежник,

предатель, изменник и завистник, желающий занять мое место. — Монах улыбнулся и развел по сторонам руки в черной рясе. — Коосстиииик из Аввррооры по кличкееееее..... Гаввноо!

Все стояли в оцепенении. Кэт и Алекс располагались прямо перед Монахом в одном из углов квадрата. Стало слышно, как где-то протекает кровля и капает вода.

— Нарекаю тебя Гаавном! — Монах улыбался. — Отныне и вовеки веков. Если тебя и будут вспоминать, то только этот день. Жаль, что ты не услышишь, как люди будут говорить: «А помните казнь Костика-Говна?». Я постараюсь сделать так, чтобы тебя запомнили. Ты навсегда останешься в памяти людей как кусок говна. Монах прошелся внутри квадрата. Его улыбка резко сменилась на суровое выражение лица. Он произнес коротко, отчетливо и без пауз:

— Есть желающие защитить это гавно? Желающих нет... Ну что же, Башка, вытащи у него кляп изо рта.

Башка достал кляп, и всхлипывания с подвываниями раздались громче. Крепкое телосложение Костика из Авроры никак не вязалось с его рыданиями: здоровый brutальный мужик ревел как баба.

— Итак, Цинциннат* ты наш картежный. Признаешь ли ты, что играл в карты?

Костик подавил всхлипы, замолчал и впервые оглядел присутствующих.

— Монах, подожди, так нельзя, я тебе верой и правдой, выслушай меня!

Кэт вздрогнула, услышав его голос: он принадлежал тому, кто лапал ее задницу в прошлый их визит. Это не ускользнуло от Алекса. Монах поднял ладонь в знак того, чтобы Костик замолчал. Одна из гвардейских девиц вышла, передала Монаху картонный футляр от игральным карт и тут же вернулась обратно в строй.

— Это твое? Мы нашли это при обыске. У тебя. — Монах поднял над головой футляр и высыпал игральные карты на пол.

— Да, Монах, мое, подожди, выслушай, я нашел карты в одной хате в Имбицилленде, черт дернул меня взять их...

— Повторяю вопрос. Признаешь ли ты, что играл в карты? — прервал его Монах.

— Да, признаю, играл, только не убивай меня, — последние слова Костик произнес почти в отчаянии.

— Хорошо... — Монах развернулся на пятках, держа руки за спиной. — Признаешь ли ты, что выиграл в карты у Раздолбая? — Он подошел к прикованному и уставился ему прямо в глаза, в самые зрачки. Тот не смел отводить взгляд. Отвести глаза означало либо то, что Костик что-то скрывал, либо то, что признавал себя виновным. Впрочем, это совершенно не имело значения.

— Монах, да мы несерьезно, не на день... — Костик осекся, взглянув в колющие глаза, — мы не на интерес играли, просто так, время убить!

— Хотел убить время, а убил себя. Вот как грустно получается. — Монах поднял пиковую даму с пола, держа над головой, прошелся перед рядами и громко, почти крича, повторил:

— Хотел убить время, а убил себя! Карты убивают! Запомните это. Запомните это все навсегда! Повторяю вопрос, Гавно. Признаешь ли ты, что выиграл у Раздолбая?

— Ох, признаю, признаю, Монах, прошу, не убивай меня! — Костик завыл снова.

— Признаешь ли ты, что заказал меня Раздолбаю? В оплату карточного долга?

— Нет, Монах, не признаю, не признаю, я не заказывал тебя, не зааказываалл, поверь мне, я прошу, мы просто в карты играли!

— Другого ответа я не ожидал от куска говна. Признаешь ли ты, что когда ко мне в прошлый раз пришли гости, — Монах указал рукой на Алекса и Кэт. «Ах ты ж тварина, — подумал Алекс, — ты все знал». — Ты позволил себе распускать руки и посмел сделать моей гостье... Моей Гостье! — он прокричал эту фразу, и она эхом разлетелась по складу. — Ты посмел сделать моей Гостье непристойное предложение? Разве ты не знал, что женщина у нас священна? Разве ты не знал, что женщина, которая приходит ко мне в гости, священна вдвойне? Отвечай!

Костик был сломлен окончательно и промывал сквозь слезы:

— Монах, я не эт.... имел ввиду... ты... они ... не так поняли... я обыскивал...для безопас.. безопасности...

— Только того, что ты нашел карты, утаил от нас и играл, достаточно для того, чтобы убить тебя. Но, может быть, я бы тебя и простил. Отрубил бы руку, которая играла. И простил бы. То, что ты осмелился возжелать моего места, достаточно для того, чтобы убить тебя медленно и жестоко. Но и тут, может быть, я простил бы тебя. В память о твоих прошлых заслугах. Покалечил бы и выгнал. Но то, что ты нарушил законы гостеприимства, оскорбил моих гостей, простить тебе не могу. При Царе Петре Первом был такой Соковнин. Брат той самой боярыни Морозовой. Он тоже херово принял царских гостей. Царь велел узнать, в чем причина. Ну прессанули его немного. И мужик такого понарасказал... В те времена жестче все было, чем сегодня. Сильно жестче. Так вот, этот Соковнин признался, что он с покойным к тому времени боярином Иваном Милославским хотели убить царя. Короче, Петр приказал выкопать гроб Милославского, привезти на свиньях в Москву. Потом он отрубил Соковнину и еще одному кадру, Циклеру, руки, да так, чтобы кровь лилась в гроб к Милославскому. Мы тебе такие жестокости учинять не будем. Мы тебя просто сварим. Живьем. За дела твои. Свяжите ему руки сзади и посадите в бочку! — Монах повернулся к Костику спиной и пересекся взглядом с Лилит, стоящей напротив.

— Монах, они не так поняли.... я ничего... не имел в виду! — рыдал Костик, когда ему вязали руки за спиной.

— Заткните ему рот, — сказал Монах, не поворачиваясь. — Хоть тут вежи себя как мужчина! Скажи правду! Как мужик: «Да! Я трогал ее, потому что она красивая! Я хочу ее поиметь!»

Это прозвучало двусмысленно: Монах произнес последнюю фразу так, что можно было подумать, что он говорит от своего имени, но при этом не смотрел в сторону Кэт и Алекса. На приговоренном был металлический ошейник с приваренными кольцами по бокам. Отец Сергей и Башка, стоя слева и справа, удерживали Костика в бочке при помощи двух длинных арматурин, сцепленных с ушками на ошейнике стальными кольцами. Тело было полностью погружено в бочку, над верхней кромкой торчала только голова. Подобным образом обычно обращались с медведями, которых когда-то водили по улицам. С этого момента Костик как бы не замечал происходящего, не оказывал сопротивления и, видимо, смирился с своей участью. В тишине зала было слышно лишь клцанье зубов осужденного. Его била дрожь.

Вдруг непонятно откуда в помещение склада ворвалась собака. Она с громким и задорным лаем подскочила к людям и принялась подпрыгивать, вилять хвостом, демонстрируя радость при виде такого большого количества людей. Пес совершенно не боялся людей: он подлетал, скакал, присаживался на передние лапы, носился между рядами выстроившихся людей. Некоторые из них продолжали стоять по стойке смирно, не обращая внимания на пса, а некоторые улыбались нежданному гостю. Это был рыжий пес, крупный, с большими лапами и умными глазами — видимо, помесь азиатской овчарки и дворняги. На какое-то мгновение он остановился, и прежде

чем кто-нибудь успел опомниться, подбежал к бочке, встал на задние лапы, передними оперся о край бочки и лизнул лицо Костика. Все это было настолько неожиданно, что никто не знал, как себя вести. Отец Сергей посмотрел на одну из гвардейцев, кивнул в сторону собаки и произнес:

— Поймайте ее за ошейник и выведите отсюда. Она вроде не одичавшая. Костик, это твоя псина?

Осужденный отрицательно замотал головой. Двое из гвардейцев неуклюже пытались поймать собаку, но тот вертелся и не давал подходить к себе близко. Раздался смех: псина была смышленной и каждый раз с веселым твяканьем уворачивалась от людей, пытающихся поймать ее. Лай эхом разносился по галерее. Ее проворство каждый раз вызывало волну смеха. Не улыбался только Монах и еще трое. Даже Костик, сидящий в бочке, перестал всхлипывать и слабо растянул губы в улыбке. Собака продолжала лавировать между рядами, и когда почти поравнялась с одной из близняшек, та достала пистолет из кобуры, сняла с предохранителя, направила на пса и вопросительно посмотрела на Монаха.

— Нет. Ты что? Это же живая душа. Что мы, нелюди, что ли? — ответил Монах на взгляд близняшки.

Через несколько секунд собаку изловили. Собака упиралась и не хотела уходить: ей было весело в обществе людей, и признаков агрессии она не проявляла. Она тянулась и рвалась к людям в помещении. Пса с трудом вывели со склада. Смех сменился мрачным молчанием. Костик больше не скулил.

Монаху поднесли зажженный факел, и он запалил дрова под бочкой. Дрова были очень сухими, быстро загорелись, и в помещении почти не чувствовалось запаха дыма. Вода еще была холодная, и все понимали, что нужно время, чтобы она разогрелась. Было тихо, потрескивание горящих дров похоронным набатом приближало развязку казни.

Вдруг какое-то молниеносное движение за спиной у Монаха мгновенно прекратило мучения Костика. Кэт стояла, держа двумя руками свое мачете с тоненькой неровной красной полосой на лезвии клинка. Отрубленная голова Костика, клацнув зубами, с гулким звуком ударилась об пол и перекатилась на левое ухо. Кэт присела на одно колено, подняла голову, оттерла ее от пыли, закрыла ей глаза и положила на кирпичи рядом с бочкой. **УБИЙСТВО — ЭТО СОЧУВСТВИЕ.**

Монах удивленно вздернул одну из бровей, посмотрел Кэт прямо в зрачки, развернулся и в полном молчании медленным уверенным шагом направился к воротам склада. Четыре девушки из гвардии последовали за ним чуть позади, по двое слева и справа.

Снова в дорогу

— Расходимся. Уберите тут все, — скомандовала Лилит, когда Монах с охраной вышли из склада 17. Она подошла к Кэт, похлопала по плечу и с иронией сказала:

— Ну ты даешь, подруга! Мне бы такие выходки с рук не сошли. Радуйся, твой позор смывает кровью!

Кэт промолчала. Алекс беспристрастно наблюдал за ними. Он знал, что Кэт убила не из мести, хотя он тоже узнал этот голос и вспомнил те мерзкие смешки. По какому-то странному стечению обстоятельств Кэт все еще верила в человечность и считала, что никто в этом новом мире не заслуживает мучений. Все уже слишком намучались. Каждый из выживших стал чемпионом по мучениям.

Туман-Лилит же вела свою игру. С ее точки зрения тот, чье обезглавленное тело доставали из бочки с кровью и водой, заслужил такую кару и еще легко отделался. Какие счета сводила с Костином Лилит, Алексу было неважно — куда важнее был факт, что Монах ничего не сказал Кэт. Ее поведение было неслыханным по своей дерзости, и вообще-то она рисковала оказаться в той же бочке: вместе с Костином или сразу после него. Но Монах ничего не предпринял. Добрый знак. Сети, расставленные Алексом, начинали опутывать партнера. «Как говорится, яд начал действовать. — Алекс улыбнулся про себя. — Но рано, рано радоваться, все главное еще впереди».

— Пойдем собираться: дорогой дальнею, дорогой лунною... — Лилит была в приподнятом настроении. Она приобняла Кэт за плечо и увлекла в сторону выхода. Алекс посмотрел на них: такие разные по характеру и по внешности, а погляди ж, судьба их свела.

Они вышли через два часа большим отрядом. Сорок человек в ЭТОЙ жизни — это целая армия, почти целая рота. Для банд, способных атаковать, это верная смерть. Внешне казалось, что отряд был разношерстной толпой: вооружены были все разным оружием, одеты тоже кто во что горазд. Но если не считать гарнизонных, то никто в округе не мог конкурировать с «монахами» ни численным превосходством, ни боевой подготовкой. Одно дело выживать и уходить самому, другое дело — делать это целым отрядом. Люди были разбиты на пары, и каждая пара несла армейские носилки. Монах так хитро выстроил разбивку по парам, что Алексу в напарники досталась Лилит, а самому Монаху — Кэт.

Были ли они все русскими? Если описывать в том смысле, в котором это слово употребляли на Западе, то да. Если же смотреть изнутри, то кого только не намешалось в отряде Монаха. Якут, две худенькие, но жилистые узбечки, три украинца, чернявый — Алекс никак не мог понять, кто этот чернявый: то ли еврей, то ли кавказец, а может, и вовсе из этих, из джууба, горских евреев, они в той жизни сильные были — грузинка, татарки, белорус. В общем, почти весь Союз, и не факт, что русских в отряде было большинство.

Алекс вспомнил, как пытался объяснить Хачику, кто такие русские. Однажды Хачик огрызнулся и не хотел таскать тяжелые мешки с песком на второй этаж. Мешки были нужны для тура — укрепления вокруг бойниц в ДОМе. Хачика все время нужно было подгонять, поэтому Алекс слегка наехал на него.

— Хачик, ты это, не забывайся! Что это ты! Это ты мне, сучонок, скулил, подстреленный, в ДОМ просился, мамой клялся, горы золота обещал. И это я тебе, засранцу, брюхо зашивал и выхаживал тебя, — Алекс сверкнул глазами. — И вообще, это ты ко мне в Россиюшку за работой прилетел.

Мы вам и работу, и деньги давали, вы на эти бабки семьи содержали, квартиры, машины, поля и сады покупали. Сам же хвастал!

— Если бы ваши алкаши все не просрали в Союзе, я и не летел бы, ни за что. Вы виноваты, что я тут! — раздраженно пробурчал под нос Хачик. — Мы в Союзе охрененно жили, нам не надо было ездить в Россию зарабатывать деньги. Точнее, некоторые ездили, ну это совсем деревеньшина, «хопани» у нас назывались, на стройку в вашем колхозе. Мы сами таких не уважали.

— А что, у вас колхозов не было?

— Как не было?! Ты думай, что говоришь! — возмутился Хачик. — Были, конечно. У нас каждый колхоз был газ и асфальт-дорога, у нас все было, богатый колхоз в каждом деревне был. Все дети техникум, инстэут учили, автобус, трелебус, трамвай каждый большой город был. Завод-мавод, театр-матр, музей-шмузей. Матенадаран знаешь? Самый старый в мире книга там. Хорошо был. Работа у всех был, — видно было, что действительно помнил и тосковал по тому времени. — И человек, если умни был, у него и машина был, и дача, и квартира, и деньги тоже был. У нас знаешь какой жизнь был! Это у вас Иван Законыч весь деньги жену отдавал и на водка пускал.

— А то ваши водку не пили?

— Почему не пили: водку-коньяки пили, гулял, кайфовался, но мера знал.

— Что за Иван Законыч, это как?

— Э-э-э, обидишься...

— Не обижусь, говори.

— Ну, скажем, гаишник тебе остановил. Зачем? Ему не нарушени надо. Деньги гаишник надо: у него тоже мама, папа, брат, сестра, жена, син, дощка. Клади в права три рубля, три рубля нет — положи один рубль. Ну это я еще тот деньги говорю, старый. Ну 500 рублей дай гаишник. Он тебе улыбка, честь отдаст, спасибо скажет, добрый пути желает. И тебе хорошо — помог человеку — и ему. Государство кааапейки дает зарплата: иди дощка один прилични телефон с этот зарплата купи. Сину красофки, как у друзья, хороши — Нию Бальянс. Никакой зарплата на жена, мама, папа не останется. А он посмотрит на мой машина, подумает и скажет: «Маладец Хачик Гургеныч-джян, маладец армяне-христиане. Вот это Хачик сильни человек, может, даже бизнесмен», — Хачик помолчал, видимо, представляя эту сцену, что он бизнесмен, а его остановил инспектор.

— А Иван Законыч гаишник хрен даст, скажет — пиши пратакол. Аря, почему пратакол, у тебе время много, ходить гай? Закон хочешь, чтобы было. Кто это закон смотрит? Кто наверху — они плевали, гаишник тоже на закон все равно. Ну я не говорю, пьяни за руль сел, тогда и наказывать надо. Но Законич пойдет в гай очередь стоять, раньше еще сберкасса очередь стоять. Гаишник подумает: «Гнилой человек, даже 500 рублей не дал». И еще Законич ничего не сделает, чтобы дома у него красивы был, работать не любит. Ну ты себе не любишь роскошни, — продолжал дискуссию Хачик, обращаясь к невидимому Иван Законычу, — для дети чут-чут сделай деньги, ремонт, то-се. 500 рублей почему не дал? Жадний? Нет, глупый!. Хозяин, ты сказал, расскажи про Законыча, я рассказал — без обид, не обижайся на мой слова, — Хачик развел руки на уровень плеч в позу «хэндэ хох», опустил глаза и смолк.

— Эх, Хачик, Хачик, простецкая твоя душа, как 5 копеек, — Алекс, сидя на ящике, проверил патрон в патроннике, держа ствол на бедрах. — Никто из вас русских так и не понял. Может, только китайцы тогда немного нас понимали, но там Хрущ все обгадил. Даже сейчас, когда столько прошло после развала Союза. Как же тебе объяснить?

Хачик с подозрением покосился на винтовку в руках Алекса: вроде без агрессии говорит. На всякий случай сдвинул брови и слушал.

— Мы видели звезды, понимаешь? Мы туда устремлены были — в будущее, в прекрасную жизнь. Конечно, в Союзе много дерьма было. Но ведь мы страну-то все вместе отгрохали, и не один раз. После Первой мировой и гражданской руины? Голод? И что? Когда у вас первую ГЭС построили, знаешь? А я знаю — в 1936. Это через сколько после гражданской? Через 16 лет? А после войны? Ты понимаешь, что через 16 лет мы в космос полетели? Это как тебе? А знаешь почему? Потому что мы умели одну штуку, которую никто не умел. Мы умели отдавать больше, чем брать. Мы могли противопоставлять себя потреблению и легко это делали. Мы могли делать не для себя, а для других: для вас, для якутов, для узбеков, для грузин. Для наших и ваших потомков. Мы умели жить не сегодняшним днем, умели заглядывать в будущее.

Тебе же непонятно, признайся: как это не для себя? Себе хуже, чем чужим?! Другим, этим чужим из другого рода... из другой нации мужикам и бабам... лучше, чем себе и своей бабе?! И быть при этом счастливым....

Смотри: при староверах мы не торговали хлебом. Совсем. Потому что НЕ МОЖНО. Потому что «Хлеб насущный даждь нам днесь». Потому что хлеб это ЕГО дар. И мы раздавали хлеб всем поровну: и сыты были все, а если ОН не дал нам хлеба, недоедали тоже все. Все поровну. А излишки иногда сжигали, если раздавать некому было, потому что излишек имеет тот же корень, что и слово «лихо». Многие беды от излишков и излишеств. «Лихие люди» оттуда же, «лихолетье», «лихорадка» золотая. Счастлив тот, кому достаточно, кому хватает. Нам хватало. А лишним мы делились. Мы знали: что ни попросим у Него — все получим, и стеснялись много просить, но ОН сам давал. Земли нам давал, лучших людей, природных минералов в ископаемых несметно, бескрайние поля, полные хлебов, леса, моря и реки, полные рыбы и дичи. ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ! ОН давал нам с излишком, и мы делились с вами со всеми. Потом пришел Усатый и ЕГО запретил как бы, еще и все отобрал у мужика — и хлеб, и землю, и Бога.

Но код-то остался генетический: это простое правило жизни с молоком матери передавалось. Живи и думай о свете, думай о будущей прекрасной жизни, строй ее. И дали мы миру и восьмичасовой рабочий день, и выходные, и бабам права избирательные и образовательные. Это чтобы справедливо было. 8 часов и выходные, чтобы у человека время появилось думать о высоком и прекрасном, чтобы было время мечтать, чтобы учебой человек и образованием мог заняться, искусством, литературой. Ну и волей выбирать тоже с бабами поделились. С вашими бабами, между прочим, тоже: они вообще у вас почти в рабнях ходили, а тут «Свободу женщинам востока, женщина — она тоже человек!». Только ты в курсе — вот почему свиньи про звезды ничего не знают? Они столько искали свои желуди в земле, в грязи, что шея уже так сформировалась эволюцией: не дает им поднять голову. Я не говорю это про вас, про армян или другие народы. Ты тоже не обижайся — у вас были нормальные пацаны: Данелии, Хачатуряны, Кеосаян-старший, Бабаджанян, Амирханяны, Алиханяны и сотни других. Я про то, что если человек все время о жрачке, да о шмотках, да о роскоши думает — не даст ему эволюция про свет мечтать и к знанию стремиться. А кроме как мечтать, нужно еще уметь себя отдавать, нужно иметь силу противопоставлять себя злу. Мы могли противопоставить себя потреблению, отдавая свое последнее заводам, больницам и медицине, науке, космическим кораблям, искусству, спорту. Добровольно.

Алекс улыбнулся.

— Что так недоверчиво смотришь? Думаешь, я вру... Как отдавали свое, спрашиваешь? Ну вот смотри: издревле, чтобы разрешить сложный вопрос, приносили люди жертву. Люди на Кавказе до последних времен приносили в жертву животное. Уж не знаю, откуда так повелось, но знаю,

что издревле. А если нет животного? Ну вот нет жертвы и все, а нужна позарез? Никто не сжигал себя: ни ваш брат, ни ваш не-брат. А русские сжигали. Сжигали себя, принося в жертву. Чтобы всем поровну «даждь днесь», чтобы потомкам и вашим и нашим. Ты ничего не понял в нас. Троица. В гостях у Авраама и Сары, за столом, там чаша и голова быка. Один из троих готов принести себя в жертву... А мы же по образу и подобию. Мы хотели быть по образу и подобию, мы хотели быть как ОН, мы же дети ЕГО.

Хачик недоверчиво покосился, даже осторожно повел носом — проверить, не бухой ли Алекс. Уж очень было непонятно про «тройку», «быка» и «детей», но промолчал.

— Мы сжигали себя, — продолжил Алекс, — а ваши молча стояли и смотрели, как русские себя в жертву приносят. Стояли, смотрели и потребляли. Нас за это не любили, не понимали и не любили. Просить не могли ваши: во-первых, потому что это мы себя в жертву приносили, а во-вторых, потому что ОН нам всегда больше давал. Уж не знаю, почему ОН вам меньше давал. Но вы просто на нас смотрели... Бывало, и на чужом горе медалки и ордена получали, сладко жрали и пили, себе волги и детям своим места на поступление в мединститут покупали.... У наших тоже так было при Советах, но если у вас 9 из 10 престижных студентов-медиков, юристов, нархозников купленные были, то у нас, наверное, 1 из 10 ти. Не понимали мы: как это, диплом купить? Дураком выйдешь, сразу раскусят тебя, позорно же. А у вас эта хитрость доблестью считалась... И в очереди на всех насрать, и первым пролезть тоже доблестью считалось. Молодец какой. Обогнал всех. Самый первый. Только не понимает тот, кто лезет без очереди, что он самый первый кал.

Но время меняет людей. Вот время шло, жизнь улучшалась, и уже не нужно было, как Павка Корчагин, закалять сталь и, стоя под проливным дождем, строить голышом железные дороги, школы, больницы, электростанции, заводы, театры, музеи-шмузеи, как ты говоришь. И расцвела вроде страна, и человек гордо дышит от края и до края. И слово такое было — точнее, понятие — НТР, Научно-Техническая-Революция, забыли все уже давно его. Мы были уверены, что вместе построим такие машины, которые освободят человека от физического труда полностью, а НТР раскроет его потенциал, даст человеку возможность самореализации. Ага, хрен там: ваши вчерашние крестьяне, рабочие, интеллигенция, служащие, кто там еще был? Партноменклатура, куда уж без нее. Эта трусливая социалистическая буржуазия включается в гонку — но не за звезды, великую музыку, рисование, искусство и науку, а за хрусталь, шмотки, мебель, санфаянс, тачки, деньги!

Алекс сделал такое сильное ударение на слове «деньги», что Хачик вздрогнул.

— Сущность гонщиков показала, что освобожденное время и ресурсы граждане тратят вовсе не на самореализацию, а на гонку потребления. Причем эта гонка явно принимает бесконечный, иррациональный характер, что ставит крест на естественном ограничении потребляемых ресурсов. Это тебе будет не очень понятно. Короче, если по-другому: мы вам про звезды и справедливость, а вы гонитесь за сраными люстрами из богемского хрусталя, который не хрусталь вовсе. Смотрели мы на все это — и у русских руки опустились. Перестали русские сами верить в добро, справедливость, звезды и мечту. Ну а потом, что греха таить, мы тоже заразились потребиловом. Это была пандемия, которая распространилась быстрее, чем КОВИД. И, конечно, мы и тут преуспели: сначала мы гротескно копировали, а затем превзошли ваших нуворишей-богатеев. Помнишь, это были новые русские? Впоследствии наши мерзкие чиновничьи и олигархические рожи переплюнули всех и вся. И понеслась.

Население тоже не отставало. Оказались не нужны никому мечты и звезды. Только Китай — не совсем, но очень близко — принял и понял то, что именно мы несли миру. С чем мы и вы остались? С кредитами, жадностью, населением с разрушенной моралью и психикой, государством в виде «нечестного шерифа», которое взносы собирает, но играет не на твоей

стороне, с коррупцией, мафией, медициной для элиты. Это все было что у нас, что у вас, что везде. Сам знаешь, Хачик...

Алекс продолжал:

— В 90-ых была у меня одна знакомая из ваших: красивая и умная, телеведущая, Аней звали. Она мне знаешь что сказала? Она сказала: «Никогда не думала, что вы, русские, такие. Я на всю жизнь переосмыслила свою точку зрения на вас, свой взгляд на вас! Вы намного лучше, чем я про вас думала, мне стыдно». — Алекс помолчал. — Знаешь, почему она так сказала? Точнее, после чего? После того, как увидела на внутренней стороне моего пиджака лычку Armani. — Он рассмеялся. — Не за ум, не за знания, не за юмор или обаяние — за Armani! Хачик, я люблю армян: мне кажется, вы были единственной нацией, которая встречает по уму, а провожает по одежке!

Хачик покраснел.

— Да не сердись ты: это я так похвалил ваших. Вам тоже был ум важен, не только одежда. А ведь есть и такие, которым только она и важна.

Жорик остался с Хитрованом охранять ДОМ. «Двоих мало, конечно, но при удачном стечении обстоятельств сутки, а то и больше, продержаться можно, а там, даст Бог, мы уже и развернемся».

Они продвигались тем же путем, что и в прошлый раз. Туман, Алекс и еще двое в авангарде, в разведке. Они шли без носилок, остальные замыкали отряд, а прикрывали тыл четыре гвардейских «монашки», Монах и Кэт. Опасный перекресток, сужающийся, как бутылочное горлышко, было решено обойти через три квартала — уж слишком высок был риск потерять группу в ложбине. Две параллельные улицы представляли собой непроходимые руины: обрушившиеся остовы обгоревших и разбомбленных домов в некоторых местах преграждали дальнейший путь почти вертикальной стеной обломков. Лезть наверх не имело смысла. Очень опасно: можно сорваться, а стена при этом завалит нижних глыбами и обломками. Могут встречаться мины и неразорвавшиеся авиафугасы. Для того, чтобы пробраться к Водоканалу, предстояло сделать большой крюк в четыре километра. В обычной жизни это расстояние преодолевалось за минут сорок-час — отряд же, сохраняя меры предосторожности при прохождении руин, с трудом уложился бы часа в три.

Они почти добрались до нужного перекрестка, когда Алекс услышал знакомый одиночный неприятный свист, так же внезапно закончившийся, как и начавшийся. Снайпер. Идущий рядом один из двоих разведчиков Монаха рухнул. В укрытие! Алекс метнулся к ближайшему подъезду. Двери закрыты, он у них как на ладони. Быстро побежал зигзагом на противоположную сторону улицы. Разворачиваясь, увидел стоящую за спиной фигуру, которая тоже пыталась рвануть в подъезд вслед за ним. «С дороги, дебил, двигайся давай, нюня!». Столкнувшись со вторым разведчиком, пихнул его со всей дури плечом, так что тот потерял равновесие и опрокинулся на спину. Это его спасло: предназначенная пуля пролетела мимо цели.

Мозг искал место, где укрыться, искал и не находил. Оставался один выход: взбираться по почти отвесным руинам на уровень третьего этажа. Алекс лез очень неуклюже и, как ему казалось, по-черепашьи медленно. К снайперу добавились выстрелы из АКМ. «Так, значит, где-то они совсем недалеко, максимум метров сто-сто пятьдесят... Успеть бы вон до того проема». Через четыре секунды он запрыгнул в зияющее сырой чернотой окно. «Так, прекрасно. Все целы?». Алекс осторожно посмотрел на улицу: с середины комнаты его достать не могли. Второй разведчик тоже вскарабкался вслед за Алексом, но, уходя от стрельбы, юркнул в другое здание рядом. Где Туман? Алекс шарил глазами и не мог найти ее. Не могла же она сквозь землю провалиться? «А может, могла? Все они ведьмы... а, вот она, за бетонным блоком, как я сразу не увидел. Жива? Да, цела и смотрит в мою сторону. Видит ли меня?». Алекс стоял в полутени помещения, на самой границе

видимости. «Если хочешь жить, никогда не подходи к окну, смотри из тени комнаты», — учил его морпех Леха. «Эх, Леха, Леха, Леха, мне без тебя так плёха. Надо подумать: что за хрень, откуда здесь снайперы? Тут никого не должно быть! Если они есть, то что обороняют? Подходы? А куда? Кроме Водоканала, здесь ничего интересного нет..». Отряд, шедший позади, залег: калаш не давал им поднять головы. Снайпер переключился на бетонный блок, за которым пряталась Туман.

«Э, братан, ты там что, совсем охренел? Это моя девушка! Ты на кого руку поднял, фуфел? Я вас всех порву за нее, как грелку». Алекс беззвучно рассмеялся и продолжил диалог сам с собой. «Моя девушка»? Ты уверен? А как же Кэт? Ладно, потом с принцессами разберемся. Если живыми уйдем отсюда, господи, обещаю, что буду хорошим парнем. Помоги мне, пожалуйста, не оставь меня. Нужно зеркало! Здесь есть у кого-нибудь зеркало? Нет? Тогда пойду сам поищу». Кусок зеркала нашелся в коридоре у туалета, а вместо палочки подойдет наличник или плитус. Он достал моток изоленты из кармана и, стараясь экономить, аккуратно привязал зеркало к концу оторванного пластикового плитуса. Нужно подловить его в момент выстрела. «Ага, вот он. Дистанция сто десять, максимум сто двадцать метров. Не снайпер, скорее, охотник с оптикой. Снайпер бы себя не выдал так быстро». Алекс увидел в отражении зеркала короткую вспышку, и в следующее мгновение кусок зеркала разлетелся вдребезги. «Не снайпер, но стреляет хорошо. Гамадрил, ты зачем, сука, чужое имущество портишь, а? Твои родители вообще знают, что ты уроки прогуливаешь, сынок? Где там моя сладкая девочка? Счас я тебя вытащу, потерпи». Он поднялся по полуразрушенной лестнице на этаж выше и снова из середины комнаты осторожно осмотрел окрестности. Он выждал, пока они с Туман встретятся взглядом, показал ей двумя пальцами на бегущего человека, тыкнул в нее и указал своим стволом в сторону противника. Туман кивнула в знак того, что поняла. «На счет «три». Раз, два...» Он присел на колено у батареи под углом и повел беглую стрельбу по тому месту, где видел вспышку выстрела. «Три! Давай, беги, родная! Беги так быстро, как могут бежать твои красивые ноги». Туман, пригибаясь, начала молниеносными скачками взбираться на вал из обломков. Он видел ее только краем глаза. АКМ снова начал огрызаться короткими. «Ага, вот и второй, справа от охотника, метров пять, рядышком совсем». Алекс прицелился и снял стрелка одиночным выстрелом в голову. Один-один.

Охотник перестал стрелять в ответ — видимо, растерялся. Туман успела заскочить на этаж ниже. Молодец девочка. Алекс посмотрел в сторону группы: они отступали и почти в полном составе скрылись за углом здания в начале улицы. Он увидел две фигуры, оставленные Монахом для прикрытия их отхода. «Ну спасибо тебе, Монах, что не бросил. Спасибо».

Туман позвала третьего разведчика:

— Эй, Чероки, ты там жив? Что притих? Цел? Не ранен?

— Жив-жив, не ранен, — из соседнего помещения за стенкой донесся мужской голос.

— Хорошо. А ты там случаем не обосрался слегка? Воняет что-то тут ужасно.

— Обосрался, конечно, маленько, кто бы не обосрался. Но только воняет не мной: мое говно так не пахнет, оно фиалками пахнет!

— Перебирайся на первый этаж, попробуем подвалами выйти! — скомандовал Алекс.

— Лады, уже иду вниз, — отозвался Чероки.

Они встретились на первом этаже: квартиры, послужившие им временным убежищем, оказались в одном подъезде. Люди, спасаясь от налетов, холода и тяжелой доли, прятались в подвалах, и те обживались, превращаясь в целые подземные города со своей системой ходов, лазов и тупиков.

Квартал, где обстреляли их разведку, был давно покинут, но лазы между домами были в нормальном состоянии.

Они шли по подвалам наугад, но старались держаться направления конца улицы и только в одном месте столкнулись с обвалом, который быстро разгребли.

— По-моему, это здесь. Чероки, нужно вылезти наверх, посмотреть, правильно ли мы пришли, — сказала Туман. Тот кивнул и направился к выходу из подвала.

Туман погладила Алекса по руке.

— А ты ничего, смелый. Я бы не сказала, что красивый, но это можно перетерпеть. Ты реально мне нравишься. Я сейчас не играю. — Алекс молча посмотрел ей в глаза. — Только это.. я тебя предупреждаю: я девушка нежная. Еще раз меня так грубо трахнешь, я тебя убью и не посмотрю на все наши дела и прошлые партизанские пляски.

— С чего ты взяла, что я тебя еще трахну? — фыркнул Алекс через губу.

— Трахнешь, обязательно трахнешь! — уверенно прошептала Туман Алексу на ушко и чмокнула его в щеку.

— Мы правильно пришли, один дом до перекрестка, — Чероки вернулся в подвал.

Они вышли на крыльцо подъезда. Люди, оставленные Монахом, показали знаками, что готовы прикрывать.

— Ladies first! Вдруг там растяжка? — посмеялся Алекс, уступая место Туман. Та двинула его прикладом своего автомата в живот и быстро побежала на противоположную сторону. Люди Монаха открыли стрельбу в направлении охотника.

— Давай за ней!

Чероки побежал, но через два шага, вскинув руки в стороны и выронив оружие, рухнул на дорогу. Пуля сразила его насмерть.

«Это мог быть я», — подумал Алекс, побежав вслед за ним. Он не смотрел на тело — под таким огнем помочь невозможно. На соседней улице, где должен был находиться отряд Монаха, слышалась плотная стрельба. Шёл бой.

Голышом по Уставу

Трап долго не подгоняли. Они в шутку уговаривали бортпроводника выпустить запасной аварийный трап, но тот серьезно посмотрел на них и отказал. В конце концов, через сорок минут командир корабля четырежды напомнил диспетчеру о группе и о том, что борт опаздывает, пообещав передать рапорт в командование ВВС ККА. Ведь никаких других бортов на радарх не наблюдалось уже больше двух часов. В обычные дни ЭТОЙ жизни в Домодедово садилось до десяти грузовых самолетов и один-два пассажирских. Но сегодня рейсов больше не предвиделось. Уже стемнело, и еще через двадцать минут они наблюдали в иллюминаторы, как из тени терминала выехал допотопный трап и направился к ним. На больших фасадных часах высвечивалось местное время 21:45. Кроме водителя, на подножке трапа ехал офицер-переводчик в круглой фуражке и блестящей портупее, на которой висела рация — не похожая на армейские, скорее, полицейская. В руках тот держал папку. Его отполированные черные ботинки отбрасывали блики от фюзеляжного прожектора.

Спустившись по трапу и последовав за офицером, группа построилась по стойке смирно в сорока метрах от правого крыла лайнера. Люк выхода задраили, двигатели взревели, и аэробус покатился выруливать на взлетно-посадочную полосу.

— Сэр, остановите их, остановите лайнер, там наш багаж! — выпалила Иззи, когда шум двигателя отдалился ровно настолько, что позволил прокричать это переводчику.

— Да, сэр, там наше оружие! — все еще стоя по стойке смирно, прокричал Йозеф Аримафянц. Офицер недоверчиво посмотрел на них:

— Оружие?

— Оружие, сэр. Автоматы QBZ95 с полным боекомплектом, сэр. Нам приказали сдать его в багаж в аэропорту Роттердама, Территория 57, сэр. Также мы сдали там рюкзаки со снаряжением и личными вещами. — Было видно, что Йозеф раньше служил в армии: он выкрикивал информацию, глядя прямо перед собой, в отличие от других членов группы, разглядывающих китайского офицера. Невысокого роста, в очках с золотистой оправой, короткая стрижка и аккуратно отглаженная одежда выдавали в нем педанта. Офицер никак не изменился в лице.

— У нас остались посадочные талоны с отметками, сэр, — Йозеф сделал шаг из строя и протянул офицеру белый прямоугольник с отметками. Офицер мельком взглянул и что-то передал по рации. Лайнер продолжал движение в направлении порога взлетки. Через некоторое время рация что-то прочиркала в ответ. Переводчик заговорил.

— Китайское командование сообщает, что лайнер продолжит свой взлет без остановки. Ваш багаж необходимо было забрать вовремя. Теперь ваш багаж прибудет с другим рейсом. О времени прибытия сообщат дополнительно. Вам нужно ждать. Это приказ.

— Но, сэр, простите, что я перебиваю, но не проще ли... — Джулия попыталась улыбнуться самой широкой улыбкой, на какую только была способна. Офицер не дал ей договорить и, приблизившись вплотную к ее лицу, начал агрессивно кричать уже на довольно чистом английском:

— Китайское командование выдало вам оружие не для того, чтобы терять! Устав ККА предусматривает расстрел за утерю оружия солдатами! Вы носите форму ККА и позорите ее своими тупыми дырявыми мозгами! В Китайской армии существует элементарная субординация и уважение к старшему по званию. В Китайской армии не перебивают! В Китайской армии не обсуждают приказы! Как вы были невоспитанными грязными ублюдками, так и остались! Как фамилия, рядовой?! — его голос, переходящий на визг со смешным акцентом, вызвал произвольную улыбку Джулии.

— Джуда, сэр! Рядовой Джуда! — Джулия деланно хлопнула себя руками по бедрам и приосанилась. Офицер побагровел.

— Раздеться догола!

Джулия с недоумением посмотрела на него: это было уже слишком. Она стояла и не двигалась. Офицер потянулся к кобуре.

— Разрешите обратиться, сэр! Прошу прощения, сэр, она женщина и не знает порядков в армии. Сэр, прошу простить ее проступок и наложить взыскание на меня как на старшего группы, сэр! — выпалил Йозеф.

— Раздеться! — прокричал офицер и выстрелил в воздух. К тому времени лайнер уже взлетел и скрылся в ночном подмосковном небе. Джулия начала поспешно разуваться и расстегивать армейские штаны. Было прохладно. Офицер подошел к Йозефу и посмотрел ему в лицо:

— Как фамилия, рядовой?

— Джозеф Аримафянц, сэр!

— Раздеться, рядовой! В Китайской Коммунистической Армии нет женщин или мужчин, здесь есть только солдаты!

Джулия разделась до нижнего белья. Уродливые квадратные белые трусы и бесформенное бра несколько не портили ее — даже наоборот, своим убожеством подчеркивали ее женственность.

— Раздеться догола, я больше повторять не буду! — размахивая пистолетом, орал офицер. Суета маленьких фигурок, возящихся на площадке перед терминалом, привлекла внимание диспетчерской: к окнам прильнули офицеры и обслуживающий персонал, наблюдая за происходящим на плацу. Джулия и Джозеф повиновались.

— Лечь! Отжаться! Встать! Лечь! Отжаться! Встать!

Несколько минут офицер, то ускоряя темп команд, то замедляя, заставлял двоих выполнять унижительные упражнения. Унижительным было не само выполнения команд и не то, что их заставили обнажиться перед другими, хотя и это тоже. Унижало то, что они подвергались наказанию без вины и у них отсутствовало право на обжалование и справедливое разбирательство. В том, что их заставили сдать все в багаж в Роттердаме, а затем тот забыли в Домодедово, вины группы не было. Порой офицер заставлял их лежать на бетонном покрытии плаца по минуте. Было понятно, что он стремится просто их унизить. Несмотря на то, что все члены группы были хорошо подготовлены физически, длительный перелет, нервы и джетлаг начали сказываться уже на четвертой минуте экзекуции. Тела Джулии и Йозефа вспотели, в прохладном вечернем воздухе от них исходила испарина, они тяжело дышали и начали выдыхаться. Остальные двенадцать человек, стоя рядом с товарищами, начали испытывать давно забытое, почти незнакомое чувство сопереживания. Но никто из них не решился бы просить офицера прекратить это издевательство.

Алекс думал, что же такого предпринять, чтобы помочь Джозефу и Джулии, и уже собирался скинуть куртку и присоединиться к бедолагам, когда офицер убрал пистолет обратно в кобуру и отчетливо произнес команду:

— Отставить! — Оба обнаженных тела застыли стоя.

— Достаточно, одевайтесь! — офицер сурово поправил очки на переносице. — Китайское командование относится к вам гуманно! Китайское командование дало вам шанс проявить себя! Оказанное неуважение является достаточной причиной покончить с вами. Я вправе расстрелять всех вас здесь без занесения причин в рапорт! Вправе потребовать новую команду! — Он дождался, пока наказанные оделись. — Это всем понятно?

— Да, сэр! — ответил хор из четырнадцати голосов.

— Группа, равняйся! Смирррно! Налееево! Строевым шагом в направлении терминала походным маршем — марш! — Все это время рядовой, водитель трапа, спокойно наблюдал за происходящим. Он не понял ни слова на английском, но понял, что капитан Ян И проучил этих выскочек как следует.

— Никогда эти обезьяны не станут настоящими людьми, — сказал офицер рядовому на китайском.

Офицер снова встал на подножку трапа и укатил в сторону терминала. Когда группа достигла основного здания и остановилась, он вышел к ним из тени, внимательно разглядывая каждого,

построил их в две шеренги вдоль стены, внутри расчерченного белого прямоугольника, и объявил:

— Ваша группа пройдет необходимые въездные процедуры, затем курс политобучения. После занятия вас сопровождают в гарнизон на карантин, а позже — к месту временной дислокации, где вы получите дополнительные указания. — Ян И сделал паузу. — Аэропорт — это режимный объект ККА, на режимных объектах запрещается:

— слоняться по территории. За нарушение запрета — расстрел.

— курить и распивать спиртные напитки. За нарушение запрета — расстрел.

— громко разговаривать, смеяться, устраивать ссоры и драки. За нарушение запрета — расстрел.

— дергать за ручки дверей и окон, стучать в них. За нарушение запрета — расстрел.

— справлять малую и большую нужду вне отведенных мест. За нарушение запрета — расстрел.

— нарушать любые пункты строевого и дисциплинарного устава ККА. Единственное взыскание, предусмотренное для вас, — расстрел. Всем все понятно?

— Да, сэр! — четырнадцать голосов прогремели над плацем.

— Вопросы есть?

Иззи сделала шаг вперед и спросила, глядя прямо перед собой и держа руки по швам, как ее учили на корабле:

— Простите, сэр, где именно находятся отведенные места?

Офицер поискал ироничные интонации в ее словах и улыбки на лицах группы, но, не найдя, серьезно ответил:

— Через некоторое время к вам выйдет сопровождающий офицер: он все покажет и сопроводит вас к месту прохождения въездных процедур!

Он сделал паузу, будто чего то ожидал. Строй молчал. Так продлилось секунд десять.

— Когда старший офицер заканчивает обращение к вам, по Уставу вы обязаны громко прокричать «Вэй жэньминь фуу», что означает «Служим народу!».

Он опять замолчал. Через пару секунд Алекс и Йозеф нестройно повторили:

— Вэй жэньминь фуу!

— Еще раз! — гневно скомандовал Ян И.

На этот раз слоган Великого Мао громом разнесся над просторами Домодедово:

— Вэй жэньминь фуу! — с американским акцентом и коверкая звуки, прокричали четырнадцать курсантов.

— Ожидайте, — отвернулся от них офицер и скрылся за дверьми.

Они стояли в очерченном прямоугольнике больше пяти часов, которые показались им вечностью. Вполголоса переговариваясь, они возмущались таким отношением. В мире, где отсутствует цивилизация, отсутствует и бюрократия. Каждый из них был рад, как Алекс, вернуться в «нормальную жизнь», но как только появляется хоть подобие социальной иерархии, появляется и желание человека, чтобы его время ценили. Раньше, в Штатах, они могли дни или недели

напролет провести в укрытиях, не задумываясь о потраченном времени. Проснулся голодный, но живой? Хорошо. Сытый и в тепле? Просто отлично! Теперь к ним возвращалось чувство времени.

Часа в два ночи терминал аэропорта затих, всякое движение исчезло. Периметр постоянно патрулировали три автомобильных наряда, да вокруг аэропорта летал одинокий дрон.

— Эти уроды просто бросили нас тут до утра и пошли спать! Скотину и ту на ночь накормят и в стойло загонят на отдых. Вы как хотите, а я посижу, — сказал Барт Симпсон, усаживаясь прямо на бетон и скрещивая ноги по-турецки.

— Барт, а вдруг это проверка? Разве ты забыл, что нельзя по уставу? — заволновалась Джоана Доннертохтер.

— Пусть меня расстреляют первым, но стоять как истукан я больше не намерен, — ухмыльнулся в отчет Барт. Он не знал, насколько чудовищно пророческими окажутся его слова. Не все из группы последовали его примеру. Вместе с чувством времени появилось чувство страха потерять свое положение, загубить свою карьеру в самом начале. Никто не указывал другому, как себя вести, что делать или не делать. Люди вели себя, как считали нужным.

Проход

Они добежали до отряда Монаха секунд за сорок. Со стороны ложбины велся бешеный огонь по отряду Монаха. Пули прижимали людей к земле, никто не мог поднять головы. Алекс остановился у кромки последнего дома и очень осторожно высматривал из-за угла «в четверть» лица.

В бою, как и в драке, нельзя закрывать глаза. Кто не умеет — вопрос привычки. Практика нужна: зажмуришься в драке от замаха — и ничего не увидишь. Пропустишь. Прилетит. В драке каждая миллисекунда важна. В бою тем более. Груды руин мешали как следует разглядеть огневые точки тех, кто по ним стрелял. Не меньше восьми стволов. Приблизительно пять наших на одного из них.

Маловато. Очень мало для атаки. Перещелкают, как кутят. «Многоуважаемый Фон-Клаузевиц писал*, что нужно иметь десятикратное превосходство для победы. А так... вааще не ясно, кто они, что за перцы. Судя по охотнику — они не профи». Неожиданно близко прозвучал разрыв. «Сучата, из подствольника начали лупить. Это что-то экзотическое. Все плохо, Монах, все плохо. Откуда они взялись?». Подствольный гранатомет — прекрасная штука, только за неимением гранат стал бесполезным. Отстреляли все гранаты во времена бандитских налетов.

Подствольниками пользовались обе стороны: и нападающие (при умелом раскладе можно гранату в любую форточку закинуть), и обороняющиеся. Закидывать можно метров на триста пятьдесят. Разлет осколков четырнадцать метров. По группе фигачить — самая красота.

Алекс поискал глазами Монаха и Кэт: вон они, в серединке, укрылись за остовом брошенного джипа. Монах кому-то раздавал энергичные указания. Алекс перевел взгляд туда, где укрывался тот, кому жестикулировал Монах. «Ух ты, вот это да. РПГ 7!». Монах жестами приказывал вылезти из укрытия и начать мочить ту сторону из ручного гранатомета. Тот, к кому обращался Монах, был охвачен паникой и скован страхом. «Необстрелянный. На хрен ему вообще дали гранатомет? Видать, никто не хотел тащить лишний вес, и спихнули на желторотика. Ведь никто не ждал, что тут реально бой начнется. Ладно, мать твою, растудыж в бенины качели, сиди. Я сам пойду».

Алекс выскочил из укрытия и короткими перебежками побежал к бойцу с гранатометом. Добежав, рухнул рядом:

— Где гранаты, братан? — Алекс похлопал испуганного парня по плечу. — Ты ничего не бойся, будешь выходить — беги, быстро пригибаясь. Мне самому страшно до усрачки. Правда. Главное беги, не смотри откуда стреляют, смотри куда бежишь. Так где гранаты?

— Вот они, в ящике.

Гранатометчик показал на лежащий рядом деревянный ящик. Алекс откинул крышку — пять зарядов. «Пять тяжеловато будет тащить под огнем. Семь кило РПГ, по два каждый снаряд, итого семнадцать плюс все. что на мне, итого тридцать. С тридцаткой по камням под огнем не сильно попрыгаешь. Надо брать меньше. Пять. Хватит». Алекс проверил РПГ, посмотрел в оптический прицел, вытащил из своего рюкзака все ненужное, в том числе армейский сухпай, который ему навязали на базе в «монастыре».

— Ну давай, братан, ни пуха, я пошел. Ты это, поохраниай мои шмотки, и смотри не сожри мой паек, я за ним еще вернусь.

Алекс не смотрел на гранатометчика, достал крестик от Ба, поцеловал его, выдохнул и, пригнувшись, побежал в сторону ложбины. Краем глаза он заметил, как Монах смотрел на гранатометчика и гневно водил своим большим пальцем по горлу от уха до уха.

То тут, то там даже за самыми мелкими укрытиями лежали люди Монаха, и Алексу негде было укрыться под ураганным огнем. Вокруг свистели и трещали пули, звонко расплываясь о бетон. Алекс продолжал бежать, ища глазами место, где можно было бы затаиться, чтобы потом выстрелить с колена. Над головой у Алекса шелестели подствольные гранаты, и этот звук был более неприятным, чем сами разрывы. Количество выстрелов из подствольников раздражало. Складывалось впечатление, что они не прекращали стрельбу ни на минуту, а раз так, то у них, видимо, с собой неисчерпаемые запасы боеприпасов. Все как в компьютерной игре, только умереть можно было по-настоящему. Вибрирующий от разрывов воздух прессом давил на барабанные перепонки. Выстрелы врага тормозили разум и вводили в оцепенение волю. В такие моменты кажется, что каждая из гранат летит персонально к тебе. Кажется, что она заденет тебя и рассечет твоё тело на тысячи кусков своими осколками.

Алекс увидел впереди кучу кирпичей — даже не кучу, а кучку. «Плятство, тело особо за ними не спрячешь, жопа будет торчать за этими кирпичами на виду, как маяк на утесе». Но у него не было особого выбора: если в начале его забега стреляли в основном по другим членам отряда, то сейчас огонь сосредоточился вокруг него. Он рухнул перед кучей и быстро нагребал перед собой все, что попадалось под руки, чтобы хоть как-нибудь укрепить свою позицию. Он обернулся. Блин, пробежал всего метров сорок — а ощущение, что четыреста. Он встретился с цепким и обеспокоенным взглядом Кэт, подмигнул ей сначала левым, потом правым глазом. Осмотрел позиции отряда. У Монаха первые жертвы. Двое лежали неподвижно, посеченные осколками гранаты. Ухнул разрыв в двух метрах от гранатометчика, которого Алекс оставил охранять паек. Осколки вспороли кожу на шее, тело опрокинулось на грудь. Голова была повернута вправо, руки подмяты плечами. Само тело почти стояло на коленях. Из горла хлестала бордовая кровь и заливала вещи, оставленные Алексом. Пакета с сухпаем не было видно. «Да уж, был завтрак с сухпаем велл дон, стал «рэйр», теперь никакого не будет», — иронически подумалось Алексу о степени прожарки.

Воздух был плотно заправлен пылью, которая скрипела на зубах. Во рту першило от пороховой гари и еще какой-то гадости. Алекс перевел дух. Он знал, что сейчас ему придется вставать под пулями и снова бежать вперед. До места выстрела нужно было пробежать еще метров пятьдесят.

Сзади начали постреливать в сторону противника, расположенного на высотах в середине ложбины. «Ну слава тебе... наконец-то сообразили прикрыть. Бежим дальше. Главное, сейчас вперед и выжить, остальное потом». Он рывком встал и дальше побежал зигзагами. Метров через пять рядом с ним упала граната, но не сразу разорвалась. Это удвоило его силы и скорость. Взрывной волной его бросило вперед метра на полтора. С момента падения гранаты он чудом успел преодолеть десять или двенадцать метров. Он неуклюже плюхнулся на живот, больно ударив колени. Вроде все нормально, ничего не оторвало. Руки-ноги-голова на месте, граната хлопнула за спиной, икры-бедро-задница целы. Только он ничего не слышал. Лежа на животе, он попробовал постучать открытой ладонью себя по правому уху, словно пытался, как пловец, вытолкнуть воду. Не особо помогло. Рвота подступила к горлу. Его вывернуло наизнанку, он сплюнул желчь. «Контузия, банная контузия!», — понял Алекс. Виски пульсировали, глаза заливал пот. Он полежал пару минут на спине, не шевелясь. Вместе с прекратившимся потом частично ушла глухота, мысли путались, голова гудела, как пчелиный рой. Мысли путались, словно прорываясь сквозь ватный фильтр из мозга в сознание. Первая нормальная мысль светлым лучом прорезала тьму хаоса: «Я контужен и не ранен. Мне очень повезло. Контузия так себе, легкая, при тяжелой человек может сутками не восстанавливаться. Алекс продолжал лежать: он почти не слышал выстрелов, но слух возвращался. «Флягу бы с коньяком... Встаем, боец, встаем, вперед. Вперед и выжить. Где РПГ? Вот он». Алекс встал, наклонился и побежал дальше, раскачиваясь из стороны в сторону. Вата из головы не ушла, но он не обращал на это внимания.

Видеть цели, верить в себя, не замечать препятствия....

Слух внезапно вернулся, и вместе с ним в уши ворвался гул боя. Одиночные выстрелы теперь превратились в бьющие по ушам звуки сплошную стену огня. Со стороны ложбины перестали херачить из подствольников — видать, кончились все-таки гранаты — но пули с отвратительным звуком вонзались в разбросанные повсюду обгрызенные обломки стен. Некоторые уходили рикошетом в сторону или вверх. На адреналине он гнал так, что почти не касался камней. Он увидел метрах в двадцати большой бетонный блок, типа тех, которыми перегораживали дороги. Метра два в длину и сантиметров шестьдесят в высоту, но засыпанный от основания до верхних граней мелкими осколками. «Буду молить Создателя, чтобы осколки не были утрамбованы временем, оползнями и осадками». Он добежал, упал перед милым сердцу куском бетона и начал стремительно окапываться. «Отче наш, иже еси на небеси...». Алекс тяжело дышал. Он отбрасывал на верхнюю сторону блока мелкие камни и песок саперной лопаткой, той самой, с первого раза, а крупные камни с бычьей голову вытаскивал руками. К счастью, их было немного. «Будем возлюблять врага своего. Откуда это? Знаете? Правильно, из Нагорной проповеди. Мало кто знает исторический и политический контекст того времени, врага, какого никакого, нужно любить». Справа лицо больно процарапал взлетевший щебень. «Вспомнили обо мне, говнюки».

В его сторону снова полетели мириады пуль. Некоторые совсем близко поднимали фонтанчики песка и мелкого гравия, больно бьющего в открытые участки кожи на руках и голове. Противник сатанел от того, что Алексу удалось приблизиться на расстояние выстрела. Пока он бежал, он казался легкой мишенью, но теперь, когда он укрылся за бетонным блоком, попасть в него из стрелкового оружия было невозможно. Пока бежал, Алекс заметил восемь стволов, которые противостояли отряду Монаха. Время от времени кто-то из этого отряда пытался встать и последовать за Алексом, но их плотным огнем заставляли лечь обратно. Да и Монах не торопился разбрасываться жизнями своих людей и бросать их в атаку. Алекс сам вызвался. Назвался груздем, вот теперь и показывай, что умеешь в кузове исполнять....

Но перебежки Алекса и то, что он еще чудом оставался жив, раздражающе действовало на обороняющихся — и подбадривающе на атакующих «монахов». Алекс почувствовал облегчение: теперь он в безопасности, можно осмотреться и подумать. На душе стало спокойно, мозг прояснился. «Впереди большой приз, за нами Москва... Ну что, повоюем, земляки?». Алекс

почувствовал, как азарт накрывает его. «Где мой ствол?». Он осмотрелся и понял, что оставил его впопыхах на том месте, где его подбросило и уронило гранатой. В руках был только РПГ. Есть еще пистолет на бедре и револьвер Гая — он с ним не расставался, как и серебряным крестиком — но на такой дистанции они были совершенно бесполезны: до позиций противника еще метров сто пятьдесят-сто восемьдесят. Он чуток высунулся слева бетонного блока — и пуля просвистела в двух сантиметрах от головы. Хоть и считается, что пуля, которую слышишь, не твоя, Алекс инстинктивно от нее увернулся. «Мое счастье, стрелки они никакие. Они охренеть сколько боеприпасов просто так потратили. Подростки, что ли...Обчистили армейский склад? Если бы среди них был хоть один настоящий военный, хоть рядовой, он подпустил бы нас поближе, а потом всех, всех бы положил».

Алекс еще раз зафиксировал взглядом точки, откуда стреляли. Двое на верхних этажах дома, по двое на гребне ложбины справа и слева, еще двое на крыше дальнего дома — самая высокая точка, так что похоже, что из подствольника лупили оттуда. «Ах вы ж заички мои, кто ж так позиции выбирает, парами? Вы ж не пулеметный расчет». Алекс зарядил гранатомет осколочным «карандашом». «Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью примечаю, четвертая мерещится...». Он быстро перевернулся на живот, встал на одно колено, вскинул РПГ на плечо, прицелился в точку на верхнем этаже и выстрелил.

«Добрый вечер, дамы и господа, с вами Алекс... Алекс из преисподней». В детстве путал господня-преисподняя и исподнее, когда в школе читал. Ох, поток сознания моего какие аллюзии выдает, как меня при стрельбе колбасит. Он не слышал звука разрыва от своего «карандаша» — только увидел облако пыли, замешанное с дымом, вылетающие обломки и осколки из оконного проема. «Вы же оттуда стреляли по нам?». С этой позиции в начале боя активнее всего били по отряду Монаха. Цель обезврежена: он быстро откатился обратно за бетонную защиту. На той стороне стрельба смолкала: они действительно не были очень опытными бойцами, по крайней мере вот в таких боях, в черте застройки.

Самое время захреначить еще один. Когда Алекс двигался от «монахов» в сторону противника, то заметил, что точка справа более агрессивная, но стреляет бессистемно и не кучно. Значит, надо бить влево, там потолковее пацаны сидят, не лупят на “отвяжись”. Пока они затихли, есть всего полторы секунды. Алекс высунулся. Выстрел. Быстро! Быстро нырнуть обратно за бетон! Раз, два, три. Он снял этим вторым выстрелом точку на гребне слева.

«Хо-хо, Алекс все еще лучший стрелок-гранатометчик в нашем районе, дамы и господа». Выстрел пришелся в самую десятку, потому было видно, как в разные стороны отлетели обломки двух калашей. Теперь оставшиеся две точки перевели все свое внимание на Алекса. На него спустили рожков восемь, без остановки. «Дальше у меня проблема, дамы и господа. Мне нужно менять позицию, а эти ребята пристрелялись и больше не дадут мне высунуться. Куда же пойдет Алекс? Алекс пойдет...» Он уловил движение справа и услышал выстрел.

Кэт заняла позицию слева от него, чуть повыше. Как он не увидел этот поваленный столб!? Отличное же прикрытие! Кэт примостилась за ним и сняла еще двоих.

— Привет тебе, Кэт, — с улыбкой послал он ей воздушный поцелуй.

— Привет, Алекс. Мне казалось, тебя пустили в расход гранатой, я даже слезу пустила.

— И я!

Глаз Алекса уловил движение теперь справа, снова выстрел. «Ни хера себе, неужели Туман? В окружении красивых женщин... что за картинка в бою! Прямо как ангелы Чарли! Точнее, Ангелы Алекса. Точнее, Демоны Алекса, какие из них ангелы. Сука, Монах же сейчас в душе просто выгорает, как газоносная скважина! Пусть пусть его зависть душит!».

— Здравствуйте, милые дамы, очень приятно вновь видеть вас, да еще и в добром здравии!

— А нам-то как приятно, — насмешливо отозвалась Туман, не отрываясь от стрельбы.

Было похоже, что оставалась всего одна огневая точка, на крыше — и то они, судя по всему, собирались сматывать удочки. Очень глупое решение: находясь на высоте, они все еще имели стратегическое преимущество, так им-то нужно было стоять до конца. Алекс снес их третьим выстрелом из гранатомета, когда увидел их пригнувшиеся спины. Ребятки, больше никогда не поворачивайтесь к противнику спиной — ни в драке, ни в бою. Отступай лицом к врагу. И если суждено умереть, умри, глядя ему в глаза. Твоя жопа никому не симпатична в такие моменты.

Люди Монаха повывезали из своих укрытий и осторожно направились в сторону освобожденных позиций. Недосчитались четверых, еще двое легкораненых. Итого вместе с двумя разведчиками, оставленными на параллельных улицах, шестеро. Это очень много — пятнадцать процентов личного состава. Алекс к тому времени вернулся и забрал свой ствол, который присыпало пылью.

Еще ничего не закончилось. Это, скорее всего, первая линия обороны. Если заблокированы параллельные улицы — значит, у противника есть еще силы, и надо быть осторожным. Кэт протянула Алексу флягу с водой — только сейчас он заметил, что его правая штанина мокрая: флягу на бок посеколо осколками, и вода вся вытекла. Глоток воды. В горле пересохло.

— Вперед-вперед, они, скорее всего, там дальше ждут. Им нельзя дать очухаться, — сказал Алекс быстро приближающемуся Монаху, который нес параллельно земле АК-12, положив руки сверху на приклад и планки Пикатини, перевесив ремень через шею.

— Алекс, ты красавца, круто их разделал! Тебя прям кувыркнуло в воздухе. Мы с Кэт думали, все... Кирдык тебе...

— Не дожدهшься, партнер! — улыбнулся Алекс. — Нужно скорее двигаться: мы тут уже лазили в прошлый раз и сегодня, можно попробовать пробиться через подвалы. Нужна разведка сверху. Мы с Кэт пойдем по подвалам.

— Хорошо. Ирина, Инга, подойдите ко мне. — Монах крикнул в сторону своих людей, остановивших чуть позади. Две близняшки отделились от отряда. — Проходите вперед в разведку, на двести-двести пятьдесят метров. В бой не вступать. Если услышим выстрелы, идем к вам на помощь. Если все чисто, одна возвращается, вторая прикрывает проход.

Алекс узнал сестер из гвардии. Близняшки кивнули в ответ в знак того, что поняли, и начали наносить на лицо полосы коричневого и черного камуфляжа.

— Мы пойдем через подвалы. Если все хорошо, вылезем там на улице и встретимся с девчонками. Понеслась!

Алекс и Кэт побежали к подъезду дома справа. Они аккуратно прикрыли дверь так, чтобы она не скрипела, и скрылись в темноте. Монах же приказал двоим пойти осмотреть трупы.

— Остальным проверить оружие, забрать боеприпасы у убитых!

Алекс и Кэт подожгли фитилек шахтерской лампы. Если подвалы не проветривались, то там вполне могло скопиться большое количества метана. Алекс пошел первым, освещая путь. Шагов через пятнадцать в подвале Кэт остановила Алекса, перехватив его за запястье. Алекс остановился и вопросительно посмотрел на нее. Она обняла его, прижалась к нему и поцеловала в шею — оружие мешало.

— Я очень волновалась за тебя. А вообще, мне неспокойно с Монахом: мне кажется, он все-таки собирается тебя убить.

— Все хорошо, девочка, все хорошо. Мы пойдем и заберем свою долю, выйдем из этой истории на коне. Пока мы нужны ему, очень и он нам нужен. Там дальше разберемся. Узнать бы, откуда взялись эти сосунки и откуда у них столько гранат.

Он погладил ее по спине и поцеловал в ответ в щеку, потеревшись носом о ее скулу.

Двинулись дальше. Подвалы домов были соединены коридорами — кто-то построил целый подземный город. Сейчас он бы заброшен. Они быстро добрались по коридорам до пятого дома по улице, нашли выход на поверхность. Некоторые выходы из подвалов в подъезды были основательно заколочены толстыми досками или завалены глыбами осколков. Вполне нормальное бомбоубежище. Лестничные пролеты были частично обрушены, и им пришлось балансировать на кусках бетона и арматуры, чтобы подняться на четвертый этаж и выбраться на улицу. Пробираясь по подвальным катакомбам, они не забывали об осторожности и двигались бесшумно. Но в домах, которые они проскочили за пару минут, никого не было, ни в подвалах, ни на верхних этажах. Они обследовали улицу в бинокль и увидели, что вышли практически вышли к «бутылочному горлышку». Алекс узнал дом, в котором толстяк привалил его своей тяжестью — он был напротив. Одна из сестер заняла позицию в самом начале «горлышка», вторая отправилась обратно к отряду. Алекс с Кэт, позволив издали узнать себя, приблизились к первой сестре:

— Ты Инга или Ирина?

Близняшка улыбнулась:

— Я Инга. Ирина пошла за отрядом.

— Что там наверху? Ты видела тех, кто в нас стрелял?

— Видела, но ты их размазал по стенкам, там от тел ничего толком не осталось. Фууу, — она поморщилась, — неприятная картина. Тех, которых сняли девчонки, видела: бородатые, не поймешь, то ли кавказцы, то ли азиаты. Обоих точно в голову, глаза закрыты, не разглядывала прям внимательно.

— Возраст? Сколько им лет, навскидку?

— Ну лет по двадцать пять-тридцать — молодые мужики.

Алекс нахмурил брови. Это плохо: он надеялся, что это была банда подростков, но, судя по всему, это кто-то выстроил оборону по типу римского легиона, когда вперед выставляются самые молодые, неопытные бойцы, гастаты. Дальше шла линия с воинами большого боевого опыта — принципы.

— Видимо, в прошлый раз кто-то вас видел, — прервал мысли Алекса подошедший Монах с отрядом.

— Да, наверное. Хорошо бы понять, сколько их. Монах, надо разбиваться на две группы: одна будет прорываться через это «ущелье», вторая пойдет через подвал. Это даст возможность зайти им в тыл, если они устроили засаду.

— Хорошо, бери половину людей. Вы уже освоились под землей. У нас есть РПГ, мы порвем их сверху.

— Кэт я забираю с собой. Дашь мне Лилит? У нас боевая спайка получилась.

Монах ухмыльнулся: казалось, что идти в тоннелях и подвалах безопаснее — но на самом деле нет. Ограниченное пространство, минимум возможности маневрировать делали путь вниз в разы сложнее в случае возникновения препятствий.

— Кто же нам покажет место? Как мы пойдем, что пробились?

— Смотри: там ориентир — сгоревшая пожарная машина, она тут на всю округу одна. Вот ее и ищи. Встречаемся у нее.

— Добро.

Отряд продолжил движение двумя частями. В подвале было темно и сыро. Алекс и его люди тихо, осторожно продвигались по подземелью. Нужно было не только бесшумно пробраться в тыл к врагу, но и не потерять направление, не уйти с маршрута. По этому месту никто из них не ходил. В подвале царил запустение, казалось, что повсюду чувствовался запах пыли. Они шли, пока не услышали звуки стрельбы сверху. Алекс остановил движение и послал Лилит и еще одного бойца на разведку. Остальные присели на корточки. В стрекотне автоматных очередей отчетливо раздавались залпы АГС: или тридцатка, или сороковой, фугасно осколочный. Лилит вернулась минут через пятнадцать, и Алекс вопросительно посмотрел на нее.

— Мы у них сзади. Насчитала девятнадцать человек, двое связаны и сидят приваленные у стены. нашу группу не ждут. Мы пришли куда надо. Они по верхним этажам в основном. Не местные точно, иначе в подвале поставили бы хоть кого-нибудь.

— Чей АГС? Где второй?

— Наш, конечно, Монах норм так к выходу подготовился. Наши там залегли и теснят этих. Видно, вояк среди них особых нет. Второй, Олег, я его часовым поставила, он серьезный малый. Если эти будут сниматься, он даст знать. Думаю, человек пять мы со спины с Кэт снимем по первой: если ты людей расставишь правильно, мы перещелкаем их быстро. Здесь прям есть лаз на ту сторону.

Алекс кивнул.

— Хорошо. Делаем так: ты берешь Олега — и на ту сторону улицы, занимаешь позицию так, чтобы видеть Кэт. Стреляем по команде палец вверх, — Алекс показал лайк.

— Поняла.

— Кэт и еще одна — на лестничный пролет вверх, искать позицию. Как найдешь, присылай к подъезду бойца. Тебя как зовут? — обратился он к парнишке, которому на вид было лет двадцать, но по суровым глазам было видно, что его потрепало не в одной передрыге.

— Стас, Стас Попов.

— Хорошо, Стас. Вы все люди подготовленные, — Алекс оглядел отряд, — ищи меня за укрытиями, из подъезда или проема не выходи. Дальше как пойдет. Фух, с Богом!

Чернявого Алекс отправил сообщить Монаху, что они зашли в тыл. Не хватало только, чтобы Монах накрыл их своей АГСкой по тылу. Часть людей он расставил по зданиям в направлении спин тех, кто стрелял в сейчас в «монахов», впереди себя.

Снова кровь стучит в висках. Снова предчувствие боя. Тот, кто внутри, выключил рубильник мозга — дальше только инстинкты. Это только по первой непривычно доверять своему инстинкту, разум брыкается и не верит в звериные способности человека. Но если первые несколько раз человек на войне выживает, инстинкт становится его вторым я. Легкий задор: почти сорок пар глаз наблюдают за тобой, и если они видят самое сильное оружие войны — каменное спокойствие — то оно передается по цепочке всем. Хотя, конечно, в бою каждый сам за себя в первую очередь. Тут одна цель — выжить. Или ты, или тебя, нет других вариантов. Второе самое главное в военном деле — не превращать себя в мишень. Алекс искал позиции так, чтобы можно было менять по

ходу стрельбы. Третье: никогда не нужно недооценивать противника. Сколько уроков ценой в жизнь преподнесли желторотые юнцы воякам, считавшимся матерыми.

Грохот боя нарастал. Обороняющиеся проходили в целом справлялись со своей задачей неплохо. Алекс почти всех назначил на позиции, предусмотрительно оставив пять человек в подъезде в резерве. Горький опыт: хуже некуда, когда у тебя патроны на подсосе, исход боя должен решиться с минуты на минуту — и вдруг у противника появляются свежие, превосходящие люди, заряженные и полные сил. Алекс тихо побежал первым. Мелкими перебежками, по одному бойцы добрались до своих укрытий на улице. На этой стороне ложбины с укрытием было все хорошо, много мест, где можно надежно залечь стволами в сторону ущелья. И хоть враг находился на возвышении, большие обломки делали группу Алекса практически не видимыми. Тем некуда было деваться — их зажали в клещи: впереди Монах, позади Алекс. Алекс поискал глазами Лилит: вон она, видит. Вот Кэт, тоже видит.

Алекс почти поднял руку, чтобы дать команду «огонь», но со стороны противника началось какое-то непонятное движение. Мужик, одетый в китайский камуфляж, с руками за спиной бежал в сторону подъезда, из которого вышел Алекс. Ему вслед смотрела еще одна женщина со связанными руками. У обоих в рот были запиханы тряпки как импровизированный кляп, который держала полоса скотча. Она с опаской переводила глаза с бегущего по гребням на тех бойцов противника, который стояли ближе всех к ним спиной и были заняты боем.

«А это что еще за хер с горы?». Первые десять прыжков он не привлекал внимания тех, кто был наверху, но это продлилось только секунд пятнадцать. Один из них сначала повернулся к тому месту, где недавно сидел на корточках драпающий теперь пленник, потом нашел его взглядом на склоне. Как только он увидел расположившихся на позициях внизу бойцов Алекса, глаза у него округлились, как у срущего кота. Он пихнул локтем стоящего рядом, что-то прорычал, показывая в направлении Алекса и его людей, и упал навзничь. Второй очень проворно разворачивался с пулеметом РПК. Оба залегли и открыли огонь.

Алекс поднял большой палец вверх — скрываться больше не имело смысла. Человек, бегущий по обломкам, раскрыл всю задумку. Постепенно еще несколько человек из противников развернулось в сторону Алекса. Они пытались пристрелить беглеца — тот несколько раз падал, но снова поднимался. Его падения спасали его: каждый раз пули рвались почти под его ногами или у головы. В суматохе боя такое бывает, и удача пока сопутствовала человеку в зеленом китайском камуфляже. Кэт и Туман ударили с флангов, но эффект неожиданности был утерян, и враг ожесточенно огрызнулся с двух пулеметов. После нескольких пристрелочных пулеметные трассы стали ложиться короткими, вплотную к цели, не давая девчонкам поднять голову. Лежать на земле стало холоднее: Алекс чувствовал сырость всем телом, особенно под ногами. Хлопки автоматов уже не давили на огрубевшие перепонки в ушах. В его сторону велся огонь, но они еще могли маневрировать, оставаясь невидимыми противнику. Он высовывал ствол и отстреливал короткие очереди то с одного края глыбы, то со второго. Вновь мозг переключился на боевой режим, когда все органы чувств, даже кожа, помогают целиться, посылать пули и попадать. Обострен слух, обострены нервы. Огромный обломок кирпичной стены, который его защищал, принимал на себя сотни выстрелов.

«Целый Форт-Боярд. А хули вы думали...». Краем глаза Алекс увидел, как там наверху у врага кто-то подтащил РПГ. Он перевел взгляд на бегущего человека. Пока РПГ заряжали, беглец сильно ударился головой о дверную раму, вваливаясь в подъезд — несмотря на выстрелы, тупой звук удара отчетливо донесся до них. Он споткнулся и со связанными руками рухнул на пол. Люди схватили его под мышки и затащили внутрь. В короткую паузу Алекс выстрелил в пулеметчика, и тот взвыл, хватаясь за плечо. Рука свисала разорванной кровавой плетью. Пулеметчик вскочил и побежал назад: это были бессознательные действия, когда человек в шоке пытается справиться со

своей болью, подсознательно уйти подальше от места, где его ранили. Он почти взобрался на гребень посреди ложбины, как осколки от АГС посекали его тело, словно несколько десятков ножей одновременно. Он рухнул вперед лицом к команде Монаха, ногами к Алексу.

Тот, который держал РПГ, сначала хотел направить его в сторону Лилит — она из глубины комнаты сняла к тому времени уже двоих. Но увидев, что пулеметчик подскочил после выстрела Алекса, перевел мушку прицела на их «Форт-Боярд». Чувства совсем исчезли, кроме одного. Это был животный, первобытный, грызущий горло и останавливающий дыхание страх. Огромный, всевытесняющий. Без страха в бою нельзя.

«Две гранаты в один день в одно и то же место... Не попадают...»

Алекс вспомнил своего приятеля, морпеха Леху. Тот воевал в девяностых в Чечне и обучил Алекса всем премудростям городской войны. «Помню, как Леха сказал: «И два, и три снаряда попадают в одну воронку. На войне все бывает». Леха любил травить байки вечером у костра и часто рассказывал про войну. Рассказывал, как они специально старались закидать одну и ту же воронку из миномета с перерывом в полминуты после первой мины, если видели, что в ней прячется боевик. Куча народа погибла, потому что многие чечены, как и наши, думали, что в одну воронку не прилетает. Прилетает. А вот жизнь перед глазами у Алекса снова сегодня не пронеслась.

«Хер вам. Не останусь я тут лежать, я еще тебе глотку перережу, сам, своими руками. Ты, гранатометчик хренов, не получится у тебя ни хрена. Пиписка у тебя не выросла меня с гранатомета вальнуть».

Алекс увидел его зрачок сквозь решетку прицела и резко откатился за камень. Выстрел, разрыв, куча пыли, обломки кирпича хризантемой разнеслись во все стороны поверх голов. Часть обломков разнесло на мелкие куски и перебило стекла в ближайших окнах. Странно, но звука бьющегося стекла не было слышно. Видимо, совсем в пыль превратились. Алекс осмотрелся за собой и по сторонам. Все свои целы. Гранатометчик заряжал свой второй выстрел: в этот раз он целился в помещение, откуда стреляла Туман. Кэт пыталась прикрыть ее диагональным огнем, но пулеметы снова застрочили и никак не давали ей выйти на позицию для хорошего прицела. Если тянуть еще пару секунд, Лилит не станет.

«Вернем-ка девушке должок. Негоже, когда молодой, красивый, сильный, перспективный юноша, такой, как я, берет займы у красивой женщины. Красота спасет мир, а Алекс спасет красоту! На счет раз...». Алекс рывком встал и почти наугад выпустил длинную очередь в гранатометчика. Несколько пуль разорвали голову человеку, роняющему РПГ. Падая, тело сначала прижало к груди РПГ, как будто декларировало: «Это мое» и не хотело оставлять оружие на этом свете в ЭТОЙ жизни. Затем, спустя мгновение, палец нажал на курок, и граната ушла вертикально вниз под ноги. Вылетающий в сторону с хлопком гранатомет, чьи-то внутренности и конечности уже не удивляли гротескностью. Смерть косила и продолжала собирать свой урожай. Серые стены и камни с налипшими кусками разорванных человеческих тел жадно впитывали кровь в густую пыль.

Алекс быстро упал обратно за укрытие, перекатился на спину и лежа посмотрел в оконный проем, где должна была находиться Туман. Она все так же грациозно, словно для фотки в инстаграм, выставила средний палец. Что это значило и кому она показала? Алекс терялся в догадках, но это было не важно. «Ты показываешь мне или им? Если им, то понятно, если мне — видимо, счет по спасению на табло у нас с тобой 2:2». Шум боя на несколько мгновений затих.

— Что там у тебя? Нормально? — крикнул он ей.

— Все отлично, благодарности не дожدهшься, — стреляя, прокричала Туман. Алекс улыбнулся в ответ.

— Я особо не ждал, но когда-нибудь я тебя спасу от самой себя, от твоей собственной вредности!

— Ой-ой-ой!

— Что за мужик к нам ломанулся? Кэт, ты там как?

— Каком кверху! Все нормально, только тебя сейчас справа поджимать будут — второй этаж, смотри внимательнее.

Из окна, где была позиция Кэт, замелькали вспышки, но Алекс не слышал звуков выстрелов. Бой возобновился с новым ожесточением. Она стреляла в здание прямо напротив, на этаж ниже, чем расположение Лилит. Оттуда два ствола — значит, есть горизонтальный проход по зданию. Один укрылся и бил то по Кэт, то по закрепившимся бойцам на улице. Второй стрелял в направлении Алекса, но слишком неточно. Невнятная автоматная очередь всколыхнула взрывчики пыли и высекла едва заметные искры из осколков кирпичей в двух метрах от Алекса. Стреляли определенно в его сторону, ближе десяти метров к нему никто не располагался. «Ах ты жопа с ушами, я тебя сейчас научу стрелять». С колена в оконный проем, как только там показалась чья-то шапка. С первого выстрела. Повернулся опять к гребню. А бойцы Монаха молодцы: никакой суеты, как на учениях, аккуратно отстреливают магазин за магазином, и небезуспешно. Силы обороняющихся редели, пулеметы молчали и были опрокинуты. В сторону Алекса стреляло всего двое с пригорка, но стрельба их стала вялой, теперь уже им не давали поднять головы. И еще один с уровня второго этажа, куда стреляла Кэт: этот легко ранил двоих из группы Алекса. Судя по звукам с той стороны гребня, там сопротивлялось человека четыре. Монах даже перестал стрелять в них из АГС, гранаты жалел. Алекс перезарядил магазин.

— Эй, Стас Попов, прикрой меня! — крикнул он и встретился взглядом с тем парнем, которого ставил на часы у подъездной двери. На счет «три», прыгнув, побежал к подъезду, где была Лилит, а этажом ниже — вражеский стрелок. Кэт никак не могла его выцелить: видимо, он был самым опытным из всего стана противника, Все время уходил и перемещался вдоль окон внутри помещения. Жаля, как змея без яда, особого вреда он нанести не мог, но укусы были болезненны — и именно он сдерживал мобильность группы. Алекс ворвался в подъезд, побежал на второй этаж. Так, пролет со второго на третий обрушен, туда, где Туман, этим путем не попадешь. Значит, тут есть черная лестница. Он пытался зачищать комнату за комнатой, ища вражеского стрелка, но того нигде не было на втором этаже. Найдя черную лестницу, он усмехнулся: пролет между вторым и третьим был, но не было пролета со второго на первый и с третьего на четвертый. Он начал обыскивать каждую комнату на третьем, как это делал на втором. Выстрелов отсюда не было слышно уже минут пять.

Кернес. Некоторое время назад.

В том мире где нас растили... но я буду сильна.

Без четверти три к аэропорту подъехали пять больших внедорожников. Две машины были заполнены бойцами, в трех сидели только водители. Пройдя тройную систему обороны и контроля, три непроходимые линии периметра, гигантские китайские армейские «Хавалы»* заехали на плац и остановились, не выключая двигатели и ослепляя фарами, метрах в пятидесяти от группы «Земля». Минут через двадцать из терминала вышел сержант Китайской Коммунистической Армии. Как по команде, словно чертики из табакерки из автомобилей

выскочили все члены экипажей и бегом выстроились перед машинами. Сержант еле заметно отдал им честь. Строй вытянулся по струнке и щелкнул каблуками. Сразу было понятно, кто здесь хозяин положения. Служащие гарнизона были одеты в черную форму с белыми петлицами, которая очень напоминала немецкую форму СС времен Второй Мировой. То ли китайцы нашли огромные залежи униформы на складах Европы после ГГ, то ли хотели унижить политических предателей, жителей бывшей Советской России, отказавшихся от Великих Идей Ленина и Мао... России, свернувшей с пути процветания и прогресса на путь мелко-буржуазной, капиталистической деградации.

Сержант медленно подошел к группе, провел переключку, коверкая фамилии на китайский лад и сверяясь со списками. Он отвел группу в здание, где сначала в помещениях для дезинфекции их обдали каким-то газом и порошком, затем медики в защитных костюмах провели поверхностный осмотр. Взяли кровь из вены, соскоб с кожи, сфотографировали, отсканировали зрачки и лица, сняли отпечатки обеих ладоней, замерили рост и вес. Каждого по очереди подвели к монитору, на котором загорались слова или их латинские транскрипции. Новобранцы должны были вслух произнести слова на шести языках: китайском, английском, хинди, испанском, арабском и русском. Видимо, так создавали полный цифровой паспорт, который включал в себя физические, генетические и даже голосовые особенности. Когда все процедуры закончились, сержант вывел их обратно на улицу и передал старшему конвоя гарнизонных. Он попрощался со строем, который все это время продолжал стоять по стойке смирно, пожал руку старшему и ушел обратно в терминал. Только после его ухода старший конвоя скомандовал «вольно». Строй чуть расслабился, но продолжал стоять прямо и подтянуто.

— Я лейтенант гарнизонной службы Территории 97 Кернес. С этой минуты вы поступаете ко мне в распоряжение, я ваш командир. Сейчас мы погрузимся в машины и поедем к месту прохождения вами карантина! Вопросы? — он обратился к построенной группе «Земля».

— Простите, сэр... нам обещали специально отведенные места. Мы очень долго летели, а потом пять часов стояли здесь на улице. Я больше не могу терпеть, — Иззи умоляюще посмотрела на него.

— Во-первых, у нас тут нет «сэров», «пэров» и «мэров». Померли они все от вируса. Выжили только «товарищи». Это понятно? — ответил он с очень серьезным выражением лица. — Во-вторых: рядовой, вы хотите «пи-пи» или «ка-ка»? — раздался взрыв мужского хохота, стоящие позади командира оскалились. Кернес оглянулся и засмеялся своей шутке вместе со всеми: — По дороге в кустиках поссышь. Привыкай. Это Территория 97, пост-модерн, ептыть, детка! По машинам! — и запрыгнул в головной джип.

— Bustard motherfucker, — процедила Иззи.

— Эти хуже китайцев. Мне кажется, они еще проявят себя с «лучшей» стороны. Потерпи, Иззи, потерпи, девочка, — сочувственно сказал Алекс.

Они двинулись в путь на огромной скорости, притормозив только у КПП на выезде из аэропорта. Проехав по трассе километров двадцать, конвой остановился у обочины:

— Выходите, дамы. Туалет, — Кернес разгуливал вдоль машин с сигаретой в зубах и винтовкой на плече, похлопывал по бортам. Двое бойцов прошли по тридцать метров от конвоя: один вперед, по ходу движения, второй назад, внимательно вглядываясь в округу и прикрывая.

— Давайте, давайте. Мальчики направо, девочки налево.

— А около деревьев, где лесополоса, нельзя было остановиться? Обязательно в чистом поле? — Джулия возмущалась не напрасно: с каждой стороны дороги ровное поле. — Здесь все как на ладони!

— Около деревьев нельзя: там живут плохие люди, которые перережут вас, товарищ, что даже пуговицу не успеете на штанишках расстегнуть. А вас за это время уже успеют ограбить, трахнуть и вырезать вам сердце. На донорские органы продадут.

Джулия недовольно удалилась метров на сорок вглубь поля, другие девушки последовали за ней.

— Шучу, на органы не продадут, — Кернес улыбнулся, вставая на носочки и пытаясь разглядеть в оптический прицел раздевающихся и приседающих в ночной мгле женщин. — Никто теперь не покупает органы для доноров. Теперь из органов делают донеры, — он снова рассмеялся своей шутке. — Сердце ваше нежное просто съедят.

— Моим сердцем они точно подавятся или отравятся! — Джулия возвращалась, перешагивая через высокую траву и яростно сверкая глазами.

Кернес посмотрел на нее, кивнул головой в ее сторону и обратился к двум бойцам гарнизона рядом:

— Серьезная женщина!

Все новоприбывшие стали возвращаться с полей. Настроение все же начало улучшаться, нервяк и гнев проходили. К их интересам впервые с момента, когда лайнер коснулся колесами этой чертовой Территории 97, отнеслись с вниманием. Пусть это было реализовано таким дикарским методом, но многим еще недавно приходилось преодолевать и более тяжелые испытания, чем сходить по нужде в поле в присутствии других. Солдаты должны уметь и не через такое проходить. Правда, китайское командование расценивало их как сугубо гражданскую группу, несмотря на выданную форму и оружие. Группу, которая подчиняется единственному закону вне Цитаделей — армейскому строевому уставу, и единственной идеологии — Великой Доктрине. Сами же участники группы «Земля» считали себя солдатами, солдатами Надежды. Они должны были привнести в души людей семя надежды, призванное дать ростки спасения и нового мира, в котором хаос будет побежден порядком.

Алекс заботливо посмотрел на Иззи и спросил с улыбкой:

— Как дела, партнер? Уже получше?

— Алекс, все ок, я просто счастлива! Если б нам дали еще поесть немного, был бы вообще оргазм!
— Иззи расплылась во встречной улыбке.

Хлопки выстрелов долетели до них на секунду раньше, чем опрокинулся один из гвардейцев, отошедший для охраны в конец конвоя. Через доли секунды упал и второй. Стреляли со стороны поля, а основная часть людей была зажата между ним и машинами. Кто посообразительней, бросился за внедорожники, остальные залегли перед ними. В суматохе еще трое гвардейцев получили пули в голову.

Алекс рванул за машину, увлекая за собой Иззи, крепко схватив ее за предплечье. Они забежали за машину, и Иззи присела за передним колесом. Алекс стоял пригнувшись, опираясь руками на переднее крыло. Он вглядывался в поле из-за скоса лобового стекла и пытался понять, откуда ведется огонь. Слева от него у следующей машины стоял, почти не скрываясь, Кернес с пистолетом в руке. Он постреливал в противника, и Алекс пытался отследить направление выстрелов, но не мог понять, во что тот целится. Справа, прячась за первой машиной, двое гвардейцев вели беглый огонь по полю из автоматических винтовок. Кто-то из гвардейцев залег

перед кортежем и отстреливался, отползая под днище «Хавалов». Алексу была непривычна скоротечная суматоха боя, ему очень не хватало оружия. Он переглянулся с Иззи:

— Ты в порядке? Цела? Сиди здесь и никуда не суйся, поняла меня?!

Иззи кивнула в ответ и вымученно, испуганно улыбнулась. Пригнувшись, Алекс побежал вправо к одному из гвардейцев, которого убили первым. Он забрал его винтовку, боекомплект и, так же проворно полусогнувшись, побежал обратно. Его заметили и дважды выстрелили, но обе пули зарылись у ног. Он выбрал позицию у багажника пикапа, за которым пряталась Иззи. С колена он целился в видеоискатель, но никого не видел. Он еще раз раз посмотрел влево, на Кернеса, чтобы глазами спросить, куда стрелять. Кернес его не видел: он сидел на корточках и стрелял под машину.

«Что за хрень? Неужели они уже добрались до нас и лезут из-под машин?» — подумал Алекс и почувствовал холодный ствол, легонько касающийся его затылка.

— Аккуратно положи винтовку справа. Голову направо. Вот так, молодец. Не дергайся. Теперь ложись на живот. Собери руки в замок на затылке.

Алекс подчинился. Когда он сложил руки на затылке, кто-то туго стянул их пластиковой стяжкой. Стрельба прекратилась. Алекс слышал, как кто-то тихо отдавал аналогичные команды Иззи. Он не мог видеть, что происходило в ее стороне, потому что его голова была повернута вправо от нее и Кернеса, но он видел, что один из двух гвардейцев, который отстреливался справа, убит. Как и двое еще чуть дальше. Все американцы, напротив, были живы, но лежали с завязанными руками. Он осторожно повернул голову влево. Иззи лежала рядом и встретила его непонимающим взглядом. Он прочел по ее губам беззвучное «Кернес». Переведя взгляд дальше, он увидел, как Кернес и единственный выживший гвардеец обходят и связывают всех оставшихся американцев. Алекс заметил, что многие гвардейцы были убиты выстрелами в спину или затылок, а больше всего не повезло тем, что находились под машинами.

— Не мир принес я вам, но меч!—* разведя руки в стороны и обращаясь к небу, выкрикнул Кернес с ироничной дерзостью. На небе ни облачка. Если бы сейчас дежурный оператор наблюдал на мониторе трансляцию с камеры беспилотника, то он смог бы разглядеть блеск глаз, суженные зрачки и звериный оскал на лице Кернеса.

Но Кернес все прекрасно рассчитал. Он знал, что в это время дежурный беспилотник уходит на дозаправку. А китайцы, в нарушение инструкции, практически никогда не поднимают дублирующий дрон ночью, если все спокойно. Это объяснялось просто. Для запуска дублирующего дрона технику нужно было приехать к дублю, вручную установить новую пару зашифрованных ключей управления, которые генерировались в присутствии старших офицеров политуправления и управления разведки. Причем создавались они не позднее чем за две минуты до взлета. Никто, ни один техник не хотел навлекать на себя гнев таких уважаемых высокопоставленных офицеров. Шутка ли: они ночью могли не только спать, но и находиться в обществе женщин! Беспокоить их в такие минуты означало бы поставить в неудобное положение прежде всего себя. Такое нарушение инструкций строго каралось наказанием в любой армии мира, но в армии нового Китая на мелкие нарушения иногда закрывали глаза. Дублирующий полет длился всего восемнадцать минут, и до этого дня эксцессов практически не происходило. Алекс подумал, что, кроме единственного выжившего бойца и самих американцев, свидетелей этой бойни не осталось. Но он ошибался. Через некоторое время он заметил, что по полю к ним движется вооруженный отряд из пяти человек. У двоих из них были старенькие СВД.*

— Гоблин, чего ты творишь! Ты должен был убрать всех чисто и быстро. Я за тебя твою работу делаю! На хрен ты мне усрался с такой стрельбой! — было видно, что Кернес в бешенстве.

— Твои слишком быстро перемешались с этими, — ответил тучный человек лет тридцати, идущий во главе отряда. Он указал стволом в сторону лежащих:

— Ты же сам сказал, чтобы ни один волос не упал...

— Я сказал, но думал, у тебя в команде настоящие мужики! С опытом! А не желторотые сосунки, которые первый раз в жизни ружье в руках держат!

— Они не в первый раз ружье держат, они нормальные, они себя еще проявят, — лицо Гоблина носило печальный отпечаток отсутствия интеллекта.

— Грузите трупы, и поскорее! У нас всего шесть минут, пока беспилотник снова не прилетит. Поехали к твоим химкинским барыгам!

Кернес презрительно посмотрел на людей Гоблина, которые не очень-то понимали, чем он недоволен. Задача ведь выполнена: гарнизонные солдаты трупы, американская группа цела.

— Товарищи американцы, встаем на колени. Крысы вы помойные! Живее! — Он рывком поднял лежащего Фила Вивсайдера и грубо поставил его на колени. Остальные повиновались сами.

— Сегодня мы с вами поиграем в старую морскую игру «Крысиный король»! С небольшим нюансом: у нас может быть не только король, но и королева. — он взял Джоану за подбородок и потрепал ее по щеке. — А ты симпатяшка... Кто знает правила? Никто? Ну тогда слушайте старую морскую байку.

Был один сухогруз, уже не вспомню, как назывался. На нем обитали сотни крыс, жирных, наглых, которые совсем перестали бояться людей. Когда матросы работали на палубе, они часто видели, как крысы греются на солнышке. Мало им солнечных ванн — так они еще и трахались, не стеснясь, заботясь о своей, мать ее, популяции! Со жратвой на корабле было все в порядке, так что пропитание доставалось крысам без особого труда: они просто прорывались на склад или кухню и жрали все, что им хотелось. Прямо как вы вели себя по всему миру. Что только матросы не делали: травили, ставили ловушки, капканы, крысоловки, брали на борт самых свирепых котов — ничего не помогало, и крысы вели себя с каждым днем наглее и наглее. Ничего не помогало, пока в одном из портов боцман не услышал историю про крысиного короля. Короче: поймали они десять крыс, посадили в одну клетку и не давали им есть. Неделю. Через неделю девять разорвали самого слабого и сожрали, и их осталось восемь. Но они не насытились: кровь и запах мяса только раззадорил их, и через час в живых осталось пять. Через три дня осталось две крысы. Думаете, кто победил? Тот, кто был крупнее и здоровее? Нет: победил тот, кто хотел больше всех жить. Тот, кто готов был не ради сытости, а ради жизни разорвать зубами свою смерть. Крысиный король! Вот как!

Он внимательно оглядел отряд, стоящий на коленях:

— Каждому из вас будет предоставлена возможность стать таким королем! Или королевой...

Он подошел к Иззи и погладил ее по голове.

— Сэр, вы не могли бы не прикасаться ко мне?

— Какая вежливая... Когда меня так вежливо просят, я, конечно, могу. Только не сэр, а товарищ. Быстренько становимся в шеренгу! Становимся, становимся...

Они растащили стоящих на колени в шеренгу. Кернес очертил ногой импровизированный круг.

— Правила такие: я выбираю двоих, мы выводим их в центр нашей арены. Посередине лежит пистолет с одним патроном. Кто успел убить второго, тот переходит в следующий раунд. Если

вдруг оба игрока не захотят стрелять, у нас тут стоят ребятки, которые пустят вам пули в голову. Раненые нам тоже не нужны. Это понятно?

— Кернес, зачем вы это делаете!? Не проще ли нас всех расстрелять?! — Алекс смотрел на него с глубоким отвращением.

— Товарищ Кернес, вот как надо ко мне обращаться. Вдруг вы выживете и нам с вами предстоит вместе работать... Хороший вопрос. Я ждал его!

Кернес, держа ствол, сложил руки за спиной.

— Во-первых, я вас ненавижу. Всех иностранцев, особенно янки. Это ведь взаимно, правда? Давайте будем честны: многие из вас без причины ненавидят нас, а мы отвечаем вам той же монетой. И это будет длиться вечно, и неважно, кто кого начал ненавидеть первым. Но с этим можно жить и даже служить совместно. Я точно знаю. Во-вторых, когда я узнал, что вы едете, чтобы что-то организовать, чему-то опять нас учить, я понял, что должен вас остановить любой ценой. Как видите, я готов заплатить большую цену, очень большую! Ни один из вас, и даже вы все вместе, кучкой, оптом, так сказать, не стоите даже одного волоса с головы этих парней, — Кернес показал на трупы гарнизонных, разбросанные рядом. — Хватит уже: вы и нас, и весь мир получили... Доучились, на хрен... Все, что вы видите вокруг, это ваших рук дело... Люди, которые здесь живут, не нуждаются в ваших поучениях, организациях... Когда они наконец получили то, чего добивались веками! То, о чем мечтали отцы, деды, прадеды! У них в руках абсолютная свобода! Свобода, какой никогда не знало ни одно общество за всю историю! А вы прилетаете, чтобы отобрать ее! Так вот: ни черта у вас не выйдет! В-третьих: кто-то же должен ответить за то, во что ваши превратили этот мир? Вам, и только благодаря вам этот мир в руинах!

Джозеф Аримафянц попытался возразить:

— Но...

Кернес приложил ствол к его губам и по-отечески предложил помолчать:

— Шшшшш... Тише, тише, я не устраиваю суд. Я даю вам умереть как солдатам. У вас есть выбор, — он показал на бойцов, стоящих сзади с оружием. Взгляд сделался колючим. — Ты и ты, — он коснулся стволом плеча Иззи и Джулии. — Выходим в круг. Чтобы не растягивать по времени, со старта до момента выстрела у вас всего 10 секунд. Итак, по моей команде... — Кернес посмотрел на свой хронограф и поднял руку.

Иззи и Джулию вытолкнули в круг, поставили лицом друг к другу и срезали на руках пластиковые стяжки. В метре перед ними положили по пистолету.

— Начали! — Кернес резко опустил руку, считая вслух секунды, и с плотоядной улыбкой стал наблюдать за женщинами в круге.

— Люди, я так не могу, это неправильно! — разрыдалась Иззи. Она оглядывала всех, ища поддержки. Члены ее отряда отводили или опускали глаза, по-прежнему стоя на коленях с завязанными руками. Остальные смотрели на нее безучастно, как на какое-то насекомое.

— Остановите это! Алекс, скажи им! Пожалуйста, скажи, чтобы они это остановили! — Слезы лились рекой, рыдания спазмом сдавливали ее горло, не все слова удавалось четко выговаривать. Она встретила взглядом с Алексом. Его сердце сжалось в крошечный комочек боли. Он чувствовал, что задыхался: мерзкая жестокая действительность костяной рукой душила в нем надежду. Реальность показывала свою изнанку, которая была хуже смерти. На счет «семь» Иззи встретила взглядом с Джулией: непроницаемые черные зрачки за черным дулом NORINCO*, нацеленного в голову Иззи. На счет «девять» Алекс услышал выстрел. «Какая же ты тварь, Джулия!

Иззи была единственной в группе, с кем ты нашла общий язык и подружилась! Что за дерьмо, что за дерьмо...»*

— Поздравляю, это было захватывающе! У нас есть первый полуфиналист, так похлопаем же ему!
— Кернес захлопал в ладони. — Ты и ты, — теперь выбор пал на Иозефа и Фила. На это раз все произошло быстрее. Выстрелов было два, но Фил промазал.

Алекс с ужасом наблюдал, как один за другим умирали люди, с которыми он еще совсем недавно обсуждал будущее. Некоторые получали ранения, и их пристреливали, как загнанных лошадей. Люди стремительно исчезающего отряда «Земля» с фатальной обреченностью принимали свою участь. Все, кроме Алекса.

Алексу вспомнилась давняя кинохроника, в которой нацисты сгоняли еврейских мужчин ко рву, на краю которого их расстреливали. Было тяжело смотреть, как люди с подавленной волей, подчиняясь крикам надзирателей, прыгивали с грузовиков и бежали туда, где их убивали. Каждый из них видел, что происходит с впереди идущими, но ни один из них не сопротивлялся, ни один из них не попробовал убежать или вцепиться врагу зубами в глотку. Потрясающая воображение слабость, запрограммированность на подчинение и смерть, готовность следовать чужой враждебной воле всегда удивляли Алекса. Он часто спрашивал себя: а как он бы поступил бы в той ситуации? Бежал бы как все — или попытался бы продать свою шкуру подороже?

И вот теперь он сам в такой же ситуации. Это мерзкое существо, недочеловек Кернес, легко манипулируя сознанием жертв, заставляет их убивать друг друга на потеху себе и окружающим его ублюдкам. Две пары отказались стрелять — и были убиты. Трое пожелали покончить жизнь самоубийством. В живых оставались Джулия, Барт Симпсон и Джоана Доннертохтер.

Алексу выпало встать в пару против Барта Симпсона. «Выжить, чтобы сдохнуть здесь и сейчас? Ну нет. Только бы не выдать себя глазами!». Близкие Алекса всегда говорили, что на его лице можно видеть все его мысли и переживания. «Наверное, лучше глупо улыбаться». Когда Алекса вывели на арену, он сделал вид, что улыбается своей смерти, но на самом деле улыбался своей смелости. Человек, приносящий в жертву свою жизнь за родину, город, деревню, дом, людей, в них живущих, — герой. Человек, отдающий жизнь за.... глупец. Человек, забирающий жизнь врага и отдающий взамен свою, — святой воин. Только один из наблюдающих за этим кровавым цирком молчал: помощник Кернеса, единственный выживший среди гарнизонных. Казалось, он единственный, кто не был очарован этим страшным аттракционом и не поддавался дьявольской харизме и обаянию Кернеса. Остальные делали ставки, подбадривали становящихся в круг, активно комментировали мини-сражения каждой пары. Они расслабились. Кернес деловито раздавал указания и сам с интересом участвовал в тотализаторе.

Алекс взял ствол в руки до того, как Кернес начал десятисекундный отсчет. «Это тебе за Иззи, животное!». Алекс спокойно перевел оружие на Кернес и выстрелил. Один из охранников попытался помешать, так что пуля прошла Кернесу левый бок. Гоблинский ударил Алеса прикладом, и тот потерял сознание, завалившись на бок. Кернес, корчась от боли, поднял руку и приказал не стрелять.

— Не трогать его! Не стрелять! Надеюсь, ты не убил его, Славик? — Славик отошел на шаг, держа в руке винтовку с занесенным над головой Алекса прикладом. — У нас есть победитель! Вот он, настоящий крысиный король! Вот кто готов поставить все на кон. Вот кто стратег!

— Мужика вальните на хрен. Баб в Беседино потом сдадим в бордель, пока их пальцем не трогать. У нас еще девять минут до дрона, быстро грузимся. Помогите мне сесть в машину. Ты, — он указал пальцем на Джоану, — поедешь со мной. Ты в своем досье указана как медик: будешь меня латать и делать мне перевязку.

Его посадили на заднее сидение одного из джипов. Из багажника вытащили аптечку, дулом автомата затолкали Джоану с ней в салон. Она осматривала рану, а Кернес продолжал раздавать указания:

— У нас осталось очень мало времени, наводить красоту некогда. Давайте рассаживайте трупы по машинам. Четвертый, проверь, чтобы ничего не забыли.

Четвертым был человек, который не смеялся и который вместе с Кернесом убрал своих товарищей по гарнизону. Он отдавал короткие команды и проследил, чтобы все следы недавних событий стерли как следует. Кровь на обочине засыпали свежим песком и гравием. Мертвые тела распихали по внедорожникам, члены банды Гоблина расселись за руль, некоторые трупы усадили рядом с живыми членами группы «Земля 97». Через три с половиной минуты конвой двинулся. Кернес сидел в головной машине, Четвертый вел замыкающую. Они неслись по пустой дороге на огромной скорости к условленному месту встречи с химкинскими.

Когда беспилотник взлетел в Домодедово, они успели отъехать еще на пятнадцать километров. Джоанна осмотрела рану Кернеса и наложила тугую повязку. Пуля прошла навывлет, но задела кишечник: состояние ухудшалось из-за внутреннего кровотечения. За рулем внедорожника, в котором ехал Кернес, сидел Гоблин.

Алекс очнулся посередине заднего сиденья. Его джип ехал третьим в колонне. Справа на него навалился труп Мэтью Донована: он был одним из тех, кто не захотел стрелять, и с ним покончили выстрелом в затылок, который теперь находился в пяти сантиметрах от лица Алекса. Тошнота подступила к горлу, но рвать было нечем: их не кормили почти сутки. Кровь Мэтью запеклась и уже не капала на Алекса. Он попробовал отвернуться, но слева вплотную был усажен труп гарнизонного бойца, который смотрел на Алекса застывшим остекленелым взглядом. Его глаза уже помутнели и смотрелись грязно-голубым бельмом.

Алекс закрыл глаза. Он не понимал, почему жив до сих пор. Вся правая сторона лица саднила от удара прикладом и горела, уже припухла и пульсировала. Было так больно, что Алекс думал, что ему сломали челюсть и пробили висок. Живых в машине было только двое: Алекс и водитель. Руки Алекса были стянуты за спиной, поэтому он не мог отпихнуть навалившиеся на него тела. На пассажирском сидении были еще два тела, одно на коленях у другого. Он узнал косичку Кристи, на чьих коленях взгромодили какого-то гарнизонного бугая. Их головы болтались на кочках и поворотах как у автомобилистов в немых черно-белых фильмах, иногда стукаясь друг об друга. Водитель молча рулил, держа короткую дистанцию с впереди идущим внедорожником. Сзади в голову что-то упиралось: Алекс развернулся, как мог, и увидел ботинок еще одного тела, наскоро запихнутого в багажник.

«Почему я жив? Убил ли я эту падаль? Остался ли хоть кто-нибудь из наших в живых?»

— Куда мы едем?! Останови машину! Мне неудобно сидеть! — прорычал Алекс с заднего сидения. Водитель лишь посмотрел на него в зеркало заднего вида и ничего не ответил.

— Мне неудобно! Stupid bastard! Останови машину! — Алекс попытался высвободить ногу, чтобы пихнуть водителя, но ноги тоже были стянуты. Попробовав несколько раз выдернуть ногу, он оставил попытки и затих. Гнев — плохой помощник в критической ситуации, так что Алекс решил поберечь силы и стал просто наблюдать. В окружении мертвых было спокойно: они создавали иллюзию, что все позади и уже ничего плохого не случится.

Химкинские

Они прибыли на старый заброшенный торговый комплекс. Заехав на подземный паркинг и потушив фары, припарковали пять машин рядом.

— Пойди и тихо позови мне Четвертого, — приказал Кернес Джоане. Та молча повиновалась и осторожно открыла дверь. Звук открывающегося замка клацнул в тишине почти громом.

Еще одним характерным признаком мира после Гнаб Гиба стала тишина. Шумы, которых и не замечает в повседневной жизни человек, исчезли. Автотрафик за окном, гудение линий электропередач, писк светофора, да даже шелест работающего ноутбука — все звуки жизни, раньше окружавшие нас даже в часы покоя, казалось бы, в тишине, теперь исчезли. В мире, где уже составлен и опубликован некролог человечеству, не было слышно ничего. И от этого самая гробовая тишина ТОГО мира теперь казалась гулом мегаполиса по сравнению с абсолютной тишиной ЭТОГО.

Четвертый подошел и сел на место Джоаны, оставив ее снаружи.

— Как ты, Кернес? Что-то ты бледноватый...

— Эскобар жил, Эскобар жив, Эскобар будет жить! — кряхтя, отшутился Кернес, перекошенный гримасой боли.

Четвертый похлопал по плечу сидевшего за рулем Гоблина и кивком попросил его выйти. Тот взял свой автомат и молча присоединился к Джоане.

— Слушай меня, — начал Кернес, — химкинские, если увидят меня в таком состоянии, не станут с нами говорить, перещелкают всех оставшихся на хрен. Переговоры вести будешь ты, без меня.

Четвертый внимательно слушал.

— Как я и думал, бойцы из гоблиновских никакие, сам видел. Но это все, что у нас с тобой есть. Жалко, наших парней положили, но они не согласились бы мочить амеров.* А мочить амеров нужно было. Мы с тобой не успели толком переговорить, но знай: если амерам удалось бы организовать самоуправление среди живности, то нас распустили бы. Даже в полицию по типу Цитаделей не взяли бы — там полицейские функции китайцы выполняют. А это значит конец всему. Нас бы распустили, и мы стали бы рядовой живностью: без оружия, без связи, без всего. Понимаешь? А кто мы без оружия и связи? Тогда никакой мы не полк спасения, никакой больше новой Империи без китайцев, никакого будущего. Понимаешь, блин?! А так... Пока нет американцев с их самоуправлением — есть гарнизон. Есть гарнизон — есть и надежда на Новую Страну. Не будет меня, сдохну я.... ты подхватишь флаг и понесешь. Не будет тебя — подхватят другие. Так что не зря сегодня наши пацаны полегли, не зря! За Империю, новую Империю будущего полегли. Ты понимаешь? Или считаешь меня гнидой продажной?

— Нет, Кернес, не считаю. Не знаю, насколько мы правы, стреляя в своих: может, и по-другому можно было. Тут тебе виднее... Но продажным точно не считаю.

— Это хорошо, — Кернес по-отечески похлопал Четвертого по плечу. — Так вот: гоблинские ни фига не обстреляны, но зато они как пластилин — какую фигуру слепишь из них, такую и получишь. Сам Гоблин не очень надежен, так что ты избавься от него при удобном случае.

Смотри что с химкинскими. Они более-менее нормально упакованы и организованы, если смотреть из всех, кто в Территории остался на вольных хлебах. На встречу от них придут две группы — отморозки и разведка, которая их прикрывает. Разведку ты не увидишь, базарить будут отморозки. Отдай им все оружие, какое осталось от наших. Скажи, мол, Кернес просит прощения, что не смог приехать лично, выражает глубокое уважение и в знак дружбы дарит вам стволы и патроны.

Четвертый изумленно посмотрел на Кернеса. Отдать такое количество оружия и патронов? Это ж целое состояние! Не щедроваты ли подарки?

— Они спросят: что взамен? Ответишь: ничего, просто подарок. Разведка оценит, отморозки нет, но нам важно, чтобы разведка донесла куда надо. Дальше... Выставишь бабу — ту, которая стреляла первой, она еще сказала, что ее сердцем подавиться можно... ну ты понял которую. Не эту, которая снаружи за дверью. — Кернес посмотрел на Джоану. — Эту оставь при себе: она медик, пригодится тебе еще не раз. Выставишь им ту бабу: скажешь, что это плата за маленькую услугу. У них с этим делом плохо все: баб хороших практически нет, а эта молодая, смазливая и здоровая. Они за нее схватятся руками и ногами. Услуга от них нужна: чтобы они в Имбицилленде фарцанули мелочевкой какой-нибудь, а тачки к «монахам» на склады загнали. Проследи за всем, но сам держись подальше. Тут смотри, для чего весь этот цирк. Когда дроны полетят нас искать, то найдут машины, прилетят, расхерачат к той «матери Бени» склады. Они не знают, что Монах там человек сто под ружьем держит, а я знаю. Китаезы считают, что там человек семь-восемь. Короче, эта сотня — ребята что надо. Охренительные, все хорошо подготовлены и вооружены. Твоя задача — когда кипишь будет, найти и грохнуть Монаха. Ты его сразу узнаешь: он здоровый такой, лысый, под два метра ростом, на шее татуха с драконом, он единственный крест на большой золотой цепи носит. Когда грохнешь — считай, армия Монаха твоя. Ты только сразу построже с ними: пару человек самых борзых казни на глазах у всех, они сразу шелковыми и станут. Толпа любит страх и управляется страхом. Денег им раздай, разреши один день весь бордель бесплатно трахать — у Монаха там телки классные, как на подбор. Когда «монастырь» себе подчинишь, сможешь с их помощью подмять Володарку, Беседино и Троицк.

— Да ты что, Кернес, ты возьмешь и подчинишь, вместе возьмем! — Четвертый пытался приободрить Кернеса, бледнеющего на глазах. Голос того становился прерывистой и тише:

— Не звизди и слушай, что старшие тебе говорят. Дай мне воды.

— Кернес, нельзя тебе воды...

— Дай воды! — В голосе Кернеса прозвучала стальная уверенность в своей правоте. Он отпил большой глоток из бутылки, которую ему передал Четвертый.

— Когда заберешь себе Володарку, Беседино и Троицк, начинай тренировать людей. «Монахи» подскажут тебе, как: они умеют и от дронов спрятаться, и целый город бесшумно вырезать. Когда почувствуешь силу в себе и людях, отправляйся к химкинским — вот тогда и напомним о подарке от Кернеса. Объединяйся с ними и шлите гонцов в гарнизон. Ты Пахоменко знаешь? Он из наших. Не удивляйся. Он даст тебе выход на людей, тех кто поддержит вас в гарнизонах. После идите брать Цитадель: там ресурсы, там все сохранилось, там начнется Новая Жизнь. Только учти: твои люди должны быть лучше подготовлены, лучше вооружены, лучше одеты и накормлены. В Цитадели все начнется заново, и там победит сильнейший.

Американца, который остался в живых, сохрани. Я сразу увидел: он непростой парень, в нем божья искра есть. Он поможет тебе построить в Цитадели все заново. Слушай его советов: он единственный, кто тебя не предаст ни при каких условиях. Стрелка через два часа. Химкинские придут через час, чтобы занять выгодные позиции. Понял меня?

Четвертый кивнул. Кернес допил воду из бутылки, закашлялся и, закрывая глаза, сказал:

— Повтори все слово в слово: про подарки, Монаха, химкинских, Цитадель...

Четвертый начал пересказывать наказы Кернеса. Когда он дошел до Имбицилленда, бутылка выпала из рук Кернеса, и тот перестал дышать.

Плохо — в плане женщин — было не только у химкинских: у гарнизонных женщин вообще не было. Четвертый сделал по-своему: он отдал Джоану и оружие химкинским, когда те пришли, а Джулию оставил себе. Он успел спрятать их с американцем в холодильниках заброшенного фудкорта на третьем этаже торгового молла. Там же, на третьем этаже, он оставил бойцов и самого Гоблина.

Алекс в сторону Джулии и не смотрел. Та пыталась с ним заговорить, но он только смачно плюнул в ее сторону и отвернулся. После всего, что произошло за последние несколько часов, он не мог адекватно ее воспринимать. Он вспоминал молящие глаза Иззи — и слезы застилали его веки, гнев душил, а сердце разрывалось на части.

Через час Четвертый провел встречу с химкинскими. Они молча приняли подарки. Когда забирали оружие из машин не узнали Кернеса — Четвертый искромсал ему лицо ножом. Он наблюдал за хамоватой «пехотой» химкинских, когда те отвлеклись на новую диковинную игрушку-Джоану. Они ее разглядывали, но заговорить с ней не решались. Один из пехоты указал ей стволom на переднее пассажирское сидение первого внедорожника. Она молча подчинилась приказу. Все это время, Четвертый чувствовал, что кто-то незримо присутствует на встрече, как и говорил Кернес, но не мог вычислить, кто и откуда за ними наблюдает. Встреча длилась минут пятнадцать. После того, как взревели двигатели и химкинские за рулем «Хавалов»* выкатились с парковочной площадки, Четвертый еще полчаса стоял между колоннами, пока явственно не почувствовал: те, кто наблюдал за ними, ушли.

Он вернулся к своей новой команде. Гоблин, понимая, что Кернеса больше нет, попытался перехватить инициативу сразу по возвращению Четвертого:

— Так, мужика пускаем в расход, бабу по кругу. Четвертый, можешь первым ее трахнуть.

Четвертый, ни говоря ни слова, прошел в направлении Гоблина и, когда до того оставалось три шага, быстрым отточенным движением достал и вогнал нож в шею, прямо в сонную артерию Гоблина. Тот даже не успел ничего понять и рухнул через пару мгновений. Люди в помещении остолбенели.

— Есть вопросы? — Четвертый сделал паузу. — Нет вопросов. Теперь мы команда. Все, кто будет меня слушаться, получают себе по красивой бабе, денег и свой отряд. Но для этого придется попотеть. Остальных ждет такая же участь, как и этого...

Он посмотрел на тело, бьющееся в конвульсиях, и вытер кровь с клинка о куртку Гоблина. Его новый отряд отходил от потрясения. Он вывел из холодильника Алекса и Джулию.

— Если будете вести себя тихо, я сниму вам кляпы и освобожу руки.

Джулия энергично закивала, Алекс отвел взгляд. Четвертый улыбнулся Алексу и сорвал скотч с губ Джулии.

— Мы американцы и не привыкли, чтобы с нами так обращались! Развяжите меня немедленно! Вы еще заплатите за все это!

— Эх, поторопился я... Надо было ту, вторую, оставить, она-то тихая была... — и Четвертый заклеил ей рот снова.

Он оглядел обувь членов своей новой команды, в том числе пленников, видимо, остался удовлетворенным, осторожно вывел их из здания и направился быстрым шагом в сторону Горок. Пешком добираться туда — это часов пять без остановок. Внешне они напоминали банду мародеров: бойцы Гоблина были одеты кто во что горазд, одинаковая форма была только у Джулии и Алекса. Четвертый спорол лычки и погоны со своего черного гарнизонного мундира, отчего тот теперь походил на обычную куртку.

Надев бандану, Четвертый теперь был похож на обычного «солдата удачи». Если бы отряд засек беспилотник, внешний вид бойцов скорее всего не привлек бы внимания оператора. Они выдвинулись в сторону «монастыря».

Новая команда добралась до места, когда солнце уже было в зените. Четвертый разбил отряд на две группы, предусмотрительно оставил большую часть людей далеко на подходах к Горкам, строго-настрого запретил им курить и разводить огонь.

Химкинские отогнали машины, мастерски симитировав подрывы на фугасах. У двух их них разворотило морды. Пока все шло как задумывал Кернес. Четвертому начинало нравиться. Удачный план. Хотя Четвертый не очень разделял все эти идеи про «новую Империю» и прочую чушь. Но нужно было отдать Кернесу должное. Душа умершего лейтенанта была черна как ночь, выживание неизбежно образовало там мрак. Но это был тот мрак, в котором, если взглядеться, можно было увидеть звезды. Так блестели его мысли, идеи и интеллект. Большинство людей тянулись к нему. Те, с кем общался Кернес сначала очаровывались этим мраком, а затем свечением звезд в его душе. Многих посвященных гарнизонных сама идея создания новой страны вдохновляла, но Четвертый не видел ни одного умного и достойного продолжателя Кернеса. К тому же, Четвертый никогда не любил всю эту конспирацию, построенную на зыбкой вере в то, что никто не предаст и не проболтается.

Четвертый великолепно ориентировался на местности и удачно организовал наблюдательный пункт. Замаскировав свое лежбище в лесочке напротив складов, он наблюдал в бинокль. Он позаимствовал неплохой китайский камуфляж у одного из гоблинских перед тем как приблизиться к складам Монаха.

Он послушался Кернеса — и немного жалел об этом. Четвертый видел, как двое химкинских из отморозков активно фарцевали с местными....,

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

....фарцевали с местными. Обитатели Имбицилленда обступили их и пытались выменять противогазы на ненужную посуду. Это вызвало гнев и одни из химкинских с силой оттолкнул мужичонку с эмалированной кастрюлей. Тот оступился и упал. Падая он ударился затылком о поребрик и потерял сознание. Никто не обратил на это внимания. После его падения толпа вокруг химкинских сомкнулась еще плотнее. Бабы всплескивали руками, видимо, запрашиваемая цена за "товар" казалась им непомерно высокой. Одна из них предлагала автомобильную аптечку.

Он послушался Кернеса — и немного жалел об этом. Возможно он совершил ошибку отдав химкинским женщину-медика. Действительно, какой толк от этой Джулии. Ведь он не мог совершенно ей доверять после того, как она не раздумывая убила свою.

Он взял ее себе потому что она была его отражением. Он тоже всегда убивал, когда стоял выбор между "жалеть" и "убить". Он считал, что не нужно врать себе. Правда Четвертого заключалась в том, что или человек готов убить другого или он труп. Именно поэтому он оставался жив до сих пор в этой игре под названием "Скотоправда".

В то время как двое торговались в Имбицилленде, трое направились к складам Монаха. "Дауны, вы пошли торговать «барсуками»?*, кранты вам!"

У первой линии обороны монастыря их окружили и разоружили. «Монахи» их быстро повязали. Двое из этих троих начали быковать и вырываться: Четвертому показалось, что, когда их затащили за угол одного из ангаров, он услышал звук двух выстрелов оттуда. Видно не было, ангара закрывали обзор. монахи никогда не церемонились с незваными гостями.

Даже если этих троих отморозков отпустят подобру-поздорову, ободрав как липку, это все равно плохо: Монах насторожится. Тем временем в Имбицилленде состоялась какая-то сделка. Двое химкинских с нагруженным рюкзаком ушли с одним местным куда-то по дороге ведущей за пределы поселка в частный сектор.

Минут через сорок с того направления, куда ушли эти донесли хлопки выстрелов и разрыв мин. Скоротечный бой вспыхнул и затих. «Тупые ублюдки. Дебилы. Заставь дурака богу молиться...».

Пока ситуация складывалась не в пользу Четвертого. Похоже, что химкинские облажались. двое ушедшие в частный сектор так и не вернулись. Что случилось с троицей понесший к складам "барсуки" неизвестно.

Он решил подождать и понаблюдать за складами весь день. Он умел сутками сидеть в засаде. Пронаблюдав полдня Четвертый перекусил гарнизонными галетами и запил водой из фляги. Особой активности не было и Четвертый изучал, как сменяются караулы у «монахов».

Грамотно все построено, ничего не скажешь. Когда он только залег наблюдать, то увидел только три точки, охраняющие западную линию складов — а с разводом караулов понял, что точек на самом деле было шесть. Ровно каждые полчаса точки меняли свою позицию, поэтому обычному прохожему невозможно было угадать, где именно расположены часовые, даже если, например, вчера он видел всех шестерых на своих постах.

За территорию складов никто не выходил, редкие «монахи» перемещались по своим делам между зданиями внутри периметра. Пару раз из здания большого голубого склада выходила молодая черноволосая женщина с хвостом на голове.

В бинокль ее было видно плохо, но даже на таком расстоянии угадывалась красивая подтянутая фигура. «Отдам тебя лучшему бойцу или наоборот». Он терпеливо прождал целый день. Пока в сумерках не почувствовал движение рядом со своим лежбищем.

Четвертый

Местный тоже так и не вернулся. Стемнело. Четвертый уже собирался уходить, когда заметил бесшумные тени, скользящие по лесочку. Тени похожие на призраков. И если бы не ощущение собственной невидимости — он понимал, что его маскировка безупречна с армейской точки зрения — то он начал бы стрелять от страха. Три зловещие, смертоносные тени вызвали очень неприятные чувства. Даже у такого опытного бойца, как Четвертый. Кожа покрылась мурашками: это был настоящий противник, не то что Гоблин или ему подобные. Противник опасный, как лезвие бритвы, которое не видишь. Хорошо бы иметь такого в своей команде во время штурма Цитадели!

В движении призраков чувствовалась настоящая боевая слаженность, когда тело и сознание каждого бойца превращается в часть неделимого. Когда команды, предостережения и сигналы передаются даже не взглядом, но мыслительными импульсами. Когда ты точно знаешь, что чувствует, слышит и видит твой боевой товарищ. Чувствуешь кожей, чувствуешь плечом. Чувство плеча — именно про это. Одна из теней отделилась от тройки и превратилась в неподвижный куст. «Прикрывает отход. А ребята не промах...». Две другие тени что-то прятали неподалеку в остве старого сгоревшего авто.

Они вышли из-под лесного покрова на свет прямо на складских часовых, положили оружие на землю и встали с поднятыми руками. Часовые вышли навстречу. Четвертый разглядел их со спины. Девчонка с бритой головой и мужчина лет тридцати пяти, казалось, обычного телосложения. Прямые спины, уверенные движения. Чистая одежда армейского покроя. Даже на большом расстоянии сила, которую излучали эти двое, обжигала своим спокойствием. После короткого разговора им надели мешки на голову и обыскали. Двое спокойно позволили увести себя вглубь территории. «Понятно. Вы тут не впервые, продолжаем наблюдение.».

Четвертый прождал еще часа два. Новое активное движение захватило его внимание. Похоже, Монах разгадал маневр мертвого Кернеса: «монахи» катили машины в сторону поселка, где еще сохранились жилые дома. «Переводит стрелки. Проинтуичил, что задницу ему подпалят. Кернес говорил, что Монах очень непрост, хитер как старый опытный волк и замечает следы похлеще специально обученных вояк».

Двое «призраков» вернулись в компании других бойцов — теперь их было четверо. К ним присоединились мужчина и женщина. «Ба, ни пера се, кто идет... Это же та самая птичка с косичкой! Интересное кино получается!». Четвертый узнал шатенку, которую разглядывал днем в бинокль. Внутреннее чутье подсказывало, что ему нужны эти четверо, надо следовать за ними. Он уже приготовился покинуть свое укрытие, когда бритая остановилась, подняла руку и сказала:

— Всем спокойно, свои.

Четвертый чуть не спалился: забыл про еще одного, прикрывающего отход. Повезло, а мог бы выдать себя. Он дождался, пока группа не отошла на безопасное расстояние. Четвертый шел за ними до места промежуточной стоянки, где они снова остановились. По их разговору он понял, что у него есть часа полтора, чтобы перестроить свой отряд. Он поспешил к «гоблинским», которые теперь становились «четверкиными». С одной стороны, ему было жаль гарнизонных товарищей, с другой — ему детей с ними не крестить. Он не был ни к кому привязан, а его способность хладнокровно убить любого играла на руку и предостерегала «гоблинских» от дурных мыслей.

Он решил взять с собой Джулию и одного из бывших бойцов Гоблина — самого молчаливого и, видимо, толкового. Подобное притягивает подобное. Он пошел бы один, но переживал, что его долгое отсутствие вызовет споры и конфликты между бойцами за Джулию. Он уже видел в глазах некоторых блеск, желание и сочувствие к пленнице. Четвертый понимал, что она может легко перевербовать слабых. Нельзя этого допускать. Ему с новыми людьми будет труднее скрываться во время преследования. Но если они будут слушать его указания, то задача вполне выполнима.

Четвертый отследил группу Алекса от заброшенных гаражей и перестрелки в подъездах, до коллектора. Спускаться за ними в колодец не решился. Одно дело — идти позади в трех километрах по земле и оставаться незамеченным. Совсем другое — в коллекторе, где каждый шаг отдается эхом подшв.

Четвертый стал искать на поверхности, куда группа могла бы направиться по направлению коллектора. У него было большое преимущество перед «живностью»: карты местности с

указанием зданий, расположения силовых структур и коммуникаций. Карты хранились в бортовых процессорах автомобилей автономно, но дублировались на бумаге, как в старые времена, потому что ничего надежнее бумажной карты не было. Главное, уметь их прочесть: карты были старые, тактические, на китайском языке с дублированием основных названий кириллицей. В свое время китайская разведка поработала.

Четвертый задумчиво смотрел на карту. Куда же они шли? Что есть в районе? И почему по коллектору? На картах подземные коммуникации не отмечаются, по люкам угадать тоже невозможно: в этом районе находился Водоканал, так что люков на квадратный километр в сотню раз больше, чем в обычном месте. «Стоп. Водоканал. Это единственное место, которое может интересовать организованную группу. В жилых руинах ловить нечего: тут уже все сто раз обшмонали и местные, и залетные, и перелетные». Он прищурился, его осенило «Точно Водоканал! Где же он? На карте он где-то тут, рядом — странно, а не видно совсем...»

Четвертый оторвал взгляд от карты и осмотрел ближайшие здания. Ландшафт измененный разрушениями не давал возможности привязаться к какому-нибудь ориентиру. «Вот тут должно было стоять 24-этажное здание, но от него осталась только груда обломков. Да что там — вокруг на два квартала ни одного целого дома. Водоканал должен быть здесь, что за хрень? А нет его. Совсем нет».

Четвертый нашел Водоканал через два часа, когда команда Алекса уже ушла. Он облазил все в округе и наконец понял, почему узел не было видно: здание и территорию завалило обломками так, что заметить его вообще невозможно. И добраться снаружи — тоже: все загромождено так, что путь ко входу, нужно разгрести экскаваторами дня три. Коллектор! Под Водоканалом куча коллекторов! Иногда бывает, как, например, в Самаре, где в молодости служил Четвертый, там аж целая система самотечных внутриквартальных коридоров: под землей километров четыреста минимум наберется. В таких коридорах легко потеряться, не зная схем движения. Это только канализация. А еще есть заброшенные командные пункты, подземные госпитали, убежища — это вообще отдельная вселенная.

Все же придется лезть в коллектор. Четвертому не хотелось. Газоанализатора нет, при прямой стычке перевес на стороне Алекса — у Четвертого в группе полтора бойца. Он решил спуститься на короткую разведку. Стащив с себя штаны и разувшись, привязал к штанинам ботинки, осторожно откинул люк, но не стал заглядывать, несмотря на округлившиеся от удивления глаза Джулии, только усмехнулся. Выждал пять минут, прислушался, присмотрелся — и опустил штаны с привязанными ботинками. Выстрела не последовало. Быстро одевшись, Четвертый спустился в люк, дав знак следовать за собой.

Подземный туннель уходил наискосок вправо. Света видно не было, стояла тишина. Часовых не выставили — значит, они ушли другим путем, видимо они уже далеко. Логично: прошел уже час, как команда Алекса ушла под землю. Четвертый показал своим спутникам как беззвучно наступать на грунт. Они стали аккуратно продвигаться вглубь. Вокруг стояла тишина. Глаза привыкли к темноте. Путь освещал слабый луч китайского фонаря выданный в гарнизоне.

Через час далеко впереди тишину прервали звуки похожие на удары молотка. Джулия вздрогнула. Было слышно что звук рождается на поверхности, не в коллекторе.

Четвертый приложил палец к губам присел на корточки и выключил фонарь. Рисковать не стоило: через некоторое время они залегли, притаились, благо хоть на полу было сухо.

-Это были выстрелы, -приглушенным шепотом произнес Четвертый

- Кто делал выстрелы?- спросила так же тихо, почти не слышно, Джулия. Четвертый пожал плечами. Через некоторое время звуки прекратились. Они слышали только собственное дыхание.

тый решил уничтожить оставшуюся часть груза, чтобы не переполнять рынок предложением. Чтобы сохранить цену на акватабс и получить сверхприбыль, нужно было выдавать его маленькими партиями. На вырученные ресурсы можно было снабдить почти целую армию. Конкуренты в лице «монахов» могли сбить цену, потому разумнее было избавиться от того, что не сумел унести сам. Он судорожно искал, из чего бы соорудить костер, и нашел в актовом зале старые деревянные стулья. Пока он таскал их на склад, линия боя неумолимо приближалась к Водоканалу. Он разложил дерево под прицепом и попытался поджечь, но, видимо, тент имел противопожарную пропитку и никак не хотел загораться. Четвертый решил было поджечь сами коробки, а не тент целиком, когда услышал гул шагов и голоса приближающегося отряда. От этой идеи пришлось отказаться. Он затаился, заняв выгодную позицию, подготовился к бою. Один в поле воин. Четвертый пожалел, что не взял гранаты с собой, а расставил растяжки в коллекторе. Задним умом-то все хороши...

Можно было намного дольше обороняться и успеть сжечь остаток таблеток, если бы он бросал гранаты одну за другой в канализационный люк, туда, где сейчас столпился отряд и из которого вылезла вооруженная девчонка. Она присела на корточки и стала шарить глазами вокруг. После нее высунул голову Монах, подтянулся и залез в помещение. Нужно мочить их сейчас: возможно, обезглавленный отряд замешкается и Четвертый успеет довершить начатое. Дав короткую очередь, Четвертый бегом поменял позицию. Вроде задел. Но было темно и непонятно. Монах и девчонка уловили движение, и начали поливать его новое укрытие свинцовым дождем в ответ. Его прижали к полу. Он ждал паузу, пока у когонибудь из двоих закончатся патроны. Лежал секунд тридцать пока отчетливо не услышал пистолетный выстрел, а затем слух различил, что вместо двух стволов в него стреляет уже один. Странно, конечно. Через пару секунд и этот единственный ствол смолк, перезарядка? “Сейчас!” Он резко высунулся и наугад выстрелил в сторону противников. Есть! Девушке сначала перебило предплечье, а затем прошло грудную клетку. “Любовь томит младую грудь, душа ждала кого-нибудь...” Она завалилась на бок и стала хватать ртом воздух. Секунд через пять она затихла. Четвертый встретился взглядом с другой молодой женщиной. Он не заметил, как она пробралась, держа его на прицеле, но не стреляя. Это была та самая черноволосая с хвостом из «тройки». Четвертый медленно встал, собрал оружие, развернулся и молча ушел. Он уходил с чувством, что она тоже его видела раньше, там, у «монастыря», когда он сидел в засаде. «Бестия, настоящая бестия. Раз бойцов у меня теперь нет, возьму тебя себе. I'll be back. Я еще вернусь за тобой».

***

Алекс и Туман организовали вынос груза по-спортивному быстро. Сначала они решили оставить половину в Водоканале и выставить охрану, чтобы вернуться за оставшейся частью позже. Но затем, посчитав такое решение неразумным — забирать нужно было все сразу, выстроили челночную схему: люди выстраивались в шеренгу и передавали ящики один за другим вперед. Когда ящики заканчивались на предыдущем «складе», отряд перемещался вперед и повторял все заново. В начале и конце цепи стояла охрана. Перемещать груз быстро таким образом было невозможно, но зато можно было перетаскивать изрядное состояние все, целиком, не делясь с невесть откуда взявшимися сильными конкурентами.

Алекс из Москвы взял себе в помощники Алекса из Арказаса, поставив его рядом с собой в цепочке. Ему было интересно, что тот за человек и откуда здесь взялся живой американец.

— Послушай, Аризона, где ты научился так хорошо говорить по-русски?

— Я не из Аризоны, я из Арканзаса, это разные штаты, они очень далеко друг от друга находятся...

— Какая разница, Аризона! Нет теперь штатов, и звучит похоже, ведь ваши эту моду ввели — путать созвучные названия географические. Это ж какая-то ваша баба спросила: «Как правильно, Ирак или Иран?». Так что будешь Аризона. Меня тоже Алекс зовут.

Он протянул руку американцу. Алекс из Арканзаса терпеть не мог подобных прозвищ, а еще больше не любил, когда коверкают или переиначивают слова и названия. Однако протянутую руку пожал молча и не стал спорить.

— Мы два месяца — сначала в Америке... в Территории номер 10, потом на корабле — учили русский, — он говорил это с акцентом, раскатистым английским R.

— Что у тебя с той бабой? Почему ты хочешь ее грохнуть?

Аризона непонимающе смотрел на Алекса-Москву. «Баба» ассоциировалась с «бабушкой».

— Grandmother? Что это — «грохнуть»?

— Да нет, не бабушка! «Баба» — это женщина, «грохнуть» — убить, to kill, — Алекс-Москва улыбнулся и перегнулся через Аризону, чтобы посмотреть, чем там занята Джулия.

— She is dark horse, she is fucking killer, — ответил Аризона, не глядя в ее сторону. Джулия находилась достаточно далеко, чтобы не слышать их разговор, но заметила внимание к себе. — She shutted lot of my friend. — Алекс-Москва ничего не ответил, только скользнул взглядом по напряженному лицу Аризоны.

— Зачем вы учили русский? Нахрена вы сюда приехали?

— Мы должны были навести порядок и научить ваших людей, которые остались... — Аризона, видимо, вспоминал оборот «остались за бортом», — ...снова строить жизнь, социум, город или деревню!

— Да ты что! Seriously? — Алекс иронизировал. — Опять учить, строить? Вы ж весь мир нахрен поломали, учителя херовы.

Аризона не обратил внимания на издевку в голосе Москвы:

— В Литл-Рок-Сити мы смогли собрать людей, самостоятельно восстановить электричество, подачу воды, управление помощью выжившим. Правда, только несколько зданий, и пока нет работы. Но шаг за шагом мы сможем сделать жизнь лучше. Китай увидел, на что мы способны, и хочет повторить эксперимент везде, по всему миру. В разные страны направились 5 команд, как и мы.

— Понятно. И где же твоя команда?

— Этот, который убежал с вашим «карго», еще один военный и она, — Аризона кивнул в сторону Джулии, — убили всю мою команду.

— Почему не убили тебя?

— Не знаю. Я стрелял в того военного и ранил. Он сказал не убивать меня. — Аризона пожал плечами.

Для него действительно оставалось загадкой, почему он до сих пор оставался жив. Кернес должен был прикончить Аризону сразу, как только тот обратил оружие против гарнизонного. Оставлять в живых того, кто в этих условиях стрелял в тебя, было совершенно иррационально. Впрочем, русские славились своей непредсказуемостью и нелогичностью. Но простой закон выживания говорил: «Или ты, или тебя!». Выстрел в Кернеса не мог стереть в памяти Аризоны последние

недели, проведенные в тренировках с Иззи, так же как и картину ее никчемной смерти, не принесшей никому никакой пользы или вреда. Местью не вернуть утерянного, и стрелял он не во имя справедливости — он убивал врага, не стал снова мягкотелым говнюком, как только цивилизация ласково овевляла его мягкими полотенцами, душем, горячей похлебкой.

Не стал как остальные в его команде. Он готов был убивать, но только если враг угрожал его жизни, только если враг угрожал его близким. С каких пор Барт, Джозеф, Питер и другие стали его близкими? Алекс поражался инертности своего мышления. Несколько долгих месяцев Аризона жил одиночкой, хищником, выживающим и не знающим никаких преград и сомнений. И теперь пара месяцев в обществе с горячей водой и электричеством сделали его ручным псом, который ищет близости с такими же, как он? Нет. Он знал, как опасны привязанности и стереотипы, перенесенные из ТОЙ жизни в ЭТУ. Штука была в том, что их невозможно было перенести в новый мир, как невозможно перенести цвета, краски, образы, линии, фигуры, предметы, пейзажи обратно в реальность с холста художника. Из этого мира на холст можно перенести все, что угодно, а вот обратно нет. Нет такого пути. Дым от сигареты не может вернуться обратно и стать тлеющим огоньком табака. Есть вещи необратимые.

— Что с тем военным — мы их называем гарнизонными — стало? Он выжил? Где он? — Москва с нарастающим интересом смотрел на Аризону, который, сам того не подозревая, послужил причиной всех последних стремительных событий и косвенно повлиял на жизнь их всех.

Аризона отрицательно покачал головой.

— Что было потом, когда ты выстрелил? — не унимался Москва.

— Я не знаю. Нас увезли в какой-то молл, где была встреча военных с какими-то бандитами.

— Ты видел, с кем?

— Нет, но я слышал, как говорят люди, которые в вас стреляли, там, на улице, снаружи, — Аризона невольно остановился и перестал передавать коробки. За ним образовалась пробка из идущих с конца шеренги боксов.

Алекс-Москва вывел Аризону чуть поодаль от цепочки и стал расспрашивать дальше:

— И что?

— Люди, которые в вас стреляли, они из какой-то банды. Этот, — Аризона кивнул в сторону Водоканала, имея в виду Четвертого, — он военный. Он убил всех своих и заставил нас убивать друг друга. Он встречался с какой-то другой бандой. Я не знаю, что он говорил, но первая банда была недовольна недоверием с его стороны, и тогда он просто убил их главаря.

— Какие-то имена запомнил?

— Этот военный — его зовут Четвертый. А другая банда... Chemistry.

Алекс-Москва закивал:

— Химкинские? Химки?

— Yes! Кхимкинские! Эти, которые из первой банды, говорили, что он продаст их химкинс... Chemistry...

— Понял, не напрягайся. Сколько было людей в первой банде? Куда они дели остальной груз?

— Вы их всех убили на улице. Их было восемнадцать, может, кто еще и живой, но, по-моему, нет. Я не видел, куда он спрятал груз. Его не было почти двое суток. Мы пришли позже и вообще

ничего не знали о грузе. Когда он убил Гоблина, так звали главаря первой банды, нас увели и держали отдельно с Джу... с этой сукой.

— Ты видел Химкинских?

— Нет, я же сказал, мы были отдельно.

— Хорошо. Пошли работать, Аризона, нам далеко таскать.

Они вернулись в шеренгу и присоединились к остальным. Туман руководила операцией и давала всем отдохнуть каждые два часа. Иногда в этой муравьиной системе возникали заторы, но после шести часов работы люди приноровились и вошли в ритм. Каждый раз перед тем, как выстраивать новую цепочку, по округе отправлялась разведка. Отряд достаточно быстро перемещался обратно. На улицах, где велся бой, они тщательно обыскивали трупы и собрали все оружие и боеприпасы, которые все еще оставались самой надежной валютой. С некоторых тел снимали одежду и обувь. Алекс-Москва снял ПМ* и охотничий кизлярский нож с одного из гоблинских и передал Аризоне. Правда, на всякий случай вытащил обойму из патронника и пообещал отдать патроны позже.

Аризона с легким презрением посмотрел на это «чудо». Алекс-Москва, заметив это, сказал:

— Бери-бери. ПМ ценен тем, что ты всегда найдешь патроны к нему. Потом поучаствуешь в драчках, наберешь себе трофеев по душе.

Туман с ходу проявила себя как хороший организатор и управленец, командуя так, что люди двигались с оптимальной скоростью. Она не только раздавала команды, но и внимательно следила, чтобы они выполнялись. Это всегда отличало настоящих лидеров от псевдокомандиров-выскочек: люди молча выполняли приказанное. Было видно, что Туман заработала свой авторитет задолго до сегодняшних событий.

Это не удивляло Алекса, но выглядело несколько необычно. Молодая женщина, ловко управляющая выжившими отъявленными головорезами, жонглирующая разношерстными элементами шеренги, чтобы сложить по-своему мозаичный узор новой истории «монастыря», вызывала если не восхищение, то уважение. Алекс понимал, что их союз временный, каждый извлечет свою пользу. Но нужно было постараться, чтобы после всего у них сохранились дистанция и союзнические отношения, как с Монахом. Большое состояние, доставшееся им обоим, позволило бы Алексу расшириться. Он по-новому обустроил бы ДОМ — а, возможно, и два. Конечно, расширяться нужно было уже на другой территории: там, где стоял ДОМ Алекса, двигаться было уже некуда. А вот в соседнем районе он присмотрел одну заброшку, из которой можно было бы сделать конфетку. Опорный пункт, из которого можно совершать набеги без опасности подвергнуть разорению основной ДОМ. Безусловно, такой опорный пункт потребует содержания, но теперь Алекс был без пяти минут баснословно богатым обитателем этой проклятой и выжженной зоны. Оставалось только благополучно добраться до «монастыря» и ДОМа. Несмотря на кажущуюся медлительность системы, выстроенной Туман, отряд верно приближался к выходу из городка, где находился Водоканал. Когда они приблизились к скелетам в решетках, Алекс снова подумал о том, как метафорична эта картина.

Разрушенный город с высокими безлюдными башнями, казалось бы, равнодушно взирающими на окружающий мир черными глазницами пробоин и безжизненных окон. Но таили они в каждой такой глазнице смертельную опасность, риск нападения со стороны чужаков, и были символами возможных бед и неудач, подстерегающих человека в каждом его начинании. Никогда не знаешь, когда и откуда будет пущена стрела, поражающая или ранящая. Скелеты в клетках же символизировали «скелетов в шкафу», которые есть у каждого. И есть невидимая, метафизическая связь между «скелетами в шкафу» и бедами, которые могут обрушиться на

идущего по своему жизненному пути. Если путник желал добраться до конечной точки своего маршрута благополучно, то ему нужно было держать на привязи свои скелеты и не давать им волю. В ТОЙ жизни прятать их нужно было глубоко в душе, чтобы из окружающих никто ничего не увидел, так, чтобы не испугать того, кто рядом, не заставить отшатнуться. Теперь же никто не прятал свои скелеты, они были выставлены напоказ. Некоторые сами стали своими же скелетами, хотя, если задуматься основательно, то они никогда и не переставали ими быть.

В новом мире не возбранялось быть скелетом — в ЭТОМ мире не возбранялось ничего. В новом мире человек мог позволить абсолютную роскошь быть собой. Не эту ли свободу просили у Бога тысячелетиями, ни эту ли свободу добывали кровью революций, сжигая миллионы жертв в топках гражданских войн? Реальная цена за недостижимый, нереализуемый идеал. А если сложить все жертвы всех революций, то вполне вероятно подобраться к цифре в миллиард потерянных человеческих жизней. Вся история человеческого социума — это борьба за свободу. Но нужна ли была человеку эта свобода? Готов ли он к ней? Что она, эта свобода, для человека? Человек, отдающий свою душу в рабство любому, лишь бы избежать ответственности за свою судьбу? Люди вверяли свою судьбу старшему соплеменнику, религиозному жрецу, астрологу, князю, царям, королям, президентам, парламентариям, чиновникам. Затем вещам, предметам, технологиям, сети... Теперь место, где жил человек после Гнаб Гиба, было пустынным. Пустыня с расплзающейся тотальной свободой, отравляющей все живое своей фатальностью. Похоже, что человек всегда бежал от нее, как от обжигающей лавы, извергаемой жерлом воспаленного разума отдельных мечтателей. Химера, которой никогда не суждено догнать трусливо удирающего человека и которая за неимением другой пищи обречена вечно пожирать себя с хвоста. Человек, наблюдавший, как господствующая голова пожирает подчиненный хвост, никогда не признавался себе, что он не желает свободы, что испытывает к ней подсознательное непреодолимое отвращение. Этот великий самообман сдирал шкуру лжи и обнажал кости подсознательного желания быть ведомым. И именно этот скелет, надежно закованный в темных застенках человеческой души, был скрыт от внешнего мира. Об этом скелете люди предпочитали не говорить ни между собой, ни с самими собой.

— Скажи, американец, что для вас свобода? — Москва обратился к Аризоне во время очередного перерыва на отдых.

Аризона отвел от собеседника взгляд: он не хотел отвечать на эту провокацию. Свобода больше не нуждалась в определении.

Город заканчивался на окраине небольшими домишками. Стены и остатки заборов местами сохранили мерзейшие метки закладчиков наркоты, нанесенные баллончиками, и служили предъявленным и доказанным обвинением человечеству в праздности, гедонизме, извращенной перекормленности удовольствиями, в пустой растрате времени на все более неутолимое пресыщение. ТОТ человеческий мир определенно перестал быть достойным жизни. Он стремительно деградировал и с каждым днем неизбежно терял когда-то неотъемлемое могучее право на свое существование. Мир, в котором сам его «венеч» оскорблял свое великое предназначение был мертв. Человек прожигая себя в сатисфицирующих буднях, унижал и замутнял свое изначально кристальное достоинство в гонках тщеславия, зависимостей, алчности и зависти. В гонках, у которых не существует финишной черты.

Ветер веет с юга

Отряд возвращался налегке. Туман с Алексом припрятали груз на окраине рабочего поселка, когда-то заселенного персоналом машиностроительного завода, выставив часовых. С грузом остались Отец Сергей и уцелевшая из близняшек.

Алекс с Туман посчитали, что сначала стоит рассказать оставшимся на складах людям о смерти Монаха и только затем перенести туда акватабс. Туман предстояло утвердиться в своей новой роли, а люди могли восстать против новой власти. Было решено прийти без груза.

Туман подозревала, что ее могут ждать неприятные сюрпризы в «монастыре», но была уверена, что все девушки из борделя Монаха и оставшиеся мужчины покорятся ей, потому что она не видела ни одного человека, который был бы способен возглавить коммуны. Никого, кто мог бы сравниться с ней по харизме и интеллекту. Тех, кто попытался бы оспорить ее право владеть и управлять хозяйством Монаха, ожидала неминуемая жестокая гибель.

Она хорошо усвоила уроки прежнего «монарха» и знала, что ничто так быстро не возносит достойного и доброго человека на вершину социальной иерархии, как страх. Конечно, многие ее презирали и даже втайне ненавидели, но никто из них не решился бы противостоять ей в открытую. Они боялись ее, и этот страх нужно было подпитывать. Она уже представила и соткала план у себя в голове, как именно она убьет двух мужчин на общем собрании. Там будет объявлено о смерти Монаха. Найдутся ответственные за его гибель. Будут сакральные жертвы. Два Алекса, местный и американец, будут объявлены виновниками и приговорены. Они чужаки, так что любая искупительная ложь или полуправда будет принята за чистую монету населением «монастыря» без особых сомнений.

Управлять толпой Туман умела. Она предложит долю Алекса разделить на всех, потому что она и соврала перед погрузкой. Половина покажется весомей, чем треть или четверть, и толпа сама захочет разорвать Москву. Но Лилит не даст свершиться самосуду — она убьет его собственной рукой. Чтобы утвердиться в роли новой «Монахини» — а только так теперь ее будут называть ее подданные и все в округе — она проведет «правовую реформу». Раньше все держалось на грубой физической силе, беспрекословном подчинении и авторитарной жестокости Монаха. Теперь же можно было немного отпустить вожжи, и в этом ей поможет маленькая сексуальная революция. Лилит собиралась учредить что-то вроде временного института семьи. Сняв табу на любовь, она получила бы лояльность со стороны женщин и одобрение самых сильных мужчин. Женщин, потому что те получали свободу выбора. Мужчин, потому что те смогли бы обзавестись партнершами, и секс перестал бы быть потребностью, контролируемой свыше. Женщин и мужчин в «монастыре» было примерно поровну, так что недовольных будет мало. Она будет устраивать свадьбы и венчать пары. Лилит улыбалась, когда думала об этом.

Два Алекса и Кэт шли впереди. Люди устали и двигались молча. До «монастыря» оставалось совсем немного, так что они ощущали себя почти дома и расслабленно брели по пыльной асфальтовой дороге. Бойцы были в приподнятом настроении, несмотря на физически тяжелую работу, которую им пришлось проделывать в последние сутки. Внезапно отряд остановился. Они не могли приблизиться к «монастырю»: с той стороны кто-то явно, огнем демонстрировал нежелание принимать отряд обратно. В четырехстах метрах от первого блокпоста их вновь начали обстреливать. Били кучно, из СВД*, и пока они недоумевали, что происходит, и пытались сориентироваться, пули свистели одна за другой, и четверых бойцов ранило точными выстрелами. Отряд начал разбегаться.

Когда работает снайпер, люди начинают поддаваться стадному инстинкту и бегут к ближайшему укрытию, несмотря на очевидное: не все смогут за ним нормально спрятаться. По направлению и характеру ран на людях стало возможно примерно определить, откуда стреляют. Их били со стороны складов.

Хороший снайпер рассчитывал траекторию и устраивал маленький спектакль, огнем направляя толпу к укрытию или отгоняя от него. Паника и стремление бежать туда же, куда и все, стрелку всегда играют на руку — ему легче выбирать жертву в толпе. Человек восемь кинулись к ближайшему поваленному дереву, сталкиваясь и пытаясь опередить друг друга. Алекс и Кэт рванули зигзагами в противоположную сторону: до ближайшего здания бежать было метров двадцать по открытой местности. Снайпер вел огонь по скоплению бывших бойцов Монаха, за несколько секунд снял еще двоих, так что отряд потерял уже шесть человек. Алекс не особо вглядывался в окружающих, но Туман нигде не было видно.

Они с Кэт прыгнули и залегли за ложбиной у края кладбища, примыкающего к разрушенному южному кварталу Имбицилланда.

— Что за хрень?! Можешь увидеть, кто по нам мочит, Кэт?

Кэт прильнула к прицелу своей «свечки».

— Похоже, у них хороший снайпер. По-моему, у Монаха был всего один снайпер, Джубой звали.

Кэт осторожно прильнула к окуляру своего прицела.

— Далеко очень. Вообще не вижу, откуда стреляют, мне кажется, он мочит просто по толпе, не целясь. Где Лилит? Она бы сказала, какая из точек «монастыря» самая удобная для стрельбы на такое расстояние.

— Наоборот, нужно искать такую позицию, которую никто не знает. Он же по своим лупит, ему не нужно, чтобы его засекли.

Кэт не чувствовала страха. Наоборот, некий азарт вперемешку с вдохновением воина. Это как во время болезни: ты не ощущаешь вкус, ешь, но твои рецепторы просто сообщают мозгу, что во рту еда. Вот и сейчас Кэт знала, что смерть снова рядом, но испытывала лишь знакомое учащенное биение сердца, возросшую остроту слуха и зрения.

Стрельба на короткое время прекратилась. Из-за поваленного ствола быстро вскочила на ноги худая грузинка и, пригибаясь к земле, спешно засеменила в сторону Алекса и Кэт. Алекс-Москва гневно замахал рукой, указывая девушке, чтобы она бежала в другую сторону: он не хотел, чтобы снайпер раскрыл их укрытие в ложбине. Но та не обращала внимания на жестикуляцию и нацеленный в ее сторону ствол Алекса и, приближаясь с широко раскрытыми карими глазами, совершенно не намеревалась сворачивать. Ею двигало желание что-то им сказать. Когда до Кэт с Алексом оставалось метра три, она попробовала выкрикнуть на бегу, сквозь одышку:

— Она... Ли..

Два выстрела прервали ее бег. Первая пуля, попавшая то ли в поясницу, то ли в задницу, заставила ее вскрикнуть, остановиться и разогнуться в полный рост. Лицо исказила гримаса боли, а глаза закрылись, и из них брызнули слезы. Вторая разорвала ее череп. Падая, уже мертвое тело окропило лицо Кэт густыми, теплыми, крупными брызгами. Нога грузинки продолжала дергаться уже после того, как она споткнулась, и ее тело, ведомое угасающей инерцией, рухнуло между Кэт и Алексом. Вся голова, лицо и правое плечо Кэт запачкались горячей кровью, плотью и мозгами. Модерновый узор брызгов на ее лице мириадам мелких точек раскрасил боевой камуфляж

темно-красным, почти бордовым цветом. Одна капелька крови у уголка правого века Кэт начала стекать, напоминая кровавую слезу.

Только сейчас Кэт поняла, что они лежали на могильных плитах. За кладбищем давно никто не ухаживал, и надгробия скрывались под слоями зарослей травы и опавших листьев. Кровь продолжала течь из мертвого тела и медленно заполнять буквы и цифры, высеченные на черной гранитной плите. Глянец крови с глянцем камня. Счастлив ли был тот, кто лежал под ним? Кэт прочла: Г. Габуня. И здесь Г.Г. «Голова, грузин, гордыня, грузинка, горб, габала, гранит» и почему-то «грабли» — бесполезной цепочкой в уме промелькнули слова.

Алекс посмотрел сначала на винтовку Кэт, на которую тоже попала кровь, а затем девушке в глаза. «Кровь, сплошная кровь. Земля превратилась в ненасытного вампира, требующего и получающего свою дань от нас до последней капли».

— Что она кричала? Кто стрелял? Ты слышала выстрел? Это же не снайпер... — Москва обратился к своей напарнице.

Кэт кивнула в знак согласия и снова прильнула к прицелу. На этот раз она шарила взглядом по окрестным руинам, пытаясь понять, откуда сделали последние два выстрела.

— Она, по-моему, пыталась что-то про Лилит сказать...

— Да, я тоже так услышал, — Алекс попробовал осмотреться. — Не вижу эту гадюку. Ее нет уже минут пятнадцать. Стреляли где-то здесь, рядом... кто-то свой эту грохнул, — Алекс-Москва указал кивком на лежащее рядом тело.

Он немного высунулся из-за края ложбины и поискал глазами того, кто мог это сделать. Через секунду он уперся взглядом в зрачки Аризоны. Еще не осела пыль, поднятая ботинками грузинки и колеблющаяся над землей, и сквозь прозрачное серо-бежевое облачко Алекс-Москва увидел неподдельное удивление в глазах американца. Тот лежал напротив, метрах в пятнадцати, на полу салона сожженного авто без дверей.

«Ну чё, американец? Ты начинаешь понимать, в какой зоопарк приехал? Ноу фройндшафт, у нас тут быдлошафт! Свои же могут тут раз, бух и мозги твои на свободу выпустить. Причем сдохнуть можно от руки самого наимерзейшего, наиуродливого козла. Кто стрелял? Покажи мне, май френд!».

Казалось, что Аризона читал мысли Москвы, слышал и понимал каждое слово. Он показал глазами на группу бойцов, спрятавшихся за поваленным стволом. Никто не смотрел в сторону Алекса и Кэт. Любой из них мог выстрелить в грузинку.

— Э, алле! Кто стрелял? Вы что, охренели?

Алекс приподнял голову чуть выше. В десяти сантиметрах с визгом отрикошетила пуля. Теперь уже бил снайпер. Вряд ли на таком расстоянии стрелку было видно, в кого он стреляет, он просто реагировал на движение. Нужно было менять позицию, и быстро. Алекс-Москва толкнул Кэт в плечо и перекатился левее, за большой ежевичный куст, скрывавший некогда богатую могилу с высоким и широким гранитным монументом. Кэт быстро переместилась вслед, и они теперь были недоступны для СВД из «монастыря». Он оторвал две спелые ягодки, одну предложил ей, вторую закинул себе в рот, раздавил языком поспевший и сочный плод, посмаковал, разжевал и проглотил.

Место, откуда стреляли в грузинку, было в тылу у Алекса и Кэт, сзади и справа. Снайпер же бил со складов Монаха по левую руку. На смену вкусу ягоды пришла горечь во рту от вчерашнего ужина,

вызвала досаду. «Какую гадость мы жрем, а ведь мы теперь богатые люди». Алекс делано сплюнул.

— Что, невкусно? — Кэт с удивлением посмотрела на Алекса

— Да не, нормально, я за ситуацию сплюнул.

Кэт из недр своей разгрузки* достала белый платочек и наскоро обтерла свое лицо, пользуясь клинком мачете как зеркальцем. Всю кровь очистить с лица не удалось — та уже запеклась.

Для того, кто завалил Мгелику (так звали грузинку), Алекс и Кэт были как на ладони. «Вот это ребус. Если хотели нас с Кэт успокоить, лучше позиции и момента было не найти. Почему не стреляли в нас?». Алекс-Москва прильнул спиной к спине Кэт и направил ствол в сторону поваленного дерева и притаившейся за ним группы.

— Повторяю вопрос: кто стрелял в человека? Кто шмальнул нашу генацвале? Девчонку кто убил?

Он передернул затвор и не прицельно выпустил короткую очередь поверх голов:

— Суки! Я вас всех по одному сейчас положу!

Он кричал так, что голос его эхом отдавался в подъездах и помещениях ближайших развалин. В их с Кэт сторону ошестинились два ствола. «Ага, понятно, два воробуша, остальные конфликтовать не желают. Это уже очень хорошо. Звездорасы лохматые!». Алекс понимал, что в случае неповиновения отряда им с Кэт придется туго. Они были чужими, и у «монахов» не было ни одного мотива подчиняться им или оставлять в живых. Скорее наоборот. Но это никак не повлияло на почти безразличное выражение лица Алекса. Кэт позвоночником ощущала хладнокровие Алекса. Он умел накрывать спокойствием всех вокруг, как зонтиком от дождя. В критических ситуациях Алекс был непрошибаем. Это была его стихия. Она давно признала для себя факт, что масштаб личности определяется величиной проблемы, способной вывести человека из равновесия. «Я бы тебя сейчас расцеловала, Алекс. Я люблю не твою противную рожу, я люблю твое мужское нутро. Оно настоящее».

— На счет «три» бежишь со всех ног к авто, в котором лежит Аризона, — тихо сказал ей Москва.

В авто они были уязвимы для пуль снайпера, но это была удобная позиция для контроля остатка отряда «монахов», с которым они успели многое пережить за несколько последних суток. «Где же эта Туман? Тут не все чисто, точнее, все очевидно — она пытается меня кинуть!», — успел подумать Алекс.

На счет три Кэт побежала, Москва прикрывал ее короткими очередями. На ум пришел похабный есенинский стишок:

Ветер веет с юга

И луна взошла (три выстрела: та-та-та)

Что же ты, бл**юга,

Ночью не пришла? (еще короткую по поваленному дереву: та-та)

Не пришла ты ночью,

Не явилась днем. (одиночный: та!)

Думаешь, мы д**чим?

Нет! Других е**м! (две короткие: та-та, та-та, и еще две по два).

Кэт благополучно добралась до остова машины, в котором прятался Аризона. Алекс выдохнул: «Есть еще полмагазина. О чем я думал? Туман, Туман, ты дурочка, не осилишь ты одна. Не потянешь ни меня, ни груз».

Снайпер пока молчал. Плохой признак — значит, выцеливает. Алекс отполз по ложбине метров восемь от ежевичного куста. Четыреста метров — очень большая дистанция, из обычной СВД трудно попасть в стоячую мишень, в движущуюся тем более. Даже десять метров имеют значение. Для неподвижной мишени нужно знать математику и хорошо складывать. Для подвижной, кроме математики, нужно знать физику и психологию.

Кэт взмахнула пистолетом, дав сигнал, и Алекс вскочил, побежал, выписывая кренделями свою траекторию. Это всегда рулетка — может повезти стрелку, а может бегуну. Пока везло Алексу. На самом старте снайпер не торопился, всего два выстрела дал с промежутком в секунду. И оба промазал. Алекс угадал, что снайпер поджидает, когда его цель приблизится к кузову. Снайпер разгадал, куда бежал Алекс, и перевел прицел почти на сам кузов. Москва чувствовал, как напряжение его нервов возрастает с каждым сантиметром, приближающим его к укрытию. Он уже бежал в полный рост — на таком расстоянии это не имело значения. Это была самая настоящая шахматная партия, и Алекс сделал свой ход, побежав.

Кто-то пытался высунуться из-за ствола поваленного дерева, но Кэт загнала их выстрелами обратно:

— Сидите там, под лавкой, целее будете!

Москве нужно было добежать всего метра три, когда он буквально почувствовал последний выстрел снайпера. Он не слышал выстрела, не видел его вспышки, но знал, что враг уже нажал на спусковой крючок. Во время бега кисти до боли обхватили автомат, костяшки белые, рот широко раскрыт. «Проскочить бы!», — мелькнула мысль. Алекса обожгло, перед глазами все поплыло, и дальше он не бежал — уже летел. Алекс-Москва свалился как подкошенный за искореженным остовом авто, укрытием Кэт и Аризоны, упал на землю и больше не двигался.

Кинь первым камнем в ближнего своего, пока он не сделал это

Лилит с четырьмя бойцами быстро приближалась к бывшему зданию котельной, в котором они спрятали общие запасы акватабса. Ее спутники перемещались по местности бегом, со стороны совсем не было заметно усталости. Каждый из четверых спутников Лилит так или иначе был обязан ей жизнью. Она их отобрала заранее, еще до начала похода, потому что это были те немногие люди, на которых она действительно могла положиться.

Где-то позади, в паре километров от них, были слышны выстрелы. Снайпер бил прицельно по оставшимся с Алексом людям. Лилит не сильно волновало то обстоятельство, что кто-то из отряда «монахов» может погибнуть. Нужно уметь жертвовать пешками в этой игре, нужно уметь жертвовать и рисковать, если хочешь жить.

Почти армейская дисциплина в «монастыре» подразумевала систему сигналов и оповещений. В случае благополучного возвращения в «монастырь» Лилит должна была издали, заблаговременно подать знак часовым — зеленую ракету. Она означала, что свои, ушедшие к Водоканалу, вернулись и опасности нет. В любом другом случае бойцы, стоящие «на стреме» в «монастыре», поднимали тревогу и занимали круговую оборону. Они должны были и на километр не подпускать никого к базе, даже своих. Разрешалось использовать любое оружие. Приказ могли отменить только Монах или Лилит лично.

Когда они с Монахом обсуждали возможные варианты окончания похода, Лилит сама выбрала здание котельной в качестве временного склада. Она и мрачный диктатор «монастыря» знали, что котельная связана подвалом с системой старых советских бомбоубежищ. Высокая кирпичная труба котельной служила прекрасным пунктом наблюдения. Здание имело узкие оконца, в которые невозможно было проникнуть при штурме. Заходить в котельную нужно было через систему подземных лазов, вентиляцию или въездные ворота. Ворота они забаррикадировали с обеих сторон. Снаружи сорок человек подкатили огромный заброшенный автокран, вросший спущенными колесами в землю от долгого стояния. Ворота котельной открывались только наружу, и после того, как эту махину подкатили, заблокировав выход, с нее сняли колеса на дисках и сожгли. Оттащить этого исполина без спецтехники стало невозможно. Вентиляцию заминировали, причем обезвредить заряды можно было только изнутри.

Отца Сергея и оставшуюся в живых близняшку, вызвавшихся охранять спрятанный груз, оставили в котельной, снабдили дополнительным боекомплектом, едой и обещали прийти сменить их не позже, чем через неделю. Лилит говорила о смене для отвода глаз, хотя припрятать груз она считала совершенно логичным. Ей нужно было ввести в заблуждение Алекса.

Семь человек — Лилит, сопровождающие ее бойцы и часовые, Отец Сергей и близняшка — должны были быстро перепрятать груз. Таков был план. Пока они перетаскивали бы коробки, снайпер из «монастыря» и бойцы из отряда должны были удерживать Алекса на кладбище на окраине Имбицилленда. Лилит все просчитала, и события развивались как по писаному. Никаких случайностей. Она слишком долго мечтала встать во главе «монастыря», чтобы дать случаю разрушить ее жизнь и амбиции. Она слишком долго готовилась.

Да, ей не удалось убрать с дороги Кэт, но так даже лучше: это внесло дополнительную интригу и отвлекло Алекса. Все это сыграло ей на руку. Она перетянет Кэт на свою сторону, а если не удастся, то просто убьет. «Нет, Кэт, никакой жалости я к тебе не испытываю. Да, ты тоже женщина, но тем хуже для тебя. Не стой у меня на пути!», — Туман мысленно разговаривала с Кэт. — «Вообще у нас какая-то странная связь образовалась, вроде как я привыкла к тебе, почему — не знаю. У меня таких, как ты, полный бордель в подчинении. И тебя я тоже туда отправлю. Обломаю зубки твои острые, сточу».

Они приблизились к зданию котельной, и Лилит подала условный сигнал. Ответа не последовало. Оставшаяся в живых Инга не могла не ответить: она должна была находиться на позиции на трубе. Но ее там не было. «Странно, очень странно. Мы ушли час назад. Я знаю, она не свалила бы с поста, да и Отец Сергей тоже очень надежный мужик без всяких сквозняков в голове». Лилит всмотрелась в проемы окон. Тишина, никого. Ребенок, может быть, и влез бы в проем, но взрослый человек — никак.

Лилит подала условный знак повторно. Никакой реакции. Вокруг было очень тихо. Ни души, будто все вымерло. Она вышла из укрытия и стала обходить здание кругом.

— Господи, нет! — воскликнула она, когда, подойдя с западной стороны, увидела на плоской крыше котельной стоящих на коленях Отца Сергея и Ингу. Они расположились в метре напротив друг друга, и было похоже, что Инга собирается совершить сэппуку. Ее живот был оголен. Она

приставила лезвие своего клинка к левому боку, держа его двумя руками за рукоять. Острие уже слегка проткнуло тонкую кожу.

— Что вы делаете?! Вы очумели?! Немедленно остановитесь! Вы в своем уме? Инга, стой, давай поговорим! — Лилит металась у стен, но ничего не могла поделать. — Да что за хрень?!

Прекратите! Отец Сергей, останови ее, я прошу!

Бывший охранник Монаха и близняшка невозмутимо смотрели друг другу в глаза и не обращали на подошедших никакого внимания. К этому времени остальные вышли из своих укрытий и молча смотрели на людей на крыше.

— Я сейчас начну в вас стрелять! Тормозите!

— Замолчи, Лилит, ты не можешь нас остановить, — не поворачивая головы, Отец Сергей сделал предупредительное движение открытой ладонью. Своей рукой, направленной в сторону Лилит и тех, кто находился внизу, он требовал замереть. — Но ты можешь помешать нам уйти из этого мира и спокойно встретиться в новых мирах. В новой гармонии.

— Вы что, наркоты нашли?! Какие миры, какая гармония!

Отец Сергей убрал руку на бедро. Он едва заметно кивнул Инге, продолжая смотреть ей в глаза. Необъяснимый свет, нежность и тепло источали взгляды этих двоих, когда они смотрели друг на друга. Грудь Инги высоко поднималась и опускалась от частого и глубокого дыхания. Она кивнула ему в ответ. Медленно введя лезвие в левый бок, она обронила слезу. Ей было больно, но она превозмогла себя. Секунд через пять ее губы задрожали, и она сильным рывком вспорола себе мышцы, дернув острый клинок вправо.

Лилит присела, почти упав на траву, на задницу. Она обхватила лицо ладонями и не верила в реальность происходящего. Мурашки пробежали по ее телу, когда она увидела, что Отец Сергей быстрым движением клинка перерезал сонную артерию сначала справа, потом так же быстро слева. Два мощных фонтана метра на два выплеснули кровь из поврежденной шеи девушки. Она упала вперед, и Отец Сергей, подхватив ее, уложил тело на бок, а голову бережно убаюкал на своих коленях.

Ее глаза были открыты и смотрели в суровое, серое, безучастное небо. Грудь, брюки, руки и лицо Отца Сергея были покрыты кровью, только белые зрачки контрастировали с красным. Это было невыносимо печальное зрелище: белые зрачки как эмблемы любви. Тело Инги задрожало в последний раз и затихло.

— Зачем, зачем? — шептала Лилит.

— Вам не понять, каково это — потерять любимого человека. Вы запретили себе и другим любить. А мы с Ингой и Ириной дали слово, поклялись уйти только вместе. Вместе с первым из нас троих ушедшим.

Отец Сергей поднял правую руку Инги и показал, что на ее мизинце не было фаланги. Потом, раскрыв ладонь, показал свой правый мизинец, где тоже отсутствовала та же фаланга. Лилит вспомнила, что у обеих сестер были такие мизинцы. Хотя сестры это тщательно скрывали и многие об этом не знали, Лилит, будучи хозяйкой борделя, заметила, но никогда не спрашивала у них. Женщины не любят говорить о своих увечьях, мало ли какие в какие переплеты они попадали. Теперь еще и у Сергея было то же самое.

— Что за хрень?! — Она вспомнила какую-то японскую тему с мизинцами. То ли якудза отрезали их провинившимся, то ли так клялись в верности и любви... — Отец Сергей, при чем тут ты, при

чем тут мизинцы! Что это сейчас было? Любите себе на здоровье, мне жалко, что ли?! — Лилит разрыдалась: она не ожидала от себя такой реакции.

— Мы хотели уйти с Ингой ночью, подальше от людей. Найти свое последнее пристанище где-нибудь в храме, на развалинах. Мы любили друг друга вдвоем и не можем друг без друга. Я и две мои девочки. Я прощаю тебя, Лилит. Помнишь, ты пыталась всеми силами оставить их в борделе, когда я перетягивал их в гвардию к Монаху? Ты теперь знаешь, почему я это делал. Я люблю их обеих. Они для меня одно целое. Мы одно целое. Мы не делили друг друга. Ты не можешь запретить нам любить друг друга, и я ждал ждал этого часа, чтобы сказать вслух, что я люблю их обеих.

Мы давно вместе. Есть такой японский обычай «синдзю», когда влюбленные добровольно уходят из жизни, когда не могут больше выносить давление и запреты общества. Двойное самоубийство, когда они говорят друг другу, что любовь выше жизни. Любовь важнее жизни. У нас «тройное синдзю»: мы поняли, что настолько любим друг друга, что, если один умрет, двое оставшихся не видят смысла жить дальше без умершего. Так мы побеждаем смерть, она уходит на второй план. Любовь побеждает.

На этих словах он улыбнулся, приложил дуло пистолета к виску и выстрелил. Все произошло очень быстро. Еще один фонтан крови, и люди замерли. Тяжелое молчание нависло над небольшой группой. Шок от увиденного не оставлял их еще несколько минут.

— Черт, черт, черт, что за гребаная жизнь! — Лилит била себя по голове кулаками. — Не хочу! Ненавижу эту жизнь! — Она встала и, рыдая, ушла в сторону лесополосы. — Не ходите за мной! Ждите! Я вернусь.

Ей нужно было взять себя в руки. Она не могла показаться зареванной девчушкой в глазах тех, на кого она рассчитывала. В конце концов у нее есть цель — груз. «Обойдемся без этих...». Она не могла подобрать им эпитета. Все-таки увиденное произвело на нее сильное впечатление. Она даже не подозревала, что в недрах «монастыря» мог цвести такой трилистник. Как она могла не заметить этот любовный треугольник со знаком плюс? «...без этих любовничков».

Сердце ее сжалось от жалости. Но это была жалость к самой себе. «Они действительно любили друг друга, эти трое. Любили больше жизни. Иначе как объяснить это хлебное синзю, или как там его?».

А ее, Лилит, никто не любил, никогда. Ею все только пользовались. Точнее, когда-то очень давно, в ТОЙ жизни, в школе, в старших классах, ее любил мальчик. «Где ты, мой милый Дафнис? Твоя Хлоя горько плачет и скучает по тебе. Как же я была права, когда упорхнула от тебя к первому попавшемуся, посулившему мне богатую жизнь. Преглупо повелась на пустые обещания, вообразила себя в магическом загсе, а сразу после — царицей в золоте и соболях. А он, этот скот, трахнул и посмеялся надо мной».

Эта история повторялась несколько раз, пока Лилит не поняла, что нужно брать предоплату. Машинами, поездками, украшениями. Желающих было хоть отбавляй. Фигура безупречна. Белая кость, стать, достоинство. Нежная, вылепленная тысячами часов тренировок, осанка — линия позвоночника вырастала из округлых красивых ягодичек, красивый рельефный закачанный животик. Небольшая, скорее средняя, грудь с высокими сосками. Она гордилась ей: никаких операций, все сама, все через физуху, уход и питание. Скульптурные бедра и красивые рельефные икры: чистая Древняя Греция, никаких походов в музеи не нужно, бери и любуйся. Она не была проституткой: большинство смазливеньких девчонок поступали так же и не видели в этом ничего предосудительного. Они не продавали тело — это другое: они продавали свою душу, сами того не зная.

Мужчин у нее было много, точно пара сотен, а может быть, и больше. Ее это устраивало. Если было нужно давать обещания, она так же легко их раздавала, как и потом отказывалась от них. Ей не нужна была семья. «Мне 30, я не замужем, у меня нет детей — и это совершенно нормально». Она видела укор, всегда молчаливый, в глазах отчима, который ее воспитал. Отчим так и не смог стать ей отцом. Они жили параллельными жизнями рядом в одной квартире, у него были свои отношения с ее матерью, у нее свои. Он никогда ее не бил, не приставал, не унижал, просто смирился с ее существованием рядом. Как и она.

Они здоровались, формально интересовались делами друг друга, и на этом общение заканчивалось. В 17 лет закончив школу, она умчалась жить к своему очередному «принцу», поступив на заочное в Московский пищевой. Принцы сменялись с завидным постоянством, один за другим, и к двадцати годам она перестала их знакомить со своей семьей. Аркаша (так звали отчима) после третьего или четвертого перестал спрашивать: «Как там этот твой..», потому что не знал имен текущих партнеров. Он просто интересовался, как ее дела на учебе и на работе. Мать пыталась вести разговоры о замужестве и серьезных отношениях, но Лилит старалась избегать этой темы любыми способами. Скоро все разговоры превратились в тихое недовольное ворчание. Лилит была молода и пыталась брать от жизни все, что могла.

Мать забрали в первую волну вируса в гостинице в Италии, куда они с Аркашей ринулись по дешевке в конце февраля того злополучного года. Она пролежала в коридоре девять суток и на десятые умерла. Аркаше не давали ее навещать и даже не дали присутствовать на похоронах. Тело кремировали, урну обещали выдать позже, после окончания пандемии, выдали справку и отправили в посольство. Он тщетно пытался пробиться к консульским, но сотни таких же, как он, бедолаг были оставлены властями своей страны на произвол судьбы. Рейсы должны были вот-вот прекратиться, и Аркаша улетел обратно в Москву без урны.

Лилит кричала ему в трубку, что он подонок и чтобы он не смел больше ей звонить и искать сочувствия, раз бросил прах ее матери в чужой стране. Она выплеснула на него в том разговоре все упреки, обвинения и оскорбления, которые накопились у нее за годы, что она прожила без родного отца, которого никогда не знала. Аркаша при всем своем к ней безразличии не заслуживал этой тирады и проклятий. Он хоть и был безучастен к жизни Лилит, но о ее матери заботился и любил ее. Не его вина, что отец Лилит разбился насмерть в пьяной автокатастрофе, когда девочке было четыре года. Люди говорили: слава Богу, что жену с малолетней дочкой в тот несчастный день с собой не посадил в машину.

Аркаша заболел через две недели, полежал на ИВЛ в Сеченовке еще три и умер в одиночестве. Лилит больше ему никогда не звонила. Она так и не узнала, что, не найдя в телефоне номеров близких, хоронили его за счет государства в номерной могиле на дальнем подмосковном кладбище. Она была уверена, что потом, когда все закончится, она слетает в Италию за урной с прахом матери. Уйдя от своих людей в лес и видя перед глазами последние минуты жизни Отца Сергия, она впервые за много лет вспомнила о матери и о том, что урна осталась стоять невостребованной, забытой в крематории итальянской Пьяченцы.

Потом перед глазами поплыли черные дни, заполненные паникой, мародерством, убийствами и грабежами после последней волны пандемии. Связи и электричества не было, в больших городах царил полный хаос. Ее трижды ограбили и изнасиловали за один день в ее съемной квартирке в Крылатском. Мародеры шли по подъездам и квартирам волнами, группами по десять-пятнадцать человек. Она закрыла все засовы и замки на двери, которая выдержала многочисленные удары. Грохот в ее дверь очень пугал Лилит. С каждым ударом повышающийся адреналин учащал пульс, она чувствовала, как обмякают ноги, а сердце бешено колотится. Кто-то снаружи пытался выбить дверь и проникнуть в квартиру. Вне себя от страха, раскачиваясь и едва дыша, она добралась до

кухни, взяла два первых попавшихся ножа и спряталась в платяном шкафу, выставив их перед собою.

Первые трое в шапках, масках и плавательных очках проникли к ней с соседского балкона. Разбив стеклопакет и перемахнув через общую с соседями перегородку, они быстро выломали пластиковую балконную дверь и разбрелись по квартире в поисках ценностей. Лилит нашла минут через пять. Они не ожидали застать ее в квартире. Один из них резко открыл дверцы шкафа и увидел трясущуюся от страха девушку. Он приспустил медицинскую маску на подбородок и мягко улыбнулся ей:

— Тише, тише, тише, опусти ножи, — сказал он ей почти шепотом. — Мы не сделаем тебе ничего плохого. Все в порядке, мы ошиблись квартирой. Мы сейчас уйдем.

Он заглядывал ей в глаза, пытаясь вызвать доверие, и продолжал улыбаться.

— Давай, отложи ножи в сторону и выходи, не бойся, — он протянул ей руку.

— Правда? — Она посмотрела на него с нерешительной надеждой.

— Конечно, правда.... Ну... — ответил он снова шепотом как можно ласковее, продолжая держать вытянутую руку.

Она опустила ножи на дно шкафа и, опираясь на руки, наклонилась вперед, чтобы встать. Лилит на мгновение потеряла из виду человека, стоящего перед ней, и этого мгновения было достаточно, чтобы улыбка сошла с его губ и он схватил ее за хвост на голове. Вытащив ее за волосы из укрытия на свет и прижав ее голову к полу, он, улюлюкая, поделился с подельниками «добычей»:

— Мужики, лянь! Лянь, какую шкуру опять нашел! — Лицо его отражало животную радость. — Повелась так же, как та дура вчера.

Он закатился долгим мерзейшим хохотом, свойственным маргинальным кругам зырянских поселков, населенных большей частью уголовниками. Двое неторопливо вошли в комнату. Один из них присвистнул:

— Хороша Маша! — поцокивая языком, обратился он к остальным, а затем прикрикнул на Лилит так, что та вздрогнула: — Серьги снимай!

Лилит засуетилась, ей было неудобно снимать сережки, будучи прижатой щекой к полу. Один из них, не дожидаясь, пока она справится, взял в руки ножи, которыми она так не смогла воспользоваться. Настоящие отморозки. Он распорол ее одежду и начал насиловать. Они надругались над ней прямо на полу, по очереди: пока двое держали ее за руки и за волосы, третий измывался над ее телом. Она не могла сопротивляться, потому что это были здоровые спортивные ублюдки и силы были слишком неравны. Она пыталась кричать и звать на помощь, но ее заставили замолчать, били по лицу, душили и наступали ботинками на предплечья. Каждая новая волна криков и рыданий вызывала еще большую агрессию. В конце концов она стала плакать и сносить все побои и унижения молча. Эта ужасная картина, развернувшаяся в квартире Лилит, продолжалась целый час и прекратилась, когда с улицы послышалась стрельба. Один из насильников, первым закончивший свое дело, метнулся и выглянул в окно:

— Пацаны, там, по ходу, нашего Сеню вальнули. Айда! Сейчас там заваруха начнется! Выходим!

Захватив полиэтиленовый пакет, заполненный украшениями, уже бесполезными карточками, мобильниками и небольшой суммой наличных, он направился к входной двери. Последний, закончивший с ней совсем недавно, застегивал пуговицы на брюках. Она увидела татуировку футбольного клуба на тыльной стороне его ладони. Ее быстрый взгляд на тату не прошел мимо его

внимания: он замер, посмотрел ей в глаза, подошел и наотмашь ударил ее по лицу так, что голова резко откинулась влево от щеки.

— Скажешь кому-нибудь — я тебя, млядина, из-под земли найду и печень тебе вырежу, поняла?!
— крикнул он и плюнул ей в лицо. Она быстро закивала в ответ с наполненными страхом и слезами глазами.

Они ушли, оставив дверь открытой. Лилит осталась лежать на полу, чувствуя себя совершенно раздавленной и уже умершей. Липкая от пота, своего и их, со слезами вперемешку с кровью, потрясенная и оглушенная, она ненавидела их, весь этот мир, свое оскверненное тело. Она знала, что никто из них не ответит за свои преступления ни перед законом, ни кармически. Не перед кем было отвечать. Некому было спрашивать. Государство рухнуло на глазах, насилие и дикая жестокость захлестнули мир.

На лестничной клетке послышался топот. Она приподнялась на локтях и попробовала посмотреть, что там происходит в подъезде. Оттуда неразборчиво доносились мужские голоса. Было слышно, что кто-то ворвался к пожилому соседу и требовал денег, что-то кричали, громыхали гулкие удары по дверному полотну — то ли кувалда, то ли сапоги. Избитое тело болело, руки и ноги сотрясала мелкая дрожь. Сквозняк от разбитых окон и балконной двери выворачивал занавески на улицу. Воздух из квартиры со свистом вырывался наружу, входная дверь с грохотом захлопнулась. Лилит поднялась и, шатаясь, направилась к ней, чтобы запереться. К своему ужасу, находясь в пяти шагах от входа, она увидела, как дверная ручка опускается вниз.

Дверь, захлопываясь, закрылась всего лишь на защелку, и ничто не мешало постороннему опустить ручку до конца, открыть дверь и войти. Лилит рванула со всех сил, но влетела носом в уже открывающуюся дверь. Сдерживая крик боли, она попыталась налечь на дверь всем своим весом, чтобы хотя бы накинуть цепочку, но тяжелый удар ногой в дверь снаружи отбросил ее назад. Она опрокинулась и больно ударилась головой. Падая, она влетела спиной в зеркало, и несколько осколков сильно рассекли ей кожу на спине. Ей повезло, что осколки не проникли глубоко, но они все равно оставят глубокие рубцы на ее теле. Несколько следующих секунд она пребывала как в тумане.

На пороге стояли двое. Эти были одеты по-другому, но, глядя на их расплывающиеся силуэты, она понимала, что это следующая партия мародеров, которые пришли за добычей. Они вошли, один из них прикрыл дверь. Лилит пыталась отползти в сторону ванной: она не знала, зачем, она все равно не смогла бы там укрыться, но инстинкт самосохранения толкал ее куда угодно, лишь бы подальше от этих недолждей. Тот, что стоял ближе, не сводя с нее глаз, медленно шагнул к ней, первым же движением схватил за щиколотки и с силой дернул на себя. Она пыталась брыкаться, отбиваться, но это больше походило на слабое дрыгание, нежели на серьезное сопротивление. Вторым рывком мародер кинул себе на правое плечо ее тело, как волк кидает себе на хребтину зарезанную овцу, и понес к кровати в спальню.

— Ты тут это... присмотришь пока. Будешь? — развернулся на пороге спальни тот, который нес Лилит, и показал указательным пальцем на ее обнаженное тело. Второй отрицательно покачал головой. Он был не против, чтобы его товарищ поразвлекся, но было видно, что ему неприятен вид порезов на спине девушки, и он поморщился.

На этот раз все прошло быстрее. Лилит ничего не чувствовала: мысли ее были далеко, глаза безразлично устремлены в потолок, и если бы не тело, полыхающее жаром, и дрожь, переходящая от бедер к выстукивающим зубам, можно было бы подумать, что она умерла. Тот, что отнес ее в спальню и бросил на кровать, пропыхтел на ней с четверть часа, а потом откинулся на бок. Немного молча полежав рядом с ней, рывком встал, быстро одевшись и выкурив сигарету, достал пистолет, сняв предохранитель, и передернул затвор. Лилит слышала холодный лязг

оружия, но не обратила на него никакого внимания. Ей было все равно. Она даже была бы рада, если бы ее мучения скоро прекратились. Она поняла, что ее хотят пристрелить.

Вдруг из прихожей раздался истошно скандальный женский крик: это шестидесятилетняя соседка тетя Варя, жена дяди Валеры, пенсионера, живущего напротив квартиры Лилит. После того, как в подъезде все утихло, а стрельба на улице отдалась, она ходила по разгромленным соседским квартирам, пытаясь выяснить масштабы бедствия и понять, есть ли среди соседей серьезно пострадавшие. Она увидела незнакомца в квартире Лилит, клочья разодранной одежды на полу, перевернутую мебель, следы крови, и пронзительно завопила:

— Кровопийцы! Что вы сделали! Оставьте в покое девчонку! Ироды!

Тот, который был в спальне, распахнул дверь, чтобы увидеть, кто шумит. Лилит, обессиленно лежащая на своей постели, встретила с тетей Варей взглядом.

— Ну-ка отпусти ее, гад, негодяй, подонок! Дай мне пройти к ней, а то я не знаю... — Она пыталась на пороге оттолкнуть мужчину с пистолетом. Это была ошибка. Он отрешенно направил ствол ей в голову и убил в упор. Тело пенсионерки рухнуло, посмертные рефлексы выгнули ее спину дугой, растопырили пальцы на руках и ногах. Глаза остались открытыми и быстро стекленели.

Не оглядываясь на труп пенсионерки и не глядя на Лилит, мародерствующий убийца пошел к выходу, увлекая за собой второго грабителя, наблюдавшего все это с пуфика в прихожей. Добычи особой они не собрали, прихватили только шубку, про которую забыли первые.

Когда они ушли, Лилит закрыла лицо подушкой и неистово замолотила по ней кулаками. Сил рыдать не осталось, она едва могла дышать. Тело горело и ломило, было ощущение, что кто-то выкручивает все суставы..

— За что? За что все это нам? Не понимаю, неужели все это и вправду со мной...

Она выла в голос, пока не охрипла. Темнело. Сил встать у нее не было. В квартире стало темно и холодно.

В третий раз она уже не пыталась сопротивляться. Сосед, дядя Валера, зашел в квартиру Лилит через час. Он светил фонариком: наверное, искал жену, но, обнаружив ее на полу, просто перешагнул через тело и пошел шарить по шкафчикам на кухне. Найдя нераспечатанную пачку хорошего английского чая, привезенного из Лондона, взял его, развернулся и пошел в сторону спальни, где лежала Лилит, наблюдавшая за ним из темноты. Не отойдя еще от пережитого шока, она не очень понимала, что ищет сосед в ее квартире, почему он перешагнул через тетю Варю и понял ли он вообще, что в прихожей лежало тело его жены. Луч фонаря еще раз черкнул по труп пенсионерки на полу, а затем направился в сторону спальни. Неожиданно для себя дядя Валера выхватил из темноты ничем не прикрытую наготу девушки. Он медленно подошел, потрогал ее едва теплое тело. Казалось бы, он пришел помочь, проявить заботу и сочувствие, но, не встретив никакого сопротивления, он отложил на кровать дорогой чай и надругался над ней, как и те мародеры. Все это время она, сжав зубы, смотрела на отложенную пачку. Потом он кончил, встал, натянул брюки, забрал чай и ушел.

Она не помнила, сколько так пролежала — наверное, целую вечность. Первые мародеры завалили в обед, и весь этот кошмар длился несколько часов. Через какое-то время она все же нашла в себе силы встать. На кухне оставались две полные пятилитровые бутылки питьевой воды. Она медленно отмыла себя холодной водой, оделась в теплое, собрала самые необходимые вещи в рюкзак. Взяла один из давешних хлебных ножей. Вытащила связку ключей из кармана халата тети Вари. Посидела у себя на кухне, смотря в одну точку. Она успокоилась. Слезы кончились. Осталась холодная, как ночь вокруг, жажда мести.

Почти в полночь Лилит вышла из своего жилища, на ощупь открыла квартиру напротив, подкралась на цыпочках к спящему на спине дяде Валере и перерезала ему горло. После того, как конвульсии прекратились, она зашла на кухню и забрала свой чай. Пачка была нетронутой.

Когда она выходила из подъезда, из форточки квартиры дяди Валеры валил густой черный дым, а в окнах отражались отблески языков занимающегося пламени. Во дворе стояли машины с разбитыми стеклами, некоторые сгорели. Мусор больше недели не вывозили. И проходя мимо огромной горы накопившихся отходов, Лилит с омерзением выкинула туда пачку самого дорогого в Великобритании чая Golden Tips. Она с тех пор возненавидела любой чай и больше никогда его не пила. Она уходила в новый мир, в котором больше не было места жалости и любви.

Лилит стряхнула с себя воспоминания: она уже была в порядке. «Отец Сергей — идиот, но, в конце концов, это его дело, его выбор: жить или умереть», — она встала, чтобы вернуться к котельной. Она без пяти минут царица. — «Иди и возьми свое. Сейчас! Хватит себя казнить. Все, кто против тебя, живые или мертвые — они все еще пожалеют! А маму я привезу, как-нибудь привезу и похороню здесь».

Бочонок

Один из спутников Туман всегда был немногословен. Он был полноват, и в «монастыре» его прозвали Бочонком, хотя он был необычайно проворен и ловок для своей комплекции. Такие мужики иногда попадались в роликах Ютуба в довирусное время. Вопреки своей комплекции они могли достаточно пластично танцевать, да и вообще хорошо управлялись со своим телом.

Бочонок ни словом, ни делом никогда не давал Лилит усомниться в своем расположении и в верности. Несмотря на ужасную картину самоубийства Отца Сергея и Инги, он широко улыбался Лилит, когда увидел, что она вернулась из лесочка. Это была услужливая улыбка человека, находящегося ниже на социальной лестнице, демонстрирующая стопроцентную лояльность. У Лилит, как и у многих людей во власти, была одна слабость. Она была тщеславна. Ей нужны были внешние проявления раболепного подчинения людей, находящихся под нею, ниже на социальной лестнице. Она относилась к аристократии, остальных же считала плебеями.

Кроме прочего она считала себя магистром социального устройства и психологии толпы. Она выставляла себя женщиной, которую надобно как минимум уважать и всегда бояться. Но все же в глубине души она признавалась себе, что ее авторитет держался больше на силе Монаха, нежели на ее достижениях. Но она, как и тысячи спутниц сильных мира сего, спутниц постоянных или временных, считала себя вправе относиться к стоящим ниже с некоторым презрением. Высокомерие это держалось на ошибочном убеждении, что такие спутницы являются «шеей», которая «крутит» головой. Хотя в реальной жизни эти женщины редко бывают истинными «серыми кардинальшами», они, несомненно, поддерживают этот мифический образ столь долго, сколько могут.

Отчасти это всегда было лишь маской, которую надевают по мере необходимости, чтобы извлечь нарциссические дивиденды, ощущение собственной значимости и безопасности. В ТОЙ жизни

они считали себя настоящими знатоками и тонкими ценителями старых картин, ювелирных украшений, нарядов, изысканных блюд и вин, хотя по большому счету они оставались дилетантами. Маска помогала надувать не очень умных мужчин и женщин во все времена, в изобилии окружавших власть имущих. При этом такая история могла тиражироваться на всех этажах власти, передавая эстафетную палочку сверху вниз.

Бочонок вынес тысячу обид и оскорблений со стороны Лилит, но каждый раз неизменно улыбался ей при появлении, чтобы продемонстрировать свою преданность. Вот и сейчас он стоял, молча улыбаясь, опираясь спиной и согнутой правой ногой на восточную стену котельной.

— Что ты лыбишься, урод? Ты что, совсем не понимаешь, что тут произошло? — гневно бросила Бочонку Лилит, проходя мимо и не смотря на него.

— Лилит, я рад, что ты вернулась целая и невредимая. Мы уж начали переживать, тебя долго не было. А там все еще стреляют, — он неопределенно махнул в направлении «монастыря» и Имбицилленда, откуда время от времени доносились отдаленные хлопки выстрелов. — Пока тебя не было, мы залезли наверх, — он показал пальцем на то место, где некоторое время назад покончил с собой и своей любимой Отец Сергей. — Через крышу мы не сумеем попасть в здание. Сергей и Инга залезли на нее снаружи и втащили стремянку наверх. Нам пришлось лезть сначала по веревке, — он сделал паузу, подождал с улыбкой, пока Лилит отреагирует на его слова. Она мельком взглянула в его сторону.

— Все проходы сверху, все окна заминированы. Ни одного окна безопасного: заряды соединены последовательно, друг за другом, так что любой взрыв или размыкание общей сети повлечет за собой цепочку взрывов, кровля осядет и завалит все здание. Там большие бетонные фермы: если они обрушатся, мы не сможем разгрести завалы. Разъединить цепь и обезвредить всю эту систему можно только изнутри. По вентиляции и трубе попасть внутрь тоже нереально.

— Понятно. Помогите мне подняться наверх. Я хочу на них посмотреть.

За углом у стены была приставлена шестиметровая лестница, и Лилит полезла по ней наверх. Она увидела два бледных лица искаженных предсмертными муками. Ей расхотелось перелезть на крышу с лестницы и она спустилась обратно так и не побывав на кровле.

— Что будем делать? Копать под фундамент? Как залезть туда? — спросила Лилит своих спутников почти добравшись земли, окинув их взглядом сверху.

— Нет, с фундаментом нереально. Он заглублен метра на два, но в советское время основание делали из бетона с арматурой. Мы будем неделю скрести бетон, а продвинемся сантиметров на 30. У нас даже отбойного молотка нет.

Бочонок посмотрел на Лилит.

— Есть один вариант... — он сделал паузу, как бы ожидая от нее разрешения. — Я думаю, тут наверняка через подвалы можно пройти. Я проберусь внутрь, обезврежу заряды, а потом вы войдете.

— Ты один?

— Ну да.

— Да нет же, я тебя одного не пущу. Нельзя в одиночку по подвалам шариться, вдруг что... Вместе пойдем, вдвоем. Трое останутся снаружи.

— Да нет же, Лилит, я не могу рисковать тобой, твоим здоровьем. Куда ты пойдешь? Там будет невыносимо сыро, сквозняки, во многих местах наверняка придется идти по пояс в воде, а ты легко одета. Придатки застудишь — я потом себе не прощу.

— Дурак, — улыбнулась она, — что ты в придатках понимаешь... Мы идем с тобой вместе.

Она опасалась, что с грузом все-таки что-то может случиться.

— Я все-таки настаиваю, чтобы я пошел сам. Ты нам слишком дорога и еще нужна. Куда мы без нашей «Монахини»?

— Нет, я сказала. Ты плохо соображаешь или русский язык не понимаешь? Пошли. Вы оставайтесь и смотрите тут в оба, — обратилась она к трем оставшимся бойцам и стала первой спускаться по лестнице вниз с крыши.

Каскад руин в трехстах метрах от них, остатки рабочего поселка, издали напоминал черную горную гряду. На удивление быстро они нашли вход в подъезд и лаз в подвал. Бочонок перед входом снял с бедра флягу и сделал глоток.

— Будешь? — он протянул флягу Лилит.

— Что это? Спирт?

— Нет, не спирт. Хорошее вино, — и после некоторой паузы добавил, — итальянское, амонтильядо называется.

— Вино? Пфф! — Лилит фыркнула губами. — Откуда у тебя, бестолочь, вино? Еще и итальянское. Что ты брешешь? — было видно, что она озадачена. — Ну-ка дай сюда! — она протянула руку, отерла рукавом горлышко, поморщилась и взяла каплю на язык, погонила ее, сделала глоток. Херес приятной сладкой терпкостью разлился во рту. Она сделала еще глоток, побольше, чем первый.

«Черт побери, я года два или три не пила вина». Она почему-то вспомнила Францию. Как она сидела в уличном кафе и смаковала вино под устрицы, сильно отдававшие морем. Холодный белый херес.

Вино зажигало во рту радугу и растворяло легкий жемчужный привкус моллюска, и тогда оставался только вкус моря и даже казалось, что слышен шум прибоя. Это интересное ощущение устричной массы на языке отдавалось в сердце; она думала, как прекрасна жизнь, и глотала лимонный сок из каждой раковины, запивая его терпким вином.

В такие моменты жизни она ловила ощущение наполненности, чувствовала себя счастливой и начинала строить новые планы.

— Это херес! — громко сказала она, даже подвал отозвался эхом на это.

— Можно и так сказать, — согласился Бочонок. — Ты, видно разбираешься в вине. Лилит, может, все-таки передумаешь? Я могу сам дойти и найти вход в котельную...

— Пошли! Тебя обманули: это ни хрена никакого не амонтильядо, это херес, — она отпила еще и вернула ему флягу. — Но все равно приятно. Где взял?

— Выменял на патроны вне «монастыря», — он хитро улыбнулся, — не могу сказать, где. Вдруг казнишь меня за это.

Они начали спускаться в подвал. Бочонок нашел две палки, обмотал их тряпками и поджег, чтобы получилось два импровизированных факела.

— Бред, зачем мне тебя казнить? Я тебе больше скажу: я тебя не казню. Когда мы выберемся отсюда, из этой задницы, я тебя женю! — Она засмеялась. — Ты каких девчонок любишь? Блондинок, брюнеточек? Подберем тебе!

Бочонок помолчал, улыбка сошла с его лица.

— Мне нравятся такие, как ты...

— О-о-о, не для тебя бутон растили, уж не обессудь.

— Не для меня, так не для меня, — он делано поклонился и жестом пригласил ее следовать за ним через подземные анфилады с низкими подвальными потолками.

Он шел быстрым, уверенным шагом, освещая себе дорогу. Лилит еле за ним поспевала. Время от времени свет пламени выхватывал густые сети паутины.

— Посмотри, какие белые нити паутины покрывают стены подвала, посмотри, как они блестят, — он зачем-то поджег паутину, та вспыхнула и моментально сгорела. — Будь внимательна, смотри под ноги. Дальше будет скользко — тут сыро.

Он обратил к ней свой взгляд. Бочонок преобразился, он как будто чувствовал себя в своей стихии. Лилит же, напротив, ощутила легкое головокружение: крепкий херес проник в кровь, и она, видно, с непривычки, немного захмелела и потому чувствовала себя слегка растерянной от окружавшей их обстановки, смешанных запахов сырости и пыли.

— Я так посмотрю, ты тут хорошо ориентируешься? Лазал здесь уже?

— Да нет, просто застройка квартала типовая советская. Все по проекту строили раньше в эСэСэРе, а я жил год в похожем проекте. В подвалах, задолго до «монастыря», мы от армейцев прятались.

— Да? Ну води тогда. Далеко еще до котельной? — Лилит остановилась и кашлянула.

— Давно у тебя этот кашель? — забеспокоился Бочонок. — Стоп, возвращаемся. Твое здоровье слишком мне важно. Если ты заболеешь и замкнешь календарь майя, то это будет невозможная потеря для меня. Там дальше будет холодная вода в подвалах. Ты точно простынешь. Другое дело я: если окочурюсь, невелика потеря.

— Нет, кашель — ерунда. Не переживай, он меня не убьет. Не умру же я от кашля после всего пережитого!

После этих слов Бочонок как-то странно посмотрел на нее, будто пытался высчитать вероятность смерти Лилит от кашля.

— Хорошо, — он опять достал флягу и немного отхлебнул.

— Дай мне тоже, — она перехватила левой рукой фляжку с вином, — вино правда хорошее. За что пил?

Бочонок пожал плечами, Лилит цинично усмехнулась.

— Я пью за смерть. Мою смерть, которая где-то далеко занята другими делами. Так вот, за тебя, дорогая. Желаю, чтобы у тебя было много работы до того, как ты возьмешься за меня, — Лилит сделала еще два больших глотка и вернула флягу.

— А я тогда выпью за долгую жизнь, — Бочонок приложился к фляге и потом повесил ее обратно на бедро.

Глаза Лилит заблестели, и она уже пару хваталась за плечо Бочонка, чтобы не упасть. Воздух становился более спертым, им приходилось перешагивать через груды хлама, заполнившие пространство подвала, но пока еще все проходы из одной галереи в другую оставались свободны. Дойдя до прохода под низкими прямоугольными арками, они спустились по ступеням и повернули налево, туда, куда уходила галерея подвалов, снова прошли под аркой, а потом наконец достигли заглубленного подвала с высокими потолками.

Воздух в предыдущих залах был настолько спертым, что факелы почти потухли и только тускло тлели. А в этом просторном подвале с высоким потолком они снова стали гореть ярким красно-оранжевым пламенем. В дальнем углу чернел вход в другой, следующий подвал. Казалось, что они бесконечно переходят друг в друга.

Вдоль стен были аккуратно сложены человеческие черепа, от пола до потолка, рядами и шеренгами. Лилит видела такое раньше только в иллюстрациях к археологическим раскопкам или на картинах. Ей стало немного не по себе. Трупы-то как таковые уже никого не пугали в ЭТОЙ жизни. Страшило, что кто-то с маниакальной педантичностью собирал и складывал тут несколько сотен черепов, в недавнем прошлом принадлежавших живым людям.

Бочонок осветил справа груды костей, пребывавших до этого в темноте. Лилит резко отпрянула в страхе. Кости были отсортированы: тазобедренные, кости конечностей, позвонки лежали в строгом порядке.

— Ты что дергаешься? Напугала меня. Идем дальше!

Они пошли к следующему проходу. Бочонок сделал шаг вправо и пропустил ее перед собой:

— Ты пройди туда, пожалуйста, Лиль, я отолю, постой там, в следующем зале у прохода, — он подошел к стене и начал расстегивать ширинку.

Лилит пожала плечами, услышала журчание и прошла в проем. Резкий порыв подземного сквозняка погасил пламя ее факела, как только она зашла в следующий «зал». В темноте ей даже показалось, что кто-то пробежал прямо перед ней и овеял ее своим теплом. Кожа мгновенно покрылась мурашками. Резкий выброс адреналина подкосил ей ноги. Она отшатнулась и решила вернуться к Бочонку в помещение с черепами вдоль стены. Она быстро развернулась и последнее, что увидела перед тем, как потерять сознание — правый кулак Бочонка, летящий ей прямо в подбородок.

Она очнулась в каком-то глупом изумлении. Память медленно возвращалась. Челюсть ужасно ныла. Когда она попробовала проверить челюсть, боль сковала ее в суставах. Лилит хотела потрогать челюсть, но руки были закованы в железные браслеты, прибитые к стене. Она пошевелила ногами — те были свободны.

Она попробовала сориентироваться: какое-то небольшое незнакомое помещение три на три, с трех сторон стены, с четвертой ниша.. Отблески факела играли на её штанах. Бочонок по-турецки сидел рядом, в двух метрах, прямо на пыльной земле и ждал, когда она вернется в сознание.

— Что за херня? Охренел? Ты что, попутал что-то, тварина?! Ну-ка освободил меня! Быыыстро!

Бочонок смотрел на ее эмоции совершенно безразлично.

Она начала извиваться как змея, пытаясь освободиться от пут. Был слышен скрежет ее зубов, но ей не удалось сделать ничего. Лилит билась снова и снова, пока не затихла.

— Успокоилась?

Лилит зарычала, попыталась вывернуться и пнуть его ботинком, а когда и это не удалось, собрала слюну и попыталась доплюнуть до него. Попытка оказалась неудачной, как и все остальные.

— Очень хорошо. Теперь послушай. Ты же помнишь, как спасла меня? Думаешь, я неблагодарная свинья? Ведь так?

Лилит отвернулась. Она собиралась с мыслями и не желала отвечать на его вопросы. Это бы означало плясать под его дудку.

— Нет, это не так, — спокойно и равнодушно продолжил Бочонок. — Я хуже. Ты натравила на меня, мою мать и моего несовершеннолетнего брата головорезов Монаха за то, что мы взяли одну банку тушенки. Одну сраную банку тушенки. Мы ее даже не съели. Мы ее не украли. Ты нашла ее на шмоне в своем гареме. Моя мать, обслужившая в свои неполные 38 лет тысячи этих тварей, — он ткнул указательным пальцем в сторону, где, предположительно, находился «монастырь», — она, обслуживавшая в твоём гареме этих мужланов, просто получила тушенку в подарок от одного из них. А ты ее нашла. Нашла и своим мерзким голосом объявила, что это против правил, а кто против правил, тот против Монаха, а кто против Монаха...

— Ты вывела нас на суд. За то, что мы были голодны. И ваш так называемый суд в лице Монаха, в твоём лице, надо же, цари и боги в земном воплощении... приговорил нас к смерти. К смерти... за то, что мы не крали. За то, что мы не имели права владеть банкой консервов. И помнишь, как ты выбирала, кого первым казнить? Разве ты выбрала мою мать? Нет, ты выбрала моего младшего брата, чтобы она видела, как умирает ее ребенок, видела и мучилась. А уже потом ты предложила ей амнистию — но только на одного человека из нас двоих. Ты думала, она выберет жизнь? Ты знала, что она оставит меня в живых, а сама не сможет жить после того, как увидела смерть младшего сына. Вот как ты меня спасла, — Бочонок помолчал и Туман впервые за долгие годы увидела гнев в его глазах.

— Когда я увидел, как ты наслаждаешься властью, наслаждаешься ее смертью, я поклялся себе, что отомщу. Все сделаю, лишь бы отомстить, гавно буду жрать, стану последним петухом в нашем «монастыре», но придет мой час — и я отомщу тебе, — он сделал паузу. — Я знал, чего хочу: не убить исподтишка, а сделать так, чтобы ты знала, кто именно тебе мстит и за что. И чтобы ты ничего не могла с этим поделать. И чтобы я остался безнаказанным. Я знаю, что ничто не приносит такой боли, как унижение и потеря денег — в нашем случае ресурсов и власти — одновременно Я всегда твердо знал, что моя мать и мой брат будут отомщены.

Так вот, по унижению и потере денег. Твоя доля таблеток больше не у тебя. Она и не у меня, она у Алекса — и ты-ты. Ты хотела его кинуть, но он кинул тебя быстрее, умнее и грамотнее. Ты лузер, ты опоздала, — желтые зубы мелькнули за скользкой улыбкой, — я на его стороне, и я перепятал груз так, что больше никто не найдет, кроме Алекса. Ты никогда не станешь королевишной, как мечтала. Ах, какая жалость...

— Это про потерю денег и власти. Теперь смотри сюда, про унижение. А-та-та, я твою маму...

Он вытащил из своего рюкзака серую урну.

— Накажу... Ты знаешь, что это такое?

Она не ответила.

— Знаешь, это твоя матушка. Я знаю, как сложно тебе было ее добыть. Я знаю, сколько раз ты бегала от Монаха и тайком отсасывала гарнизонным, чтобы устроить всю эту херню с перевозкой урны через китаез. Я знаю о тех десяти несчастных девчонках, лучших девчонках борделя, которых ты передала ублюдкам на бесединский мост. А Монаху рассказывала чушь про похищения и побеги... Я все это знаю. Смотри внимательно, — он проделал ножом дырку в

пластиковой крышке керамической урны и медленно рассыпал прах вокруг Лилит. Последнюю горсточку он насыпал себе на ладонь и выдул ей в лицо. По ее щекам текли слезы. Пепел осел на влажной коже.

— Я замурую тебя здесь, в темноте. Вон там я оставлю вино, если захочешь пить... Но ты не сможешь до него дотянуться. Я еще оставлю перочинный нож с пилой. Если тебе очень повезет, ты снимешь ботинки. Если сможешь схватить нож стопами, возможно, сможешь отрезать — правда, скорее отпилить — себе кисти. Скорее всего, нет, но инстинкт выживания будет заставлять тебя делать попытки снова и снова, и так тысячи, десятки тысяч раз. Если ты все же отрежешь себе кисти, вряд ли выживешь, но к этому времени цементный раствор в стене застынет, и ты не сможешь выбраться наружу. Тем более не имея обеих кистей. Ая вот выйду наружу, раздам пацанам по три коробки акватабса — Алекс разрешил — и скажу, что замуровал тебя тут. И мы с ними вместе отпразднуем этот величайший день в нашей жизни. Ферштейн, майне кляйне?

Лилит увидела несколько мешков с цементом, ведра с водой и штабеля пенобетонных блоков, аккуратно сложенных у входа.

— Ну, за работу, — Бочонок засучил рукава и стал разводить цементный раствор.

Лилит молчала. Она была раздавлена.

Прошел примерно час, а они так больше не проронили ни слова. Бочонок почти закончил работу, выложив двенадцать рядов. Заглянув снаружи в небольшое оставшееся окошко, он спросил:

— А ты бы хотела, чтоб я сказал, что это все просто проверка? Или, например, что это все шутка? — он снова широко заулыбался. — Да, хотела бы?

Лилит с надеждой в глазах посмотрела на него и едва заметно бессильно кивнула.

— Ой, моя бедная девочка. А это не шутка, ты тут сдохнешь как крыса — он бросил к ее ногам перочинный ножик и вставил последний пеноблок туда где, только что было его лицо.

Пронзительный вопль разорвал пустоту подвала, он аж прикрыл уши, но промолчал. Снова громкий пронзительный крик, переходящий в целый залп бессмысленных воплей, вырвавшихся из горла Лилит, как будто с силой отбросил Бочонка назад. Он задрожал, оступился, упал на спину. Потом поднялся, отряхнулся трясущимися руками и посмотрел на завершенную кладку. Подошел, подтолкнул свежее руками, проверил: держится ли? Держится! Теперь он действительно искренне улыбнулся и направился к выходу.

Истинный 25/17

Она хотела жить. Но разумом она понимала, что, даже если она развяжет каким-то образом шнурки на ботинках и скинет их, то все равно не сможет воспользоваться брошенным перочинным восторгом. Чтобы выжить, нужно было открыть его, извлечь лезвие с пилой, удерживаемое упругой швейцарской пружиной, затем как-то захватить сомкнутыми стопами руки и отпилить кисти. Запястья, плотно прикованные скобами к стене, обхватывали тугие тяжелые металлические кольца. Руками нельзя было даже пошевелить. Бочонок знал, что рано или поздно ее отчаяние дойдет до такой степени, что она попытается это сделать, но ничего, кроме израненных предплечий и стоп, она не получит.

Она точно знала, что сломается, что будет пробовать, а потом выронит нож так, что не сможет больше поднять его с несвободными руками. И именно тогда произойдет окончательное

разрушение, вызовет дичайшую истерику, раздавит ее и не даст умереть достойно. Она за мгновения разгадала его план, потому сразу оттолкнула нож ногой как можно дальше, пока свет еще проникал в ее склеп из-за последнего блока.

Она даже не смотрела, куда он отскочил. Она знала, что наступит час, когда она станет жалеть об этом поступке, но сейчас это было единственное решение, позволяющее ей остаться человеком, а не животным, попавшим в капкан и судорожно бьющимся в предсмертных конвульсиях. Попавшие в капкан звери пытались кусать капкан, отгрызать себе лапы, ломали клыки, бились, сдирая шкуру до костей. В эти последние часы у нее даже такой возможности не было. Она не могла дотянуться до рук зубами.

Бочонок почти распял ее. Она сидела, прислонившись к стене спиной. Когда он ее окончательно замуровал, Лилит не смогла сдержать крик, разрывавший ее легкие и горло. Ей было ужасно страшно: такого леденящего ужаса она не испытывала никогда. Она не слышала его удаляющихся шагов, хотела бы потерять сознание, но не могла. Ее тело содрогалось от крупной дрожи, но ей не было холодно – только крошечная тьма и абсолютная тишина.

Лилит решила успокоиться и привести свои чувства в равновесие, насколько возможно. Единственная мысль сверлила мозг: сколько еще времени она сможет выдержать? Сколько времени? Ее как будто парализовало. Вот, собственно, и все. На языке ученых это состояние называется «отсутствие афферентных импульсов»: отсутствие информации от органов зрения, слуха, обоняния, осязания. Подобно египетской мумии скрестив ноги на полу, Лилит словно парила в состоянии невесомости. Сколько времени она выдержит?

Она открывала и закрывала глаза, с силой зажмуривалась, пытаясь привыкнуть к темноте, но та была настолько густа, что только сплошной черный мрак стоял перед зрачками. Удар Бочонка пришелся на челюсть и частично в нос, так что она потеряла и обоняние. В носу запеклась кровь из разбитых капилляров, и Лилит не чувствовала никаких запахов. Совсем. По пути вниз пахло ветхостью, сыростью, местами пылью – теперь же не пахло вообще ничем. Больше всего пугало отсутствие звуков. Сначала ей показалось, что Бочонок заткнул ей уши, но потом она вспомнила звук мастерка, накладывающего раствор, и трение пенобетонного блока о другой блок. Она провела подошвой по земле. Да, ее шорохи были слышны, но больше ничего. Ни откуда не раздавалось ни звука.

В какой-то момент тело начало чесаться. Сначала зазудело в носу, потом левое ухо. Она не могла ничего с этим поделать. Тишина вокруг заставляла вслушиваться в себя, и вскоре Лилит начала улавливать стук собственного сердца, биение необычно слабое, будто доносящееся откуда-то из глубин. Пленница чувствовала себя совсем худо. Хотя зуд скоро прекратился, и ничто, кроме прикованных рук, ее не стесняло. Она выбрала удобное положение. Но пустота снаружи создавала пустоту внутри, и эта пустота становилась тревожащей.

Сознание менялось от отсутствия внешних раздражителей. Сначала Лилит перестала ощущать положение собственного тела. Именно ощущать: она еще помнила, в какой позе ее приковали, но именно помнила, а не чувствовала. Пока она пыталась разобраться со своей памятью и отсутствием ощущений, то вдруг осознала, что у нее нет рук, плеч, головы, туловища. Накатило чувство, будто тела вообще нет, и это открытие не стало приятным. Лилит растворялась в густой темноте, словно в кислоте. Вот уже и сердца не стало слышно: она напрягалась и вслушивалась, желая уловить хоть признаки биения. Напрасно: сердце тоже исчезло. Она еще больше напряглась. Зато тишину, целиком наполнявшую ее последнее пристанище, эту конечную станцию, сменил какой-то шумок, тихий гул, образовавшийся в ее голове. Видимо, последствия удара. Он нарастал и был настолько отвратительным, что хотелось заткнуть уши. Мелькнула мысль, что нужно обхватить голову руками: для этого нужно лишь пошевелить кистями... но

шевелить было нечем. Руки исчезли. “Сколько я еще выдержу? Сколько времени?”. Она не хотела больше думать о себе в третьем лице. Она была один на один сама с собой.

Лилит прекрасно помнила, как она здесь оказалась и зачем сюда пришла. Но ее тела теперь не было, осталось только ее сознание. Видит ли она? Пожалуй, некие серебристые круги в темноте, в которой она находилась, есть... Точнее, она сама и есть эта темнота: она слилась с ней воедино, и от осознания этого ее организм выбрасывал чудовищные дозы адреналина в кровь. Мерцающие серебристые круги двигались с запозданием по траектории, по которой кружил зрачок. Она даже немного обрадовалась: ей показалось, что к ней вернулось зрение, но эти окружности были нечеткими и исчезали, как только она пыталась их разглядеть и сфокусироваться. А потом они застыли в одном месте и больше не хотели перемещаться. Она с ужасом почувствовала, что ее зрачки больше не подчиняются ей. Ее глаза ей не повиновались!

Но все эти слуховые шумы и зрительные мерцания были безобидным прологом к тому, что началось дальше.

Она разрушалась. Она переставала существовать. Она умирает? Да, наверно. О ее теле речь уже не шла. Сколько она здесь: несколько часов, несколько суток? Сколько времени она выдержит? Ее тело уже давно перестало существовать. “Вот и проверим, что первично: дух или материя”. Ее физически не существовало будто давным-давно, тело стало чем-то, утраченным навсегда. А может, его и не было никогда? Скорее всего, не было, да. Вся ее реальная материальность заключалась в черных частичках акрилового пигмента, нанесенных на бумагу офсетным способом. Точнее, в появившихся – и тут же исчезнувших электрических импульсах контактов клавиатуры ноутбука. Она существовала материально лишь мгновение – и перестала существовать, а потом молнией сверкнула в нейронах того или той, кто, дочитав, вряд ли вспомнит Лилит и эту историю через год. Но она сохранится там до конца жизни.

Бывает, когда человек отлежит руку или отсидит ногу, то не чувствует их вовсе. Тогда можно прикоснуться к себе другой, “живой”, рукой словно к чему-то совершенно чужому. Это ощущение чужеродности собственной конечности уходило по мере того, как рука или нога “оживала”. Лилит же не могла прикоснуться к своему “отмершему” телу. Координаты, похоже, тоже стерлись, пространство перестало существовать и иметь значение. Верх, низ, бок? Она силилась вспомнить, где верх, где потолок, где над ним этажи и руины, где небо над ними.

Небо? Какая ирония... К чему человеку небо, если у него нет сердца?

Пространство? Это слово больше не имело ценности – всего-то множество букв без смысла. А время? Сколько времени она выдержит? Время внутри нее расширилось: оно превратилось в шар, все быстрее и быстрее становящийся громадным. “Вся жизнь впереди, надейся и жди”. А ведь правда! Все оставшаяся жизнь – впереди. А что позади? “Напрячь зрение! Неужели я больше ничего не увижу?”. Она удивилась своей способности снова формулировать мысли и еще раз постаралась напрячь зрение и хоть что-нибудь разглядеть в темноте. Ей показалось, что она повернула голову вправо и увидела свою руку. Точнее не руку – это была кошачья лапа. Она посмотрела на подушечки и острые когти. Откуда-то появился клубок ниток, и она захотела с ним поиграть. В зеркало она увидела красивую абессинскую кошку и поняла, что это она. Задорно гоняя клубок лапой, она не заметила, как нога девочки – подростка, подыгрывая кошке, отфутболила клубок в другой конец комнаты. “Ах, ты зараза! нельзя трогать без спроса мои кошачьи игрушки!” – и Лилит впиалась когтями в открытый участок кожи на ноге подростка. А потом еще два раза быстро куснула – для верности. Почти до крови. Девочка – подросток взвизгнула, и из ее глаз брызнули слезы. На шум прибежала огромная женщина, с точки зрения кошки, – все люди огромные, но эта поражала своими масштабами и ростом. В руках она держала огромный веник, скорее даже щетку, похожую на швабру, и через секунду женщина замахнулась на Лилит. Лилит зашипела и оскалилась, она подняла глаза и грозно сверкнула зрачками. Встретившись взглядом с

женщиной, Лилит замерла в шоке. «Мама?! мама!!! Мама это я!!!!!!» – ее грозное выражение глаз сразу сменилось на виноватое. Лилит узнала свою родную мать. Но она не знала, как сказать ей это на человеческом языке. Швабра стремительно приближалась и, поравнявшись с кошкой, придала ей импульсу – выбросила ее в дверной проем с невероятной силой. Это было очень унижительно.

Лилит даже не успела сгруппироваться, и всей своей кошачьей массой впечаталась в стену напротив. В момент удара все исчезло, и она вновь оказалась в кромешной темноте. Лилит не верила своим глазам. Она только что видела, как ее мать била ее шваброй, защищая кого-то чужого. Лилит захотелось это развидеть. Она проверила лапы. Лапы на месте. Правда лапы и шерсть на них видны не явно. В темноте она просто угадывала их очертания. Ужасное чувство вины и отвращения ко всему, что она видит, нахлынуло на нее. Был один выход избавиться от этого позорного видения, – она стала выцарапывать себе глаза. Это не так уж и сложно. По-настоящему страшно стало тогда, когда она поняла, что теперь глазницы ее пустеют, а видение искаженного от ненависти лица матери не исчезло. Правда теперь она могла разглядеть девочку – подростка. Она с ужасом обнаружила в ней себя. Она протягивала матери в открытых ладонях два вырванных и окровавленных кошачьих глаза. Мать прикрывалась толстой книгой и не хотела смотреть на ладони дочери – кошки. Сознание уловило стремительное движение. Пуля, снаряд?

Дальше последовал взрыв. Прямое попадание в книгу. Она теперь книга. Не прочитанная никем, не принесшая пользы книга. Нет, ее, конечно, покупали много раз, но в лучшем случае пролистывали и убирали на книжную полку. Сдавали в букинистический. Как повезет. Очень часто ее если и не выбрасывали, то выставляли за дверь. Авось кто подберет этот бесценный клад.

Сознание Лилит за секунды до взрыва жадно перелистывало страницы, будто пытаясь напиться буквами, словами и предложениями. Она стремительно поглощала роман о своей жизни абзац за абзацем. Очень мало времени. Она заранее знала о взрыве. Книге осталось жить немного, мгновения...Взрыв длился секунду, она успела прочесть половину книги за миллисекунды. Дальше неизбежная смерть.

И она взорвалась.

Теперь она взорвалась. Какое ощущение испытывает книга, когда ее страницы разрывает на много мелких фрагментов, которые теперь уже не связаны друг с другом ни физически, ни правилами грамматики? Они уже не одно целое, но еще беспорядочно летают с горящими и обуглившимися краями. Превращающиеся в пепел, парящие, как снежинки, они больше никогда не расскажут историю, которую содержала эта книга. Потому что она написана и напечатана в одном экземпляре. А автора больше нет, или он больше не пишет, или пишет другую, чужую историю. Никакого ощущения не испытывает книга, она не может испытывать, хотя бы потому, что она книга, и ее никто не прочел. Она медленно падала пеплом и никак не могла достичь напольного покрытия, она окончательно догорала, развеваясь и разваливаясь на еще более мелкие фрагменты, подхватываемая легким дуновением сквозняка.

А потом и пепел исчез. Остался только страх. Без цвета и оттенков, вкуса и звука. Клокочущий в месте, где шея с легкими соединяется и пересекается. Там, где застревают косточки и батарейки. Она боялась больше всего в детстве проглотить пальчиковые батарейки. Бабушка так и сказала: «Одна соседская девочка положила в рот батарейки, проглотила случайно, а вытащить так и не смогли, задохнулась. Ты смотри, не вздумай! Близо не подходи!». Она в детстве стала бояться подходить ко всем игрушкам, в которых батарейки были. Батарейки ведь могут давать энергию, а могут забирать. Две большие круглые батарейки, неведь откуда взявшиеся, застряли. Она хотела кричать, звать на помощь, но не могла издать ни звука, батарейки закупорили вход воздуха. В легких кончился кислород, а углекислый газ не мог вырваться наружу.

«Видимо, я схожу с ума, я все еще помню, кто я, и как сюда попала, я помню, что была прикована к стене. Сколько времени я еще смогу продержаться?» Она попробовала выдохнуть батарейки. Они вроде двинулись вверх по гортани, но застряли еще прочнее. «Почему меня не бьет током? Видимо, батарейки сели, нет в них энергии.»

Да, батарейки опасны, бабушка никогда не ошибалась. Нельзя играть с энергией. Нельзя заряжать себя чужими батарейками. Такая энергия всегда отравляет.

Лучше брать энергию у солнца и воздуха.

Страх стал теплым.

Бронзово-золотым отливом сверкают пшеничные поля. За ними сотни желтых и белых цветков на поле на опушке леса. То тут, то там порхают бабочки. Лес шепчет, манит, весело трепещет зелеными листочками, кажущимися на ветру белыми. Лес просвечивает, там, в глубине, видны еще поля и луга, только без колосащейся пшеницы. Река, зигзагами и утиными шеями рассекающая лазурную воду, не встречающиеся до самого горизонта берега, без устали течет и наполняет окрестные поля живительной влагой. То тут, то там пролетают птицы, обращая взор тех, кто на земле, – в небо. А там уже взошло солнце, льет тепло, радость и любовь, и повсюду аромат благодати и свежести. Все красиво, но тревога не отпускает. На горизонте, километрах в десяти, была видна большая гора, частично погруженная в голубое, даже изумрудное, море.

Незнакомка, очень красивая девушка, пела на иностранном языке, но Лилит четко понимала смысл слов и, к своему удивлению, складывала их в рифму по-русски.

Как мир прекрасен!

Весны круженье,

Под солнцем ясным

Во всём движенье.

Она увидела, что девушка обращается к ней.

– Хочешь я тебе расскажу что было, что есть, что будет?

Так говорили обычно цыганки. Но говорящая была не цыганкой. Цыганки всегда коварны, но они всегда манили, притягивали Лилит своим знанием будущего. Жаль, что девушка не цыганка.

– Смотри и слушай! Там ты найдешь меня и себя. Девушка указывала рукой вправо.

Лилит увидела большой трехэтажный дом немецкого дизайнера, такой себе «квадратиш практиш гут». Она растерянно кивнула. Они побежали в сторону здания и едва приблизились к нему, как парадные двери сами по себе распахнулись, и из здания наружу выплеснулась музыка. хором пели песню:

«Передавая кубки, шутки, смех над залою небесною летали,

В трезвости, глаза гостей умом и благонаравием блистали».

В доме идет веселый и большой пир. Девушка взяла Лилит за руку и увлекла в дом. Они были почти одинаково одеты, обе белых в плотных свободных платьях на голое тело, больше похожих на длинные ночные рубашки. Единственное, что отличало, это пурпурный поясик на талии девушки. Лилит позволила себя увлечь. В большой зале, где собралось много народа, стоял огромный длинный полированный стол из дерева, метров тридцать длиной, позволяющий усадить по сорок человек с каждой из сторон. На стене, вдоль которой стоял стол, висела

огромная плазма. И беззвучно транслировала какой-то фильм. На экране сцена, как пастухи и крестьяне несут подношения красивой женщине, одетой в золотые одежды, с массивными золотыми браслетами на руках и ногах. Она сидит, но не обращает внимание на простолюдинов, влюбленный взор ее направлен на портрет мужчины на стене. Лилит остановилась, разглядывая ее роскошную одежду и украшения.

– Она царица?

– Нет, – ответила девушка, держащая Лилит за руку, и тоже разглядывающая сцену и не обращая внимания на окружающую суету. – Она рабыня. Любимая наложница. Она обязана любить его, как только она перестанет, он ее убьет и заменит на новую. И в этом ее несчастье.

– Это было очень давно. Меня с тобой тогда не было. Там, где нет счастья, нет меня. И нет тебя.

На экране сменилась сцена. Древний город. Мрамор, бронза и статуи.

Красивый веселый народ на улицах. Люди в туниках. Они идут в храм. В храме на троне восседает прекрасная женщина. Она богиня. Она настолько красива, что не имеет на себе украшений, они ни к чему. Ее последователи умоляют ее не носить одежду, чтобы ее дивные формы радовали их глаз. Богиня снисходительно откинула свою тунику до пояса, обнажив свои грудь и плечи.

– Это Афродита. Мужчины боготворят ее, они ее любят за красоту, все равно не считают ее себе равной. Она горда собой, но только своей физической красотой. Она не до конца свободна. Забери у нее красоту, и она опять никто. Там, где нет свободы, нет меня и нет тебя.

– А где же ты? Когда будет про тебя?

– Смотри, – мягко сказала девушка Лилит.

На экране появился большой зал судебных заседаний. Люди в шикарных костюмах английского покроя болтали друг с другом. Кто-то улыбался, кто-то перелистывал документы. Почему-то было понятно, что все ждут судью. Его кресло пока пустовало. За креслом висела плотная портьера с большим кругом голубого цвета.

– Хочешь туда? – улыбнулась спутница Лилит. – Там будет интересно. Не бойся, нам с тобой можно.

Не дожидаясь ответа Лилит, она опять увлекла Лилит за собой. Они прошли мимо стола, за которым продолжали пировать. Девушка отломила веточку винограда и, оставив себе одну ягоду, протянула ее Лилит.

– Угощайся, он вкусный.

Они долго шли по длинным коридорам, снаружи нельзя было представить, что дом внутри такой огромный. По пути им встретились три взрослых мужчины, сидевшие в креслах. Над каждым креслом, чуть правее, были прибиты три таблички с непонятными буквами “ick “iaco” “абраа”. Навстречу шумно прошествовала ватага маленьких детей с озорными мордочками, одетых в длинные белые чуждые рубашечки. Чуть поодаль за ними следовали шесть мужчин. Лилит не успела разглядеть их как следует, она только обратила внимание, что у замыкавшего эту шестерку, губы были неестественного золотого цвета. Девушки еще долго шли, пока не открыли дверь, самую крайнюю, справа по коридору. Они попали в ту самую залу на экране. Ничего себе трансляция суда... Лилит поежилась. Странное чувство волнения и замирания дыхания овладевало ею.

– Пойдем, ты вот тут тихонько посиди на скамеечке, тебя никто не потревожит. Будут спрашивать, скажи, – ты со мной.

Они прошли в залу. Девушка усадила Лили на скамью в первых рядах. Никто не обратил на них внимания. Лилит отламывала ягоды винограда и запускать их себе в рот. Виноград был сладкий. Когда они зашли, у входа стояли двое. Лилит прочла имя одного на бейджике: «Давид». Опять грузины. Странная такая ситуация. На бейджах только имена. Без фамилий. У второго папка с файлами в руках, на бейдже непонятно что написано. Она успела только первую букву увидеть: «И». Поодаль мощные суровые мужчины, наверное, охранники или приставы. Миша и Габриэль. Чуть поодаль человек сидит, как за диджейским пультом, на бейдже «Андрей». Все трое гладко выбриты.

Посреди комнаты большая кафедра. На ней лежала большая раскрытая книга. На столе помимо книги лежал металлический предмет, то ли крест, то ли меч. В нижней части кафедры, обращенной к залу, был стилизованный большой красивый камин. Как бы поклоняясь камину, две объемные человеческие фигуры, мужская и женская, стояли на коленях, упав ниц и прижимаясь щекой к земле. Над ними были нанесены две буквы «А» и «Е». Лилит смотрела на кафедру снизу вверх, и ей было сложно определить. С левой стороны кафедры стоял бородатый мужчина с расстегнутым воротом, галстук был расслаблен, и на его шее виднелся ужасный шрам, на бейджике красовалось простое русское имя «Иван». За ним стоял человек со странным именем «Савл», с правой, недалеко от окна, напротив Савла, стоял мужчина постарше, лет шестидесяти, с очень свирепым и мясистым лицом. Он был очень могуч и широк в плечах, почти что гигант. Было видно, что окружающие побаиваются его, и поглядывают на него с опасливым почтением. Он стоял, скрестив руки на груди, и явно был раздражен заминкой. Своей физической силой он привлек пристальное внимание Лилит, в его образе было много необычного, и она поглядывала на него украдкой. Он бросил угрюмый взгляд в сторону Лилит, и у нее сердце ушло в пятки, к счастью, он не нашел в ней ничего интересного и отвернулся к окну. В помещении раздавался легкий гул сродни гулу в студенческой аудитории, когда слушатели ожидают преподавателя, Лилит слушала обрывки разговоров, но ничего значимого для себя в этих разговорах не почерпнула. В какой-то момент все затихло в молчаливом почтении. В помещение из дальнего угла, где располагался еще один вход, вошла взрослая, даже пожилая женщина, одетая точно так же, как и девушка, приведшая Лилит в эту залу. Лилит пожалела, что не спросила имени первой. Удивительное сходство. Было ощущение, что первая была внучкой. Удивление Лилит еще больше усилилось, когда женщина подошла к ней и села рядом. Она заговорила с мягкой улыбкой.

– Как настроение, что тут происходило, пока меня не было?

Лилит была ошеломлена и не поняла вопроса.

– Простите?

– Ты жалела, что не спросила как меня зовут? Пожилая женщина оглядела присутствующих, они заулыбались в ответ. Ее голос звучал толь в толь, как у девушки, которая обещала Лилит рассказать, что было, что есть, и что будет.

– Мы пришли с тобой сюда вместе, некоторые меня зовут Им-алохим, другие Митера-ту-Тео, кто-то просто бабушкой. Ты не волнуйся, со мной ты в безопасности, все будет хорошо. Люди вокруг перестали смотреть на них, и зал снова наполнился гулом голосов. Лилит опять встретила взглядом с мужиком, у которого было мясистое лицо. На этот раз оно не показалось свирепым, наоборот, добрым и чистым, даже скорее детским. В руках у него был брелок, на котором висели карточки с изображением ключей, – видимо, электронные ключи доступа. На груди красовался бейджик с именем «Кифа».

– Я немного не поняла, – ответила Лилит, – я пришла сюда с молодой деву....Она осеклась. – Так это ты? Это вы ? Бабушка, вы и есть та девушка?

Митера-ту-Тео еще раз широко улыбнулась. В уголках ее глаз обозначились тонкие гусиные лапки – милые морщинки. Она кивнула.

– Но как? Как тебе.. вам это удалось, это морок? Вы волшебница?

– Дорогая, это очень легко, любая женщина, если пожелает, будет вне времени. Нас наделили особой силой, и эта сила никогда не будет доступна мужчинам. Даже если некоторые мужчины... – она поморщилась, – пытаются стать женщинами, и наоборот. Что дано Богом, да не отнимется человеком. Весь секрет в сердце. Если хранишь в сердце своем любовь, то можешь управлять и временем, и материей.

В зал вошли еще несколько мужчин, Лилит и Митеа-ту-Тео одновременно обернулись к вошедшим. Те расселись по скамьям справа и слева от кафедры. У многих были в руках планшеты, похожие на книги. Люди были в приподнятом настроении, можно было подумать, что они ожидают какое-то торжество или даже празднование. Присутствующие кивками здоровались с вошедшими. Единственным, кто не разделял общее благодушие, был человек с напряженным взглядом, бейджа было не видно, но на планшете в руках явственно читались заглавные буквы «Л» и «К». Он настолько контрастировал с окружающими, что невольно притягивал к себе внимание.

– Здесь будет суд? – спросила Лилит.

– Скоро все узнаешь, – Митера-ту-Тео взяла Лилит левой рукой за кисть и погладила ее правой. Это прикосновение настолько успокоило Лилит, что она почувствовала, как теплые волны уверенности разлились от спины к конечностям.

Лилит уже съела последнюю ягодку, и в другой руке осталась кисточка от винограда, ей было неловко, она не знала как себя с ней повести.

– Давай мне ее сюда, – Миттера-ту-Тео ласково сказала и протянула руку.

Это только казалось, что мужчины окружавшие Лилит и пожилую женщину, равнодушно предаются ленивой беседе. Как только кисточка оказалась в руках у Митера-ту-Тео, несколько человек ринулись ей помочь, чтобы освободить ее от этого, пусть и пустякового, затруднения. Первым подскочил самый молодой из присутствующих мужчин. Он выглядел почти юным, на лацкане его пиджака красовался значок орла на синем, почти небесном фоне. У него был очень светлый взгляд, из тех, которые надолго остаются в памяти людей

– Иван, опять ты.... – Она сказала это с некоторой гордостью и благодарностью в голосе, одарив его одной из своих роскошных улыбок, – Спасибо тебе.

Она передала веточку мужчине, и он, совершив небольшой вежливый поклон, отошел от них, не поворачиваясь к сидящим женщинам спиной. Лилит чувствовала, что все присутствующие относятся к ее собеседнице с глубочайшим почтением и уважением.

– Сейчас начнется, ничего не бойся. Помни все время, что я с тобой. Все будет хорошо. Митера-ту-Тео встала и накинула капюшон своей туники себе на волосы, жестом указав Лилит сделать то же самое. Лилит встала и тоже повторила. Вместе с ними встали все мужчины в зале.

Неясное движение человека по имени Андрей, сидевшего за пультом, мгновенно прекратило разговоры. Тишина длилась долго, может четверть часа, а может полчаса или больше. Все кого-то или чего -то ждали.

Лилит уже начала уставать стоять, как вздрогнула от неожиданности. В зале разнеслась оглушающая канонада труб. Все началось с одной единственной, очень громкой. Затем, поочередно присоединяясь к предыдущей, каждая новая труба усиливала громкость звучания и

взвинчивала темп. Семь громоподобных, блестящих наполированной медью, труб играли неведомый марш. Полы, стены и окна крупно вибрировали. Звук нарастал настолько, что ей казалось, что самую мощную трубу в мире приставили к её уху и трубили в неё изо всей мочи. Один из приставов, отделился ото всех и направился в сторону кафедры. Он нес в вытянутой ладони золотую чашу с горящим в ней белым пламенем. Пока он шел, Лилит могла наблюдать, как все присутствующие, стоя, что-то пели. Слов не было слышно совсем, трубы заглушали все, и звук марша заполнял собой всю вселенную. Вибрировали не только воздух, но и тело Лилит, помимо ее воли.

Картинка реальности искажалась, как контуры сетки мощного динамика, включенного на полную мощность. Вместе со звуком тело Лилит наполнилось холодным страхом, и ей уже казалось, что вместо крови в ее жилах текут ледяные колющие молекулы ужаса. Она уже не чувствовала конечностей. Она теряла зрение, превратившись в слух, и вот уже звуки труб начали разрушать здание, в котором они находились. Солнце, в чьих лучах они еще недавно нежились, затянулось густыми черными облаками. С неба пошел крупный дождь, перемешанный с градом. Ветер мощным порывом мгновенно сорвал кровлю здания, обнажив беззащитную группу людей. Здание, в котором они находились, разваливалось на куски. Стены рухнули, но, к счастью, никого не задели. Все, кто окружали Лилит, продолжали стоять среди руин и петь. Видимо, это была молитва. Лилит в страхе посмотрела на Митера- ту-Тео, стоящую рядом. Теперь ее лицо выражало боль, из глаз лились слезы, и она сосредоточенно молилась. Порывы ветра трепали одежду. К крупным каплям дождя и градинам добавились капли крови, падающие с небес. Лишь большая книга, лежавшая на кафедре, как бы неподвластная ветру, и повинувшись лишь собственному желанию, сама медленно переворачивала страницы. Едва заметный нежнейший аромат цветов и сладостей на мгновение уловила Лилит. Пристав, держащий огненную чашу в руках, возвел глаза к небу. Он подошел ближе к кафедре и бросил чашу оземь перед самой кафедрой.

В то же мгновение большой камин под кафедрой вспыхнул. Лилит могла поклясться, что в отблесках этого огня она увидела, как лицо объемной скульптуры павшей ниц женщины, стоявшей на четвереньках, исказилось от ужаса. Глаза фигуры напротив – мужчины – блеснули отчаянием, и Лилит видела в его зрачках промелькнувшую тень змеи. Трубы не переставали усиливать марши.

Лилит потеряла способность различать звуки. Пламя оброненной чаши быстро распространялось. Небо разрезалось на куски зигзагообразными молниями. Теперь дрожала земля под ногами. И Лилит увидела, как огромная гора на горизонте, освещаемая вспышками, начала медленно сползать в море. Молнии попадали в гору, и леса на ней воспламенялись, подминая под себя обитателей морей. Она погребла под своими обломками все живое, и море из бирюзового окрасилось в кроваво-красный.

Люди продолжали петь, а трубы, покрытые кровью и водой, продолжали разрывать звуками пространство. Они развернулись в сторону небес, и тучи разверзлись, оголив солнце и луну. Было видно, что даже небесные тела вибрируют от звуков труб. От Большой Медведицы оторвалась дрожжащая звезда и, падая, отколола треть от солнца и две третьих от Луны. Соприкоснувшись с землей недалеко от моря, она обдала жаром ее, огонь испепелил многих людей, наблюдавших за ней с берега, и обдала жаром Лилит и тех, кто стоял с ней рядом. Лилит схватила за руку Митеру-ту-Тео. Ей показалось, что огромная, как пассажирский авиалайнер, черная птица летает над ними кругами, и доносящийся сверху слуху людей взмах крыльев каждый раз тихо шепчет им: «Горе, горе, горе!»

Она предпочла бы скорее умереть немедленно, чем видеть огромных тварей, вылезавших из земли с телом саранчи, головами женщин и клыками львов. Но не могла самостоятельно лишиться себя жизни, ее тело было ей неподвластно. Саранча была безобразна и кровожадна. Лилит

пыталась закрыть глаза, когда увидела медленно пережевываемое, окровавленное тело человека, покрытое мерзкой слюной, в пасти гигантского насекомого. Но, увы, тщетно... Веки тоже ей не подчинялись.

Вдруг все прекратилось. Наступила тишина.

Она снова увидела себя в помещении, снова в целом и невредимом. Ее трясло, и она судорожно держала за руку пожилую женщину рядом. Лицо женщины было сосредоточено, невысохшие слезы на ее щеках говорили о том, что все, что только что видела Лилит, происходило не только с ней. Митеру-ту-Тео смотрела прямо перед собой. Лилит чувствовала, что ей прервали эту ужасающую картину. Она увидела, как огонь в камине внезапно угас. Пристава перед камином уже не было. Все, кто находился в помещении, продолжали стоять. Только мокрая от влаги и крови одежда, напоминала о том, что только что видела своими глазами Лилит. Ей захотелось увидеть, что произошло с книгой. Подняв глаза выше камина, она почувствовала, как иглы страха тысячами тонких уколов пронзили ее сердце. За кафедрой, на фоне небесно синей окружности, сидел ОН.

Молодой мужчина, который забирал веточку винограда у Митеры-ту-Той, в полной тишине зачитал:

«В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них».

После этих строк снова наступила тишина.

Митреа-ту-Той, не поворачиваясь к Лилит, тихо прошептала: «Если знаешь молитвы, — сейчас молись. Молись вслух. Только не молчи, ради всего святого. Любые молитвы. Давай, девочка!»

Лилит оцепенела: «Что читать? Отче наш, иже еси на небеси... как там дальше? что читать?..» Ее охватывала паника. «Я не знаю молитв, господи, что читать?»

Гнетущая тишина нарастала. Ступор схватил ее за горло, но внезапно ее прорвало. Она заговорила дрожащим голосом, но с каждым словом уверенность возвращалась к ней, и она стала говорить все громче и громче.

— Путь праведника труден, ибо препятствуют ему самолюбивые и тираны из злых людей. Блажен тот пастырь, кто во имя благосердия и доброй воли своей ведет слабых через долину тьмы, ибо именно он есть тот, кто печется о братьях своих и возвращает сынов заблудших. И совершу над ними великое мщение наказаниями яростными, над теми, кто замышлил повредить и отравить братьев моих. И узнаешь ты, что имя мое — Господь, когда мщение мое падет на тебя.

Лилит закончила и замолкла. Она не смотрела с сторону кафедры, — ей было все еще очень страшно, но она была довольна собой. Она чувствовала, что ОН смотрит на нее с интересом. Лилит заметила боковым зрением, что через некоторое время ОН сделал едва заметное движение, соединив большой и безымянный палец правой руки, левой указал на дверь.

Мужик с мясистым лицом, крикнув, сделал шаг вперед. Глядя прямо в глаза Лилит, он произнес:

— Пока вам отказано, — выдержав паузу, он фыркнул, поморщился и продолжил, — Как же вы задолбали со своим Тарантино! Там, у Иезеркиля нет этих слов, читайте первоисточники. Это же сейчас так доступно. — он протянул ей книгу, — Я вам на 25/17 закладку вложил. Ступайте.

И сделал шаг назад. Лилит посмотрела на Ба, она улыбнулась в ответ, кивнула и, держа за руку Лилит, направилась к выходу.

Когда они вышли в коридор, Лилит бросилась ей на шею и зарыдала.

– Ну-ну, полно, не нужно плакать. все хорошо. Ты молодец, я люблю тебя и очень горжусь тобой, – Ба обнимала ее и гладила по спине. – У тебя все будет хорошо, – она взяла в ладони ее голову и поцеловала в обе щеки, залитые слезами, – Все будет хорошо, только не забывай все, что сегодня увидела. Не забывай. И просыпайся, Туман! – Ба погладила ее по щеке и растворилась в воздухе. – Я приду за тобой...

***

– Я же говорил, что приду за тобой...

Туман открыла глаза, щека еще сохраняла тепло чужой ладони. Рядом тускло горел свет фонарика. Мужской силуэт сидел на корточках и откручивал кандалы с запястий на стене.

– Это что –это был сон? Четвертый? Ты?

Спасибо Док.

Кэт смотрела во все глаза и не могла поверить, – столько раз Алекса проносило в таких ситуациях, а теперь он лежал без движения. Кэт метнулась к нему за остов старого “фольксвагена” и приложила пальцы к шее, лежа рядом на боку. Пульс чувствовался. “Слава богу, живой! Теперь на кисти, – да, тоже есть!” Если пульс есть на кисти, то давление в норме, значит, пока не так много крови потерял.

Раны не было видно: Москва упал на грудь, так и продолжал лежать. Это плохо, значит, пуля в теле. Кэт бережно перевернула его на спину и повернула голову на бок. Прислушалась к дыханию: учащенное, но стабильное. Она разжала челюсть Алекса, так чтобы он мог дышать, даже если горлом пойдет кровь. Только после этого она заметила красное большое пятно на животе. Справа под грудной клеткой кровь шла обильно, Кэт осмотрела его со стороны спины, – худшие опасения подтвердились. Пуля застряла в теле, нужно ее извлекать.

Кэт оглянулась на Аризону, – тот с тревогой наблюдал со своей позиции. Люди монаха начали понемногу смещаться в противоположную от них сторону. У Кэт не было особого желания сейчас их задерживать, скорее наоборот, – их присутствие тяготило. Пусть проваливаются, мавр сделал свое дело. Алекс выбыл из строя, но Кэт сдаваться не собиралась. Мы еще поборемся за тебя! Времени оставалось немного, нужно было быстро принимать решение. Кэт достала свой нож и разрешила Алексу футболку, она представила сколько будет выговаривать ей Москва за испорченную одежду, после того, как узнает, что ее пустили на лоскуты и перевязку. Остановить кровотечение – сейчас это главное, потом подобрать место, перенести Алекса и извлечь пулю.

Тащить Москву в монастырь не стоило, лучше всего оперировать где-то поблизости. До монастыря далеко, и не понятно, кто именно стреляет с той стороны. До дома тоже далеко, Кэт требовались помощники для того, чтобы дотащить Алекса, но рассчитывать особо было не на кого. В доме оставались двое, но, по всем правилам, их нельзя было снимать с поста и привлекать к переносу раненого.

Оставался Аризона, скорее всего он примкнет к Кэт и Москве, но тащить вдвоем здорового мужика по заваленным и заминированным проходам к дому – так себе удовольствие. В идеале нужны четверо. Но люди монаха не помощники, они почти свалили с позиций. Когда последний из них отполз по-пластунски из сектора обстрела, выстрелы прекратились. Аризона осторожно

подполз к Кэт и лежащему рядом раненому Алексу. Импровизированные тампоны из футболки быстро окрашивались багряным цветом.

Хорошо, что она взяла без спроса из аптечки из дома два шприца с промедолом. Нужно сохранить их до операции. Оперировать? Кэт усмехнулась своей мысли, – с некоторых пор все выжившие после Гнаб Гиба стали сами себе докторами, сами себе хирургами.

Снайпера было не слышно, но его присутствие незримо давило на окружающую атмосферу.

– Is he unconscious*(он без сознания)?

Кэт кивнула.

– Do you speak english?

– Yes.

– Great, let me see him.

– Are you doctor?

– No, but i have good experience. I understand a little bit about resuscitation.*

Аризона посмотрел на свои руки и осторожно приоткрыл веко Алексу Москве. Зрачок, сузившись, отреагировал на свет.

– In my experience, the color of the blood and the wound suggests that the bullet hit the liver. We need to stop the bleeding and remove the bullet. As soon as possible.*** Как можно быстрее, – сказал Алекс, повторив последние слова по-русски, видимо, ему казалось, что так прозвучит убедительнее.

– Да, я знаю, - ответила Кэт без агрессии, она даже порадовалась, что они мыслят одинаково, она наложила тугую повязку из лоскутов на рану. Ей показалось, что тампоны стали пропитываться кровью медленнее. – Я одна не справлюсь, мне нужно помогать, ты вытаскивал пули?

Аризона кивнул в ответ.

– Отлично, у нас на подготовку полчаса времени, потом у него начнет падать давление, если не успеем, то мы его потеряем. Когда будем доставать пулю, кровь польет как из ведра. Ты меня хорошо понимаешь? Do you understand me in Russian well enough? We can discuss in English if you wish.*

– Я хорошо понимаю. Полное ведро крови – “a bucket full of blood”*, нам нужно приспособление на чем тащить его, что-то как ‘litter’. Wait a minute.*

Аризона отполз и, согнувшись, побежал в сторону старых полуразрушенных строений. Через некоторое время он вернулся с двумя каркасами рам дверных проемов.

– Нам придется раздобыть плотную ткань, тогда мы сможем сделать носилки.

Они оба посмотрели на тело грузинки Мгелики, лежащее среди могил.

– Я сейчас! - Кэт дернулась в сторону кладбища, но Аризона удержал ее рукав: “Excuse me...”

Он вскочил и очень быстро пересек опасную зону между остовом машины и кладбищем. Пока Аризона возился с верхней одеждой, Кэт обстругала дверные косяки так, чтобы их было удобно держать в руках. Аризона без особых трудностей пробежал обратно, снайпер или отвлекся, или намеренно не стал стрелять, выжидая лучшего момента. Используя брезентовый плащ и камуфляж Мгелики, они соорудили носилки и аккуратно переложили тело Алекса на них. Та

сторона, через которую они выходили, была безопасна, – их закрывал от сектора, простреливаемого снайпером, остов бывшей электроподстанции. То, что Москва был без сознания, даже было на руку, хотя и пугало Кэт. Нести вдвоем было тяжело, и они останавливались через каждые 15-20 метров, чтобы передохнуть. За плечами у обоих было по двое напряженных суток, каждому удалось поспать часа по три, не больше.

Наконец они добрались до разрушенной дронами пятиэтажки, в которой чудом уцелел один подъезд. Три остальных обвалились. При всей апокалиптичности картины, стены и перекрытия уцелевшего подъезда прочно стояли на фундаменте. Аризона предложил первый этаж, чтобы не мучиться с подъемом и спуском раненого. Но Кэт, помня о безопасности, настояла на подъеме на второй этаж.

С момента ранения прошло уже минут сорок, внешнее кровотечение не прекращалось, но не было таким интенсивным. Кэт постоянно нащупывала пульс у Москвы. Понять количество потерянной крови было невозможно, но интуитивно она чувствовала, что не все так плохо.

Конечно, Алекс побледнел, но выглядел лучше, чем она ожидала. Большую проблему могло составить внутреннее кровотечение, но без разреза раны увидеть, что там у него с кровью, нереально.

Они нашли подходящую квартиру и даже разложенный большой обеденный стол в гостиной. На нем валялся всякий хлам, и Кэт, стараясь не поднимать пыли, свободной рукой аккуратно освободила поверхность.

– Нам нужно очень много воды, любой. На кухне я видела ведра и большие кастрюли. Бери их все. В подвале, – на этом слове Кэт поняла, что Аризона с ним не знаком, – подвал – “basement”, скорее всего, есть грунтовые или сточные воды, тащи сюда, сколько сможешь. Если где-то увидишь что-то похожее на дрова, покрышки – “car tires”, все, что можно жечь, запоминай, чтобы потом тащить сюда.

Аризона кивнул и заспешил на кухню за посудой.

В подвале действительно чернела вода. Она была очень мутной и Аризона усомнился в том, что ему стоит ее набирать, но все же зачерпнул два ведра и принес ее Кэт. Она впервые улыбнулась Аризоне, и ее улыбка тронула его сердце, – это было первое человеческое проявление эмоций за последние двое суток, к которому он так быстро привык во время обучения курсантом. Ему стало грустно от того, что он понял, что все, кто с ним был добр из его команды, уже мертвы.

К этому времени Кэт освободила Москву от одежды и навела в комнате порядок. “Вода? Отлично, нам нужно еще.” Она достала из подсумка упаковку аквабса и бросила в ведра – по четыре таблетки в каждое. Комнату наполнил характерный запах хлора и звук шипения растворяющихся таблеток. Аризона удивился, но промолчал. Теперь он все понял. Так вот за что местные готовы были воевать и приносить такие жертвы...

Кэт макнула один из тампонов в ведро и стала тщательно протирать свободные участки стола с пылью от пыли.

– Помоги мне сдвинуть его.

Они переместили раненого сначала на правый край стола. А после того, как Кэт трижды тщательно промыла поверхность, переместили налево, затем повторили процедуру. Затем Кэт протерла тщательно себе руки и перехватила жгутами ноги и грудь Алекса так, чтобы даже если он дергался, то положение тела не менялось бы.

“Будем оперировать! Ланцет, пинцет, спирт, огурчик.” Странный докторский анекдот, пришедший на ум, вызвал небольшую улыбку на ее лице.

Когда она впервые пыталась спасти и оперировала молоденького парня с пробитым легким, раненного в грудь, она толком даже и не знала, что такое пневмоторакс. Сквозь дырку в груди в легком со свистом вырывался воздух, и она не знала, что рану лучше закрыть с трех сторон, так, чтобы дать воздуху выходить. Это было очень неприятное зрелище. Грудная клетка была неестественно деформирована, острые отломки двух ребер выступали из грудины справа. Сами ребра неравномерно вздымались по-очереди. Поврежденная сторона двигалась в противоположную всей грудной стенке клетке сторону – на вдохе западала, на выдохе обнажившиеся ребра выступали за пределы грудной стенки. Парень хрипел и беспомощно смотрел на нее, иногда кашляя и выплевывая брызги крови. Кэт казалось, что рану лучше не закрывать. Она не очень понимала, как именно можно остановить кровотечение и рыдала от бессилия, когда через двадцать минут раненый, почти совсем мальчишка, умер у нее на руках. Это происходило, когда Москву охватила общая анархия, и банды повсюду устраивали грабежи со стрельбой. Именно из-за этого случая Кэт пошла волонтером в Боткинскую больницу.

Теперь же у нее накопился опыт, она всегда таскала с собой в рюкзаке хирургические щипцы, ранорасширитель, зажимы и иглу.

Лекарскому делу ее обучала Нателла – одна из последних хирургов, с которой Кэт ушла из больницы, когда во все медучреждения по стране перестали завозить медикаменты, материалы и инструменты. Света уже не было месяца четыре, а врачи почти все поумирали. Нателла долго держалась, но когда тела лежали и стали разлагаться не только в палатах, проходах, на лестничных клетках, но и во дворе у приемного отделения прямо на асфальте, они решили, что нужно уходить. Осталось всего человек восемь персонала, и они поняли, что окончательно проиграли войну с пандемией. Выживших пациентов практически не было. Нателла сунула Кэт учебник хирургии, инструмент, и сказала, что пригодится. В последний месяц поступало много больных с огнестрелом, “мясников” – так называли хирургов – катастрофически не хватало, и Нателла оперировала только тех, чьи шансы на выживание она оценивала в 90% и больше. Через какое-то время санитары, которые звались “архангелами”, перестали выносить трупы, “гостиница” – так называли морг – была переполнена, так же, как и все свободные помещения.

Кэт быстро привыкла к врачебному юмору, без которого можно было двинуться кукухой. Умиравших пациентов называли “нарезными батонами”, потому что процесс ухода с этого света назывался “врезанием”. Когда кто-то умирал, говорили, что пациент “врезал”. Очень часто больные поступали уже в коме, и таких называли “нло” – неподвижно лежащий объект. Нателла не любила ими заниматься – это было не гуманно, но она выбрала оптимальный метод спасения тех, кому в этих адских условиях еще можно было помочь. Внезапно все осознали, как были зависимы от элементарных удобств: электричества, воды, тепла. Не говоря уже о сети, в которой можно было мгновенно получить информацию или совет. Работать в условиях, близких к средневековым, людям с современным образованием, считай, виртуальным, было очень сложно. Те навыки и знания, как тогда говорили скилы, которые были получены не виртуально, а на практике, были реально бесценны в мире после Гнаб Гибя.

Большинство “врачей” оказались “голыми”. Правда, мало кто услышал это в лицо. Нателла была “настоящей” и учила Кэт, как справляться кровотечениями, как диагностировать и оценивать вероятность положительного исхода при вмешательстве, как “мясорезить” и лечить проникающие ранения груди, живота, головы. Из поступавших тысяч, она спасла сотни жизней, которые без ее вмешательства истекли бы кровью или “отсчитали бы календарь майя” от сепсиса.

И это было больше, чем может вытянуть один хирург – “челюскинец” с несколькими обессиленными “утконосами” (младший медицинский персонал, обычно студенты-практиканты

первого курса, выполнявшие санитарские функции, в том числе и подачу больным "утки"). Когда работать стало невозможно, когда государство, рухнув в одночасье, обнажило скелет внутренних противоречий, когда никому не нужному ресурсу – населению – предоставили право дышать самостоятельно.

“В те дни не было царя в Израиле, и каждый стал делать то, что ему казалось справедливым”. А более сильным стало казаться справедливым отобрать у слабого. И хоть многие не хотели верить в скотоправду, разделившую людей на “хищных и травоядных” животных, особо никто не протестовал и смирялся с тем, что и раньше чувствовал в глубине души. Человек – животное политическое, *zoön politikon*. Существо социальное до тех пор, пока есть эта политика в лице государства, пока есть этот социум. Вне общества человек, по Аристотелю, или бог, или зверь. До богов выжившие сильно не дотягивали, оставался один вариант – звери.

Вся очевидность этой концепции *фурри-человека* проступала сквозь бесконечные волны насилия и смерти, нисколько больше не шокируя ни тех, кто еще несколько месяцев назад гордо носил на своих лицах спокойную тупость их бессмысленного бытия, ни тех, кто был действительно достоин знания, света, счастья и добра. Этикие высшие приматы, внешне все еще люди, но в большинстве своем внутри уже “Рэтмены”, обратно деградирующие из “Педдигрю”* в “Коросту”, быстрыми темпами теряли образ и подобие.

Кэт стряхнула с себя воспоминания и вернулась в реальность. Она была спокойной. Алекс Москва приходил в себя и начинал громко стонать от раны. Она спокойно вколола ему в бедро шприц промедола, погладила его по голове. Кивком головы приказала Аризоне держать Москву за руки, сняла тампон с раны, вставила ранорасширитель и начала операцию по извлечению пули.

Черный Туман

Черный туман

“...Из праха нам на зависть. Воздадим

За злобу - злобой: лучшей платы нет!" –

Сказал, и стелющимся по низам

Пополз туманом черным, средь сухих

И влажных дебрей, поиски ведя

Полуночные там, где полагал

Всенепременно Змия обрести...

Тащить раненого Москву было сложно вдвоем. Можно сказать, что операция прошла успешно. Пуля застряла в печени ближе к спине, Кэт пришлось сделать изрядно глубокий разрез. Уже ближе к ночи она поняла, что ей было бы проще подобраться со спины, но она точно не знала, можно ли оперировать раненого, лежащего на животе. Скорее всего нет.

Учебник по хирургии, который сунула ей Нателла, пришлось сжечь, когда она скиталась одна, иногда и ей нужно было согреться в холодных заброшенных сараях, подъездах, квартирах. Будучи неглупой и смекалистой, она почти зазубрила все странички наизусть и была уверена, что никогда

не забудет выученного, но со временем память извлекала все неохотнее те знания, которые не использовались на практике. Кэт стала понимать, что потихоньку забывает.

Тогда она пыталась записывать все, что помнит. Ее стены в комнате в ДОМе были исписаны мелким красивым карандашным почерком, но из-за обилия медицинских терминов, посторонним было очень сложно разобраться в написанном. Витиеватые схемы и рисунки были понятны только ей самой, их исказила память и сознание, причудливо предлагающее новые формы, смыслы и интерпретации. Эффект мизинформации, затирающий заученное ранее слоями событий и знаний, следующих позже. Но ее природная прилежность и аккуратность позволили сохранить большой массив медицинской информации.

То, что она не понимала, она старалась узнать при случайных встречах с людьми, имеющими хоть какое-то отношение к медицине. Так, постепенно она записала все азы “постполевой” медицины, обогащая их народными способами остановки кровотечений.

Жорик приходил к Кэт в свободное время и просил ее, чтобы та его обучила. Он это делал не из желания освоить медицинские знания и навыки, а скорее из жажды находиться в ее женском обществе. Делал он это по-своему благородно и учтиво, внимательно слушая и иногда задавая вопросы.

По началу Кэт не особо стремилась делиться с ним, понимая что он настроен не серьезно. Но и не гнала, – позволяла читать и задавать интересующие вопросы. Со временем она привыкла к нему и стала рассказывать об операциях с большим воодушевлением. Жорику показалось, что Кэт отвечает ему взаимным интересом. Он не видел явных признаков взаимоотношений Алекса с Кэт и как-то в один из вечеров нагло приобнял ее за талию, пытаясь погладить Кэт по бедру. Молниеносный удар Кэт локтем в его большой нос с горбинкой отрезвил его так же быстро, как и непроизвольно брызнувшие слезы из глаз красноречиво продемонстрировали, что удар наносился прицельно и профессионально.

– Это фиаско, братан, – без тени улыбки сказала Кэт, не поворачивая голову в его сторону и нахмутив брови, – Еще раз коснешься меня, я вырву тебе зубы по одному, – со сдержанной агрессией продолжила она.

– Если и это не поможет, – отстрелю тебе ночью яйца, будешь ходить, как беззубый и кастрированный кот Батон, без яичек, но с пульками. Понял? – Жорик кивнул и попытался быстро выйти из комнаты, ему было невыносимо находиться рядом с ней после пережитого унижения. Но Кэт приостановила ботинком открывающуюся дверь, остановила Жорика и сказала: “

– Если тебе медицина действительно интересна, то завтра вечером придешь в это же время.

Она посмотрела ему в глаза и убрала ногу с пути. Жорик еще раз кивнул и пулей выскочил в коридор, глядя в пол. Он пришел к ней в комнату на следующий вечер, аккуратно постучал и, получив разрешение войти, предложил продолжить обучение как ни в чем не бывало.

– Ты это, прости меня за вчерашнее. Но сам понимаешь, я девушка гордая, – не привыкла чтобы меня без спроса трогали. Если ты усвоил, то предлагаю мир. Согласен?

Жорик посмотрел на нее, потом опустил глаза в пол и ответил: “Катя, все окей, мне показалось... что, – он замялся. – Я согласен, только разрешай мне бывать тут у тебя. Я хочу знать про хирургию и медицину, это может всем нам пригодиться.

– Показалось? – Кэт улыбнулась, – фантазер, это не так уж и плохо. В старые времена существовали понятия фантазия и реказия. Был такой философ Платон, он говорил, что есть “Разум”, а есть “Реальный мир”, а между ними два вида воображения. Реказия – это верное

отражение мира, Фантазия – искаженное. Воображаемое. Так вот, твой разум что-то там навоображал, – она улыбнулась.

– Имажинер попутал..., – фыркнул Жорик ей в ответ.

– Что?

Она посмотрела на него шокированно, она всегда считала его малообразованным.

– Повтори пожалуйста, ты сказал “имажинер”?

– Да, “имажинер”, – ответил он угрюмо, – а что?

– Что такое “имажинер”? Объясни мне пожалуйста...

– Эээ, ну это не так просто, да ты сама знаешь, раз спрашиваешь.

– Я хотела бы услышать, как ты это понимаешь...

– Ну человек – это проект, который находится в системе между Разумом и Мiром, которые создают воображение, а не мiр, который создал человека и который познается разумом самого человека.

– Ничего себе, Жорик, это точно ты? Где ты все это изучал?

– В интернете, когда охранником работал на шлагбауме, времени было много, сериалы надоели, я читал Юнга и Дюрана, еще Вышеславцева и Вейдле, – Жорик аж покраснел от удовольствия.

“Жорик, Жорик, где ты теперь, философ доморощенный? Отдыхаешь. Если видишь нас сверху, скажи брату своему, что тяжело без него таскать на носилках Алекса, – вчетвером было бы самое оно.”

Когда Кэт и Алекс Аризона закончили операцию, они решили подождать до утра, хоть до ДОМа оставалось немного. Нужно было дать организму раненого хоть немного восстановиться перед дорогой. Тряска после операции могла возобновить кровотечение. С перестрелки у кладбища прошло уже часов пятнадцать. Они жутко устали и по очереди поспали часа по два.

Доверие, возникшее между Аризоной и Кэт, позволило ей принять решение о переносе раненого на базу с рассветом. Осторожно, не раскрывая деталей маршрута и расставленных ловушек, они двинулись в путь. На первых же пятидесяти метрах от сохранившегося подъезда Кэт остро почувствовала слезку. Это шестое чувство, отточенное многомесячной борьбой за жизнь, безошибочно сигнализировало об опасности. Кэт, не подавая виду, предложила Аризоне передохнуть. Алекс тащил оружие и боеприпасы Москвы.

Когда они остановились, она резко присела на колени и вскинула свою “свечку”.

– Войу, войу, войу. Потише, сестренка, не пали в меня, – внезапно прозвучал знакомый женский голос из-за руин. Из-за нагромождений крупных осколков выглянула физиономия Лилит, а затем она вышла из своего укрытия. Она почему-то была безоружна и имела очень измученный вид. Разбитое лицо не потеряло своей привлекательности, но немного распухший нос и потрескавшаяся губа выдавали недавние проблемы Туман. При этом линии глаз и бровей были прекрасны и безупречны. Она по-прежнему свободна от всех возможных установок, запретов, табу и абсолютно неземная, с печатью роковой женщины на челе.

– Лиль, что случилось, как ты? ты где была?

– Пирог пекла, – Лилит снова ухмыльнулась. – Как он? Я поняла, что это вы, но не стала ночью подходить близко, мало ли шамальнете.. Из шальной императрицы превращусь в шамальную... Решила подождать. Куда его? Где все?”

– Монастырские все ушли, было что-то вроде маленького бунта, убили свою же грузинку, но Алекса задел “солист”, – в печень. Пулю достали, думала не справлюсь с кровью, но нет, вроде норм, заштопала. Аризона вот очень помог.

Кэт кивнула сторону американца. Аризона смотрел на Туман. Он был спокоен стоял и наблюдал за этими двумя так сильно непохожими, но прекрасными женщинами. Аризона ощутил непреодолимую тягу к Лилит, хотя заранее прекрасно знал, что их взаимоотношения ничем хорошим не кончатся. Сердце его качало кровь все быстрее и быстрее, со стороны это было не заметно. Сила, скрывавшаяся в этой женщине была бесконечна, она, эта сила, могла напоить живительной энергией, могла убить. И то, и другое более чем устраивало Аризону. Он видел только ее глаза и лицо, все остальное с этого момента стало декорацией сцены их встречи.

– Что у тебя произошло? – Кэт спросила Лилит повторно, – где твое оружие, что с лицом?

Лилит пересказала практически все, но утаила причины, по которым она с группой вернулась к котельной, и то, что ей поведал Бочонок о катадине. Она рассказала, что ее вытащил “Четвертый”, который нашел ее в подземелье.

– Я сидела прикованная к стене и подыхала. Он отомстил за своих сполна. И вдруг меня нашли. Что было просто чудом, я так и не поняла, каким поразительным способом он нашел меня.

На этих словах она запнулась, потому что вспомнила тот яркий свет огня, привидевшийся ей в плену. Она вспомнила, как щурилась от боли, когда картина, которую она видела, обжигала ее зрачки.

Она не понимала до конца, играет она сейчас, как обычно, или говорит искренне. Играя, она всегда получала некую долю счастья. Игра это всегда утонченная привилегия элиты. Досуг развитых существ, умеющих ценить состояние беспечности и ничегонеделания, помноженное на игровое искусство. А элита – это небольшая группа особо одаренных людей. Среди которых Лилит, несомненно, чувствовала себя равной.

Каждый взрослый знает, что такое игра, и если они позволяют себе играть, то для возвышения своей собственной повседневности, не давая принижать ее грубой бытовухой и пустой серьезностью. Дети, вырастая, отказываются от игр. Взрослые, конечно, тоже играют, но грубо и не постоянно. И только высшие слои общества сохраняют и развивают постоянную способность к тонкой игре.

Туман всегда задавалась вопросом, почему люди из высшего света так любят это действо, так любят затягиваться игрой и вдыхать иногда ядовитые, отравленные дымы. Куда уходят корни этой науки – играть и побеждать в человеческих играх? Почему одним дано всегда одерживать верх, вопреки всему, другим – постоянно проигрывать? Почему игры такие разные, но они – единственное социальное взаимодействие, которое дает человеку чувствовать настоящий триумф и настоящую горечь поражения. Остальное в игре как бы не настоящее и не серьезное. Хотя в людских играх ставками служат не только материальные атрибуты, но и человеческие жизни, а иногда еще и целые страны и континенты.

Туман понимала, что Кэт вполне сильный соперник по играм, может даже чуточку умнее и интеллектуальнее. И даже чуточку красивее – противная ревность свербила где-то тоненьким дрожащим червем в глубине души. Но тем слаще была бы победа, тем вкуснее был бы вдыхаемый воздух триумфа.

Центральной фигурой был Москва, и Лилит замыслила тонкую, изощренную месть. Она понимала, что ее оставили на этом свете для того, чтобы она переосмыслила и поменяла свои взгляды, она обязательно это сделает и даже сходит в разрушенную церковь, где служил Монах, и поставит свечу в знак раскаяния. Но это потом, сейчас нужно отплатить сторицей за тот мерзкий обман Алекса Москвы. И уже не важно, что Лилит сама хотела присвоить “груз”, а он ее опередил. Небеса милостивы, они простят ей все ее прегрешения, ведь для чего-то ее сохранили. Теперь она не была уверена в том, что все что она видела, будучи прикованной к стене в подвале, не было плодом ее фантазии. В конце концов, ее нашел и освободил Четвертый, который следил за ними и хотел увидеть, куда они спрятали оставшийся “катадин”, а не апостол Петр из видения. Все логично, правда в том, что если бы не интерес Четвертого к “акватабс”, то она осталась бы там, и ее скелет никто бы не нашел. Если чудо исчезает под натиском правды, значит, это не чудо.

– Ему нельзя дать умереть, он слишком много для нас сделал, – выдохнула взволнованно Туман.

Для мужчин это звучало вполне правдоподобно. Присущая большинству женщин способность сыграть “искренность” заставила бы поверить в ее переживания даже детектор лжи. Кэт промолчала, она, казалось бы, ощущала изнутри самой Туман всю гротескность пафоса этих слов, она смотрела на ночь ее темной души глазами самой ночи, но не собиралась ни сопротивляться, ни развенчивать ложь.

Кэт было нужно дотащить Алекса до дома, и еще одни руки давали им шанс донести его быстрее и без особых осложнений.

– Послушай, Лиль, если мы сейчас остановимся, то я метнусь к ДОМу и приведу кого-нибудь из ребят, вчетвером будет намного веселее.

Алекс застонал в импровизированных носилках.

– Промедол есть? – Лилит вопросительно посмотрела на Кэт. Та отрицательно покачала головой. В это время Алекс Аризона прокашлялся.

– Let me, ladies, – он протянул шприц с промедолом в правой руке.

Кэт гневно посмотрела ему в глаза:

– Откуда, почему ты не дал раньше?

– Sorry, Кэт. Нас учили, что свою аптечку нельзя трогать, если ты делаешь жгут своему коллеге – бойцу, то только жгутом из его аптечки. Потому, что следующая пуля может прилететь в тебя, и твой жгут понадобится тебе самому. Но сейчас я сделаю исключение.

Он растянулся в широко улыбке под одобрительный взгляд Туман. Ситуация с Хитрованом повторялась один в один. Мужики готовы были стелиться перед Лилит персидскими коврами.

– Надеюсь, что тебе пуля сейчас не прилетит, и твой промедол не потребуется тебе. В ДОМе есть аптечка, я принесу, – ядовито ответила Кэт, – я пошла за помощью.

Она не хотела нарушать устав ДОМа выработанный Алексом, но втроем они останавливались через каждые десять – пятнадцать метров, тащить было очень трудно. Вчетвером была возможность нести почти без остановок, к тому же в ДОМе были одни нормальные армейские носилки.

Они вернулись вместе Хитрованом через час. Хачик понял все с полувзгляда, и через пять минут у нее была аптечка с промедолом и тампонами. Он предложил Кэт оставить винтовку для облегчения веса, но она не согласилась. Она предупредила, что будут чужие – Лилит и Алекс Аризона. После потери Жорика Хачик относился к Лилит с плохо скрываемой ненавистью.

Хитрован же, напротив, как кролик, движущийся в пасть удава, ожидал встречи с нетерпением. Кэт понимала, что Туман будет крутить ими с Аризоной, как захочет, и будет вить веревки.

На Хитроване были щеголеватые защитного цвета бриджи, такого же цвета куртка и кроссовки, которые он берег и очень редко надевал.

“Вырядился, фазан!” – подумала Кэт, глядя на него, но промолчала и ничего не сказала. “Если ты видишь свою слабость, попробуй обратить ее в силу, – учил ее Алекс. – Хуже, когда человек не хочет видеть свои слабости”.

Хитрован был слабым звеном, это очевидно. Она использует Хитрована против Лилит, если понадобится. Она пока не знала как, но часто ситуация сама подсказывала. У Кэт были небезосновательные сомнения в искренности Лилит. Когда она попробует использовать Хитрована в своих целях, Кэт нанесет мгновенный контрудар. Мало кто знал, что Хитрован страдает от диабета, он это тщательно скрывал, лишь только Кэт однажды увидела приступ. Сразу оценив обстановку, она запихнула ему в рот небольшой кусочек дефицитного дикого меда в сотах. Она хранила его для себя на экстренную ситуацию, как запас глюкозы в длительных вылазках. Хитрован умолял ее не рассказывать никому, и Кэт дала ему такое обещание. Запасы инсулина у Хитрована были припрятаны недалеко от дома, и их хватило бы еще месяца на три или четыре. Он показал свой тайник Кэт – на всякий случай. Если Хитрован будет готов пожертвовать ДОМом и его обитателями, то тогда ДОМ будет готов пожертвовать Хитрованом.

Вот он этот двор, где Кэт оставила Алекса, Лилит и Москву. Уже знакомый остов обрушившегося подъезда, два окошка квартиры, в которой Кэт проводила операцию, поблескивали отражением солнечных лучей. Кэт даже испытала какое-то чувство благодарности за предоставленную “операционную” и спокойную ночь, первую, с момента нелепой смерти Андрюхи Сибиряка. Прощай, временная обитель. Теперь здание выглядело пусто и безжизненно, как будто подъезд поделился последними жизненными силами с Алексом на операционном столе.

Кэт, как и обещала, несла из дома аптечку с промедолом, запас которого был на исходе. “Ничего, потом еще достанем или выменяем у кого-нибудь”.

Она взяла немного еды с собой. Хачик сделал хлеб из муки, приправленный семечками и фасолью, – получился вполне съедобный и ароматный пирог.

Лилит и два Алекса находились на том же месте, где Кэт их покинула, и тихо о чем-то говорили. Аризона выглядел озадаченным, было видно, что он не решался сближаться с Лилит и держал себя на некотором психологическом расстоянии, Лилит же, видя и понимая его отношение к себе, не торопила и не пыталась развивать события. Она встретила Хитрована доброй приятельской улыбкой, которая совершенно не содержала флирта, но в тоже время указывала на особую близость между ними. Хитрован, видя чужого, ответил сдержанно на приветствие Лилит и вежливо поздоровался с американцем, давая почувствовать, что он старший мужчина здесь, пока Алекс Москва находится “вне иры”.

– Хитрован, – он протянул руку американцу.

– Аризона, Алекс..., – протянул ему тот руку в ответ.

– Нужно немного подкрепиться и пойдем в ДОМ.

Кэт разломила хлеб Хачика. Она передала каждому по большому куску и раздала фляги с водой. Хитрован вежливо отказался. Он присел рядом с Лилит и осматривал окрестности, пытаясь обнаружить опасность. Кэт приложила флягу к губам раненого и немного смочила их.

– Пока вы будете есть, я притащила физраствор, нужно восполнить Алексу потерю жидкости в организме. Сейчас поставлю ему капельницу.

Она ловко вогнала иголку с длинной силиконовой трубкой в вену и подвесила пакет с физраствором на палку.

– Почти как в Боткинской.

Лилит улыбнулась и стряхнула крошки с ладоней:

– Спасибо, давно так вкусно не завтракала. Кать, отойдем, мне нужно тебе пару слов шепнуть?

Они удалились шагов на пятнадцать, так, чтобы их нельзя было услышать.

– Послушай, я понимаю, что ты мне не доверяешь, – и правильно делаешь, но у меня нет намерения вам вредить. Я перекантуюсь у вас немножко, приду в себя, соберусь с мыслями и уйду. Я твоей помощи не забуду и буду благодарна по гроб жизни. Ты сама видишь. Мои подвели меня “под монастырь”. Но я с ними справлюсь. Когда все немного уляжется, я зайду туда, у меня есть много моих людей. Я войду и возьму все подконтроль. Никто мне там не конкурент. То, что в вас стреляли, – моя вина, я слышала, как Монах раздает указания на случай, если мы не вернемся, или вернемся не полным составом. Мы должны были посигналить людям в монастыре ракетой, но мне казалось, что мы должны были оповестить караулы уже на самой границе “монастыря”. Прости меня. Даст бог, Алекс быстро поправится, – он крепкий мужик. После я отплачу тебе добром. Не обещаю, что мы будем всегда союзниками, но ты никогда не получишь от меня нож в спину.

Кэт молча слушала ее. То, что она говорила, звучало логично. Ей сейчас действительно некуда было идти, в монастыре в ближайшие пару дней будет каша. В отсутствие Монаха и Лилит многие захотят подмять базу под себя, насилие и убийства неизбежны. Проще дать ситуации устаканиться самой, а потом убрать нового “монаха”, встав на его место.

– Хорошо, я позволю тебе оставаться у нас столько, сколько, сколько тебе необходимо. Просто соблюдай наши правила, не пытайся подмять все под себя. Придется и полы помыть, и готовить, и на часах постоять. Будешь вести себя как и все, проблем у тебя не будет. Дедовщины у нас нет. А дальше делай, что делаешь, только постарайся побыстрее, не затягивать.

– Готовить я люблю, зря ты так, было бы из чего. Что касается уборки, дозоров и всего такого, я поняла и принимаю. Больше помощи я не прошу, – с остальным разберусь сама. – Туман была необычайно серьезна.

– Если это все у тебя, – пошли, не забывай, – у нас раненый, – Кэт кивнула в сторону Алекса.

Они продолжили вчетвером, – двигаться стало намного легче. Хитрован и Кэт несли армейские впереди носилки, зная дорогу и обходя многочисленные ловушки, расставленные на пути, Алекс Аризона и Лилит – сзади. Для удобства все перевесили оружие на спину.

Команда почти дошла до последнего поворота перед ДОМом, когда перед ними внезапно встал Четвертый, взявший Кэт на прицел. На ее высоком и красивом лбу заиграла точка от лазерного прицела “кюзизетки”. Хитрован оцепенел и пытался что-то сказать, но Кэт остановила его жестом.

– Стоим. Аккуратно кладем носилки на землю. Медленно, не делая резких движений. Поднимаем руки. Как тебя зовут? – Четвертый обращался к Кэт, которая уже медленно подняла руки вместе со всеми остальными.

– А кто интересуется?

– “Четвертый” интересуется.

– Екатерина меня зовут.

– Прекрасно, ты пойдешь со мной, Екатерина.

Кэт покраснела, она почувствовала, как кто-то сзади вытащил пистолет из ее кобуры на бедре и снял с плеча ее “свечку”.

– Прости, дорогая, так получилось. Ты не виновата, – Кэт услышала голос Лилит у себя за спиной. – Ты пойдешь с ним.

....

– Какая же ты все-таки мразь!

Даже Хитрован опешил от такого поворота, когда Четвертый увел Кэт. Голос его был безжизненным. Никто не сумел оказать сопротивления чужаку, все произошло почти мгновенно.

– Умолкни. Тебя не еще спросили. – В глазах Лилит мелькнули молнии, – Потащили дальше. Хитрован, ты впереди с Аризонай, показывай дорогу.

– Ты еще ответишь за это, Иуда...

– Отвечу, отвечу, – выдавила Лилит, напрягая связки, потому что подняла носилки сзади, со стороны ног Алекса. – Но только не перед тобой.

– А перед кем?

Лилит промолчала и подумала про свой сон в подвале. Ей стало страшно, когда она вспомнила капли кровавого дождя, поливающего с неба все живое. Она подумала об Иуде. Как мало она знала. Жаль, что раньше не читала про это.

А ведь если это был не сон, то все в жизни предопределено. В том числе и предательство Иуды в Новом Завете в Библии.

Хорошенькое дело, обвинять в предательстве того, кто не в силах изменить предначертанное. А потом обречь его на тысячелетия презрения. Как-то не очень справедливо получается, если Иуду не простили там, наверху. Лилит посмотрела на небо. На одной чаше весов “повисеть на кресте” и потом получить сострадание и любовь со стороны людей, на другой чаше – позор и отвращение всего человечества до конца истории.

А ведь Иуда считался лучшим учеником и не мог не понимать этот грех, не мог не предсказать последствия для себя, но не мог сопротивляться ему. А что, если Иуда и есть сам бог? Бог, решивший пропустить через себя всю слабость, низость и ничтожность человеческой души, в том числе и предательство? Ведь фишка была в том, чтобы прожить человеческую жизнь всю целиком, без прикрас, такую, какая она есть. Может, он избрал Иуду своим воплощением?

Чтобы спасти нас, он мог избрать любую из судеб. И хотя Иуда был проклят и повесился, или как там он самовыпилился, он произрастает в каждом из нас, людей, в каждом новом поколении. “Нет, подруга, так не пойдет, так любое предательство можно оправдать, даже “Тоньку-пулеметчицу”*, в ней тоже жил бог? Бог, расстреливавший людей и снимающий с трупов украшения и шмот? это вряд ли..”

При этом, чувство справедливого возмездия не покидало ее израненную душу. Она мстила и отвечала той же монетой Алексу. Ведь это он увел ее ресурсы, а значит, и он тоже должен потерять что-то очень существенное. Таким важным и ценным для Москвы была Кэт. Уже не имело значения, что именно замышляла Лилит до этого. Алекс сделал свой ход, ситуация поменялась, теперь очередь Туман.

Они легко нашли общий язык с Четвертым, когда договорились поддержать друг друга.

Лилит была нужна Четвертому, как человек, который подчинит себе “монастырь” и выступит с ним вместе против “китаёз” в нужное время. Она же, с его помощью, избавилась от Кэт, которая была помехой к контролю над ДОМом и Алексом. Маленькая тайна, группа крови Кэт, сохранила ей жизнь. Когда они сошлись в схватке в ДОМе в предыдущий раз, Лилит проверила каплю крови со своего клинка анализатором и увидела, что у Кэт третья положительная, единственная группа крови, вызывающая бурный активный интерес у китайцев.

Таких людей принимали в цитадель сразу, без ограничений и формальностей. Это была скромная плата, аванс Четвертому в залог их будущему сотрудничеству, Четвертый знал, как распорядиться этим обстоятельством. Они вместе с Четвертым отследили, как Кэт сделала операцию, и решили дождаться ее исхода, прежде чем приступить к действиям. Было непонятно – выживет ли Москва, от этого зависело как именно они вернут контроль над всем объемом катадина.

Путь до ДОМа занял еще полчаса...

НЕкатарсис

Лилит быстро овладела разумом Хитрована. Оно и понятно, простой мужик, имевший общение с женщиной несколько лет тому назад. Не очень привлекательный внешне и не очень далекий, как говорили в народе о людях с коротким умом, потерял голову от знаков внимания Туман.

Дружеских прикосновений, граничащих с намеками на что-то больше чем дружба, было достаточно чтобы всколыхнуть желание Хитрована быть полезным, быть рядом и служить новой обительнице ДОМа. Конечно, Хитрован был шокирован тем, что произошло с Кэт. Когда они бежали по дороге та успела вкратце рассказать про бой на подступах к водоканалу. Про американцев, про то как ранили Алекса и как она с другим, аризонским Алексом его оперировала. Хитрована скорее шокировал наскок, он никак не ожидал внезапного появления чужого.

Его не очень беспокоила несправедливость того, как обошлись с Кэт, больше его волновало “туманное” настоящее будущее, все менялось, все балансы нарушились и ему пришлось снова выбирать с кем он. Хитрован научился выживать, ему не впервой приспосабливаться к новым людям и условиям.

С одной стороны, было непонятно вытянет ли Москва, и как долго он будет восстанавливаться. С Алексом спокойно и надежно, вон какой ДОМ он сумел отхватить и обустроить там крепость. Когда Алекс взял к себе оборванного, ослабевшего Хитрована, он даже и мечтать не мог о горячей пище, одеялах и чистой воде. Если вытянет, с Алексом не пропадешь. Хоть строгий и злой, но справедливый мужик. С другой стороны, если быть полезным для Лилит, то можно неплохо устроиться в монастыре. Там совсем другая жизнь, другая кормежка, девочки и всякое такое.

Нужно было жить дальше, Кэт это был не первый человек, которому Хитрован не сумел помочь. Дело рук утопающих, не мешать остальным отдыхающим. Он не испытывал каких-то угрызений совести.

Это было вновь сменой окружения. К старому он так не успел привыкнуть окончательно. В ЭТОЙ жизни не было ничего постоянного кроме изменений.

Они дотащили до дома носилки с Алексом.

– Хачик открывай, мы пришли.

Мост тяжело опустился на периметр и ворота отворились. Хачик вышел навстречу и перехватил ручку носилок.

Собаки на привязи вяло размахивая хвостами и пытались издали обнюхать пришедших. В их поведении не наблюдалось радости, словно он понимали, что Алекс Москва все еще находился в бредовом состоянии.

– Давай в подвал. Там тепло, кровать и вода близко, – сказал Хачик почти без акцента мельком взглянув на Лилит и Аризону, – я застелил там кровать. Где Катерина?

– Потом расскажу, – сдавлено ответил Хитрован. Хачик бросил на него тревожный взгляд из-под нахмуренных кустистых бровей. Потом перевел взгляд на Лилит и Аризону, но промолчал.

– Эй Аризона, снимай с себя оружие, все оружие. Хитрован небрежно махнул рукой в сторону американца, – нужно показать этому новенькому кто в доме хозяин, чтобы он не вздумал наводить свои порядки и правила. – Давай, давай не смотри на меня как на статую. Вот здесь положи.

Хитрован указал на пол около входной двери на первый этаж. Алекс взглянул на Лилит, та спокойно кивнула ему головой. Тогда Аризона невозмутимо проверил патроны в патронниках, разоружился, оставив оружие в месте где ему указали.

Когда Москву отнесли в подвал и уложили на койку, все вышли на улицу и Лилит попросила Хитрована разместить их в ДОМе и дать возможность умыться и привести себя в порядок.

– Будешь спать со мной, в моей комнате. – Хитрован посмотрел на Аризону, – Лиль, ты оставайся в комнате где была, там твои вещи, их никто не трогал, хорошо?

Он слегка прихватил ее за плечо и говорил это заглядывая ей в глаза.

– Хорошо. – ответила Лилит нежно погладив его рукой и как бы невзначай коснулась его упругой грудью обходя Хитрована на пути к лестнице, ведущей на второй этаж.

Хитрована словно ударило электрическим током от этого прикосновения. Он ничего подобного не ощущал в своей жизни. Он не мог бы описать это словами, но чувствовал, что ее прикосновение привело в дрожь его тело, которое обрело способность питаться новой, неведомо энергией, витающей в воздухе. Это было не просто прикосновение красивой женщины, а подтверждение его мужественности и подведение итоговой черты под его правом на существование как мужчины. Это было неуловимое ощущение мгновенного физического удовольствия, от запретного соприкосновения с женским телом. Касания, нагнетающего желание обожать Лилит, осознание собственной значимости и гордости за ее выбор.

Поднявшись на пару ступенек, она взявший за поручень обернулась и сказала Хитровану с улыбкой,

– Кирилл, если можно, как освободишься зайди ко мне, пожалуйста, у меня есть большая просьба к тебе.

Никто в ДОМе кроме нее не знал, настоящее имя Хитрована. Она выведала это в прошлый раз, когда ночевала в ДОМе с командой Алекса перед походом в Водоканал. Хитрован просиял и кивнул в ответ.

– Ок, я я сейчас посмотрю, что Хачику потребуется и приду. – Он перевел взгляд на наблюдавшего за ними американца

– Пойдем Алекс, я покажу тебе твое место. – делая особое ударение на последнем слове.

Он уже представлял о том, о чем его могла просить Лилит. Но мечтам Хитрована о жаркой ночи с ней не суждено было сбыться. Она все так же с улыбкой приняла его у себя в комнате, но не позволила даже поцеловать себя в щечку

– Кирилл, потом. Все будет, все что пожелаешь, но не сейчас. –Твердо, но вежливо отстраняя его от себя усадила Хитрована на стул напротив себя

– Когда? – он согласился присесть. – Все, что пожелаю?

– Все, все. Вообще все. – Ее глаза сверкали игривыми огоньками.

– Но прежде мне нужна твоя помощь. Мне не на кого рассчитывать, кроме тебя. Америкос, не в счет. Я ему не доверяю, во-первых, я не знаю какой он в жизни, во-вторых он все еще ни бельмеса не понимает куда он попал. В-третьих, ты мне кажешься надежным мужчиной.

– Говори, что нужно делать?

– Скажи, а это Хачик тут сам справиться с Алексом и Аризонай? Он как, мужик шустрый?

– Да, конечно справится, а что?

– Ты же свободный человек... –Лилит дождалась его ответного кивка

– Мне нужен партнер в монастыре, я одна там не разберусь, меня как женщину не все будут слушать. Нужно чтобы рядом был тот, кто меня защищает. Говорить ничего не нужно. Будь рядом. До тех пор, пока все на базе по полочкам разложу. А потом сам решай оставаться со мной или возвращаться сюда. Как думаешь?

– Да впрочем, думаю смогу... Хитрован тот еще «перец», – Хитрован усмехнулся, говорил о себе в третьем лице.

Лилит посмотрела на него укоризненно Она нахмурила брови

– Я тоже думаю, что для тебя ничего сложного, ты сможешь. Но немного твердости бы не помешало тебе, что за кличка у тебя Хитрован? Говори, чтобы тебя все называли по имени. У тебя красивое имя, Кирилл. Я-то понимаю, что ты достойный мужчина, остальные тоже поймут. Ну все иди, отдохнем часов шесть и выдвигаемся. Я сама тебя разбужу, за час до выхода.

– Договорились Лиль, хорошая моя. Только это, че там с Каткой?

– С ней все в порядке, она не дала бы мне с тобой договориться. Пришлось отстранить. Ее поддержат немного при монастыре потом отпустят. – Хитрован посмотрел на собеседницу стесняясь своего недоверия. – Да, я тебе отвечаю, не переживай за нее. Или мне ревновать?

– Нет нет, Лиль, какая ревность, о чем ты? Я все для тебя сделаю. Раз говоришь, что с Катюхой все нормально. Я тебе верю. – Хитрован встал

– Хорошо иди готовься и отдыхай мой тигр. – она еще раз тепло улыбнулась ему, провела ладонью по ширинке сверху вниз, и шутливым и назидательным тоном проговорила

– Смотри не растеряй свою силу, она нам нужна.

Хитрован широко улыбнулся в ответ и вышел. Он с радостью принял предложение Лилит. Он даже не уловил ни тени женского лукавства. Он не почувствовал сгущающихся над ним туч. Она поманила его, и он недолго думая, решил оставить свое пристанище и его обитателей. По большому счету, он Алексу и другим обитателям ДОМа не был ничем обязан.

Его нахождение в ДОМе было добровольным, свою благодарность он продемонстрировал, защищая ДОМ в боях, вылазками с Алексом и Кэт, где он рисковал своею жизнью наравне с остальными. Ни много, ни мало. Он человек свободный. К тому же он ничего хренового по отношению к своим “корифанам” не делал.

“Они потом мне еще должны будут спасибо сказать, за то, что помог Лильке навести порядок в районе где мы всем скопом совместно проживали. Монастырь все-таки сила”. Туда слабые не приходили, точнее они там не выживали. “С этой лысой Каткой тоже все будет нормально, - он вспомнил про Кэт, - а даже если и нет, то хрен с ней, она бы мне все равно не дала бы”

Хитрован думал о ней без злобы, это было проявлением житейской логики, простого мужика. Конечно, он немного завидовал Алексу, но не настолько чтобы желать в действительности завладеть Кэт. Он, как и любой не самый сильный в команде добровольно подчинялся лидеру. Он знал свое место в коллективе и понимал, что у него нет права на женщин Алекса.

Когда Хитрована приняли в команду Алекса отчаявшимся и понимающим свое ничтожество, он словно придавленный жизнью и последствиями катастрофы, из самых последних сил искал надежду. И он обрел ее. Его приняли и позволили стать частью команды. Почти на равных со всеми. Хитрована полюбили за беззлобность, простоту и открытость. В прошлой жизни он был самым обычным представителем неназванного класса, где-то между рабочими и служащими. Работал он, то менеджером, то водителем, то сотрудником склада.

Он представлял тех, чье существование, их крошечные, редкие моменты счастья и неподъемные горести мнились всем, более состоятельным и удачливым в той жизни, вовсе несущественными, недостойными внимания.

Унаследовавший от отца из рабочей интеллигенции грубоватую внешность и редкое умение, для людей из этого круга, слушать других, быстро расположил к себе всех. При этом, чем ограниченнее был его ум, чем теснее и грубее его понятия, скуднее словарный запас, тем шире и честнее казалось его сердце.

Хитрован получил свое прозвище потому, что совершенно не умел хитрить и изворачиваться. Каждый раз, когда он замышлял мелкий сиюминутный обман или серьезное притворство с каким-нибудь умыслом, они неизменно вскрывались обитателями ДОМа под веселый смех или добрые шутки. В ДОМе смеялись и говорили, что Хитрован “спалился”. Сначала он дулся, но потом смеялся со всеми и искренне не умея обижаться на дружеские подтрунивания.

Его наивные взгляды на сильных “ТОГО” мира, отсутствие амбиций, желания, подавляемые страхами, выдавали в нем человека, воспитанного в духе почитания стоящих выше в любой иерархии, угодничества и услужливости.

Хотя, как и любой человек, доведенный до “ручки” мог послать и даже оказать физическое сопротивление.

Смиренность и податливость Хитрована делали его неплохим дисциплинированным бойцом. При этом его нельзя было назвать трусом, он неплохо стрелял, хорошо ориентировался на местности и в боевой обстановке. Мог как надежно прикрывать тыл в схватке, так и идти в атаку с одинаковым задором.

Под утро Лилит проснулась, но не обнаружила своих ботинок у кровати, "что за хрень?" подумала она. У кровати лежали сланцы, а на стуле напротив, чистая пара носков, "Меня определенно в этом ДОМе считают своей, заботятся" она вспомнила как Кэт дала ей полотенца и белье. Она быстро умылась, оделась, осмотрела себя в зеркале. Хороша.

Тихонько подошла к его комнате, но он, услышав шуршание ее одежды рывком открыл дверь перед ней. Лицо его сияло улыбкой.

— Я все подготовил, немного еды, воды, аптечка. Вот...—, он протянул ей иссиня черную обувь.

— Ты спала, я почистил твои ботинки.

— Ты мне...? —, она улыбнулась в ответ, — Ты что? Ты совсем не спал?

— Да-а, ерунда! Мы тут выпались пока вы воевать ходили. Есть будешь? Кофе правда нет, но есть чай из трав, я сам собираю.

Лилит кивнула в ответ, но держа кружку в руке не сделала ни глотка, они быстро позавтракали.

— Я поговорил с Хачиком все, норм. Он готов присмотреть тут за всем пока нас не будет. Тебе не понравился чай?

— Понравился, очень вкусный.

— Как вкусный? Ты даже не попробовала... — он пожал плечами. Лилит ничего не ответила, взяла свой рюкзак и оружие и встала в ожидании у выхода.

Выйдя с рассветом, они направились через лабиринт минных полей в сторону монастыря. Они порядочно отделились от ДОМа, километра на полтора.

Неприметная дорожка, сквозь кучи хлама и обломков, была уже знакома Лилит. Детали маршрута довершали план, придуманный накануне. Вот большая гора мусора за углом разрушенного дома, тут узкий проход рядом со стенкой, через бесчисленные обломки кирпича и куски заржавевшего кровельного железа. Нужно осторожно балансировать, чтобы не сойти с узкой линии. Небольшой подъемчик, чуть выше уровня человеческого роста, а затем следующий за ним спуск, скрывал от глаз дальнейший путь.

— Давай, я тут вперед пройду, ты иди за мной шаг в шаг. Здесь если не туда наступишь - "кирдык".

— Хитрован обошел молчащую и сосредоточенную Лилит. Он юркнул в узкий проход.

Вдруг, на самой вершине горки, он почувствовал мощнейший толчок в спину. Он не упал, но в попытке сохранить равновесие, наклонил корпус вперед и размахивая руками словно крыльями, был вынужден сделать несколько больших быстрых шагов. Едва удерживаясь, почти бегом, Хитрован сошел с невидимой безопасной тропы.

Он не успел испугаться. Все произошло слишком быстро. Ему казалось, что мозг пульсировал, крича о том, что нельзя наступать на большой кусок оцинковки. Он же сам видел, как Алекс устанавливал под ним мину два месяца назад. Оцинковка лежала посреди широкого лаза, образующего некую траншею.

Непрошенным гостям могло показаться, что она удачно расположилась на самом удобном и безопасном месте для обхода груды наваленных обломков. Это была всего лишь одна из сотен ловушек, заготовленных на дальних подступах к ДОМу, почти на краю алексовских минных полей.

Взрыв был похож на хлопок. Как будто вовсе и не мина рванула. Скорее всего его даже не слышали в ДОМе. Серый зонт дыма взметнулся вверх и быстро растворился в воздухе, вместе с ним и куски грязи, осколки кирпича, железа и плоти разлетелись на несколько метров вокруг.

Хитрована отбросило взрывной волной всего на метра полтора вперед. В первые секунды после хлопка на его лице, забрызганном кровью и покрытом пылью, не было видно испуга, лишь какую-то, казалось бы, преждевременную притворную эмоцию, выражающее страдание. Он не чувствовал боли в первые мгновения и попытался развернуться к подъемнику, которой он не сумел благополучно преодолеть. Он хотел убедиться, что это именно Лилит его толкнула на мины.

Но он никого там не увидел... Хотя всматривался секунд пятнадцать, пока не почувствовал пульсирующие толчки крови на правой голени, на месте ступни. Точнее на месте того, что от нее осталось. Там висели лоскуты кожи и торчала раздробленная кость. Ноги больше не было. Сначала, его лицо озарилось выражением восторга от осознания того, что он выжил, глаза его загорелись, но очень быстро оно исказилось гримасой от боли. Зубы сжались до скрежета и Хитрован взвыл. Дыхание участилось.

Немного отдышавшись он решил осмотреть себя чтобы оценить последствия. Он с большим усилием оторвал качающуюся голову от земли и подумал, что нужно наложить жгут выше колена, но с ужасом обнаружил, что кисть левой руки тоже сильно изуродована. Три пальца правой болтались на белых сухожилиях. Он застонал и изо всех сил закричал:

– Лиля-я-я!!!,– а потом еще раз, собрав последние силы, – Па-ма-ги мне, пожалуйста!!!

Он ждал, что она придет на помощь. Но она так и не появилась, либо погибла тут за насыпью, либо бросила его. Через десять минут он, истекая кровью, зарыдал. Он был в сознании, но понимал, что если помощь не придет в ближайшее время, то он умрет.

Кричать было бесполезно, в ДОМе его никто не услышит, вокруг никого. Его автомат, все еще висел у него на плече, но что толку от него? - он не мог стрелять. Зубами и одной израненной рукой он с трудом наложил два жгута на обезображенные конечности. После он обессилел и просто лежал.

Иногда, он что-то тихо шептал. Если кто нибудь рядом пытался бы разобрать его слова, то он услышал бы причитания Хитрована.

– Вот тварь, вот тварь... На хрена я с ней поперся, вот тварь...

Глаза его были направлены в сторону ДОМа, из них градом катились слезы.

– Простите меня братцы, простите... подвел я вас. Хитрован вас подвел...

***

Лилит была уже далеко, когда он в первый раз потерял сознание. Она двигалась тропой, которую успела выучить по записке Четвертого. Она приближалась к месту, где Четвертый скрытно вел наблюдение за монастырем, несколько дней назад. Отыскав позицию, она устроилась и вытащила небольшой армейский бинокль, чтобы разглядеть, что происходило на территории, где ей предстояло править. На складах кипела непонятная деятельность и Лилит не сразу разглядела, что люди отстроили огромную конструкцию, которая оказалась групповой виселицей, наподобие конструкции Монфокона, где ячейки для повешенных были разделены вертикальными столбами и горизонтальными балками. Всего два яруса, углом - буквой "Г" по три в ярусе, всего восемнадцать ячеек. Каждая ячейка была окрашена в черный цвет. Семнадцать из них были уже заняты, в них висели люди с завязанными за спинами руками. Она напрягла зрение. Над каждым повешенным, на горизонтальной балке, белой краской было написано имя казненного. Лилит вздрогнула. Она читала имена и понимала, что кто-то повесил всех ее близких, тех на чью поддержку она могла бы рассчитывать во внутренней войне в монастыре за власть. На верхней балке, последней, свободной ячейкой, которая была раскрашена по особенному-в ярко красный цвет, красовалось имя "ЛИЛИТ" и ниже в скобках "ТУМАН".

– Суки, вы еще ответите мне все...

Буквы были выведены жирным, красивым почерком. Посреди ячейки висела свободная веревочная петля. Под петлей стояла чаша в которой что-то дымилось. Расстояние не позволяло увидеть, скорее всего это сырые опилки из коптильни. Кто-то поставил дымящуюся чашу для того, что бы привлечь внимание приближающихся к монастырю.

Лилит поняла, что возвращаться туда нельзя. В ДОМ, впрочем тоже. "Монофкон" в корне менял баланс сил. Туман подзревала, что ее могут ждать неприятные сюрпризы в Монастрые, но она была уверена, что при помощи тех, кто сейчас висел в этих страшных ячейках, девочки из борделя Монаха, а затем и оставшиеся мужчины покоряться ей быстро. Она сама планировала публично казнить несогласных. Кто не с нами тот против нас... Но все пошло не так. Теперь ей нужно было хорошенько все обдумать, ей пока нельзя показываться тут. Она подождет пару месяцев. До тех пор пока про нее забудут. Но она вернется, в груди ее пылал гнев. Она очень жестоко убьет каждого, кто был причастен к этой проклятой виселице.

***

Сознание Хитрована, то прояснялось, то потухало. Он пролежал так в одиночестве довольно долго, он уже не помнил толком, где он и кто он. Смеркалось.

В тихом вечернем воздухе пронесся звук, от которого стыла кровь у многих местных обитателей в округе: постукивание металлического наконечника палки для скандинавской ходьбы. Стук ритмично приближался к Хитровану и вскоре в глубине лощины, над которой начал подниматься вечерний холодный туман, стал заметен приближающийся раскачивающийся огонек. Хромой пожилой мужчина, неся в левой руке керосиновый фонарь и плетеную корзину из-под фруктов, медленно приближался к месту где лежал Хитрован. Он был грузный и высокий, почти гигант. Палку, на которую он опирался, перекачиваясь при ходьбе словно баркас на штормовых волнах, он держал в правой. Было понятно, что он ожидал сумерек, чтобы выползти из своего жилища под покровом ночи. Он двигался в направлении раненого не случайно. Он знал где произошел взрыв.

В глазах у Хитрована двоилось, его сознание фиксировало страшный силуэт, который подходил все ближе и ближе к нему. Он никогда не видел своими глазами этого человека, но много слышал о фантоме с лыжной палкой и фонарем. Говорили, что один его глаз обезображен бельмом, а на носу, на подбородке и на веках растут ужасные и мерзкие бородавки размером с виноградину. Страх душил Хитрована, если бы он мог бы раствориться в зыбкой завесе туманной мглы, напоминающую фосгеновое облако газовой атаки, то он предпочёл бы немедленно задохнуться. Умереть, чтобы поскорее все это закончить.

С раскрытым ртом и замершим дыханием он дождался пока фигура с фонарем приблизилась к нему на расстояние двух метров. Человек с бородавками на лице поставил корзину на землю рядом с собой.

Смердящий запах его тела ударил в ноздри. Хитровану стало дурно. Тошно, как никогда. В отчаяние он попытался резко рвануть с места, но рухнул так и не сумев встать, поскользнувшись в собственной крови.

- Ты смотри, как повезло - живой. Ты как себя чувствуешь, мужик? - Плохо тебе?

- Помоги..те.

- Ты лежи, лежи. Кровь вся вытечет, не хорошо. Холодец плохой будет..

- К-к-акой холодец, дедушка, что вы глупости говорите... У вас же корзина с фруктами? Какой холодец из фруктов? Помогите поправить жгут.- голоса его почти уже не было слышно

- Мужик, это ты глупости говоришь.- Сказал тот, кого Хитрован назвал дедушкой. И, раскрыв корзинку, он вытащил из нее человеческую голову, держа ее за волосы. Это была голова грузинки Мгелики.

Протокол СИ Территория 97 ЦИТАДЕЛЬ

Она висела вниз головой, подвешенная через блок на цепях. Лодыжки крепко стянуты кожаными наножиками. Ее одежда была на ней, только куртку и ботинки сняли. Блин, хорошие ботинки были: прям по ноге, крепкие, с прочной неопреновой подошвой и высокими берцами. Летом не жарко, зимой почти не холодно.

Высокий пятиметровый потолок с металлическими двутавровыми стропилами – скорее всего, бывший склад класса А, судя по глянцевым бетонным полам с оранжевыми полосами разметки. Тусклое освещение. Руки тоже были несвободны: кожаные наручники на запястьях, соединенные через альпинистский карабин, цепью крепились к массивному кольцу в полу.

Воткнутая в локтевую вену двусторонняя игла была закреплена на руке стерильным пластырем. Боже мой, кто-то еще заботился о стерильности! Она не видела пластыря с момента Катастрофы: раны на Территории дезинфицировали в лучшем случае спиртом или водкой, а кровотечение останавливали тряпьем, которое попадалось под руку. Силиконовая трубка от иглы уходила в цилиндрический контейнер для сбора крови. “Какое время суток сейчас? – думала она. – Сколько я здесь вишу?”

Кэт огляделась: вокруг так же висели несколько десятков человек, кто в обносах, а кто в новенькой китайской военной униформе. Разношерстная толпа: не похоже, что все они были «живностью»[1] из-за периметра. Она узнала рыжую из коллектора. Все висели аккуратными рядами, словно выстроенные для армейского смотра. Рыжая была без сознания, но едва заметное на таком расстоянии дыхание говорило, что она жива. Рядом висел немолодой порк, судя по одежде и внешнему виду. Видимо, в чем-то провинился, раз тоже оказался здесь. Его красное, налитое прибывающей к голове кровью, лицо кого-то напоминало. То ли актер, то ли блогер... Да какая разница? Это все уже неважно. Память не сохранила ни имен, ни лиц из ТОЙ жизни.

Он следил за ней и видел, как она очнулась. Как только Кэт стала осматриваться по сторонам, он попытался поймать ее взгляд и завязать разговор:

– Вы случайно раньше на телевидении не работали? Милочка, мне ваше лицо кажется очень знакомым. Как вас зовут? – он попытался придать голосу игривый оттенок, чем вызвал еще большее отвращение. Кэт промолчала и больше не смотрела в его сторону.

– Наше с вами положение весьма забавно. Кстати, я вас спасу! – продолжал он, не обращая внимания на то, что она не собиралась отвечать. Он понимал, что она его прекрасно слышит. – То, что сейчас с нами происходит, называется «Протокол СИ». Многие думают, что название пошло от литеры «С», то есть от слова «секретно», когда на важных государственных документах раньше

проставляли соответствующий уровню секретности статус, – он сделал паузу, которая казалась ему эффективной. – На самом деле это в корне неверно! – он посмотрел на ее босые пятки и сделал акцент на слове «неверно».

«Точно, какой-то тележурналист! Вел какое-то ток-шоу на центральном канале. Заткнулся бы уже, урод!» – подумала Кэт, раздражаясь от его никчемной болтовни.

– Ведь Протокол СИ – это то, что мы с вами сами приняли, добровольно. Ну, вспомните: мы сначала обсуждали, а потом голосовали за поправки? Мало кто их читал, а зря! Всегда надо читать, за что голосуешь, – его тон становился все более менторским: годы работы на телевидении брали свое, он вживался в роль все глубже и глубже. – Моя боевая подруга, коллега по журналистскому фронту, предложила этот протокол – и ее правительство поддержало, а затем и избиратель, – он осекся на слове «избиратель», которое сейчас звучало очень нелепо. – «Протокол СИ» – это «протокол Соминян». Когда она потребовала больше не карамельничать, а забирать кровь у любого выздоровевшего, не спрашивая его согласия! А? Какова девица? Огонь! Потом это внесли в Конституцию, и все мы с вами добровольно – подчеркиваю, добровольно! – проголосовали за все это.

Он опять помолчал.

– Да, Конституции, конечно, нет и уже не будет... А протокол остался! А ведь можно сказать, что это протокол счастья! Мы с вами не понимаем своего счастья. Ведь вы даете кровь, чтобы спасти жизнь другого – вот в чем величие ваше! Вот в чем ваше счастье!

Он даже не замечал, как отделил «себя» от «них».

“У него крыша поехала. Он опять чувствует себя в студии, где отрабатывает заказ государства и чиновничьих тварей, которых давно уже нет в живых. Господи, они все уже тогда были больными”, – Кэт брезгливо поморщилась.

– Вы как хотите, а я где-то в глубине души согласен с теми, кто говорит, что Да Зайнан – это не только Великая Катастрофа, но и Великое Благо! Хотите знать почему? Все просто. Человек тогда, в ТО время, искал – искал счастья, да никак не мог найти. И ты вот хочешь чего-то, стремишься что-то получить от жизни, – а очень часто тебе кажется, что того, что не можешь получить, тебе как раз и не хватает для счастья. Тебе кажется: не хватает чего-то лучшего, чем то, что ты имеешь.

– Например, тебе не хватает макбука для счастья. Ты пыжишься, пыжишься – и вот ты получаешь свой макбук. Счастлив? Пару дней – да! Макбук это круто, я крутой или крутая. Но пара недель, и вуаля – счастье-то опять ускользает. И на второй, третий или десятый раз ты понимаешь всю абсурдность этой погони. Для тех, кто умеет думать, это не очень приятное открытие. А вот для тех, кто думать категорически не хочет, есть отличное предложение – за них подумают дяди и тети из маркетинговых агентств! Они решат, какие платья, джинсы и кроссовки нужно носить, какую еду заказывать, за какую машину какого цвета платить кредит, какую ювелирку на свадьбу закупать, в каком отеле затемнять загаром свои окорочка, какой смартфон будет шпионить за тобой и сливать все про политическую лояльность, финансовые ресурсы, предпочтения – твои и твоих близких. Все про твои семейные ценности, дневной график, рацион, склонность к авантюрам. Как же было легко нас модерировать!

– Говорят, фашисты с их опытами на людях – просто дети по сравнению с нами. Отсюда, конечно, интерес к некоторым из них – они ведь заложили базис. Так сказать, отцы-основатели. Некоторым поставили памятники и мемориальные доски, именами некоторых называли улицы в столицах, а некоторым посвятили фильмы и передачи. Все просто: они опередили время, я потом вам расскажу, как. Но вернемся к тебе. Информацию о твоём здоровье, физическом и психическом, мы видим по метрикам и поддерживаем тебя всегда в форме. Малыш, ты на драйве! Ты всегда

должен всего хотеть! Тебе всегда должно не хватать денег, но ты должен жить сегодня! Не откладывая потребление на завтра! Ходи по краю – не бойся, мы контролируем твою психику, подпитываем тебя жизнеутверждающим сериальчиком, удовольствиями разными. Учеба в кредит, жизнь в кредит. Не все так страшно, это нормально, все так живут. Ты обязательно расплатишься с нами, но не сразу, не за год. Москва не сразу строилась – кстати, Арканзас тоже, – но к пенсии успеешь. Набрал слишком много? Ипотека, машины, отдых, мебель, техника? Не успеешь к пенсии даже за свадьбу расплатиться? Как не успеешь? Не беда: мы еще пять – десять лет тебе добавим. Усердно работай. Hard working. Ты верь в себя и паши, ведь когда подойдет срок выхода на пенсию, без веры никуда. Медицина сама знаешь какая стала: дорогая, страховая, высокотехнологичная. Ну не все, конечно, могут себе позволить. А тебе и не надо! Ты ж на фитнес ходишь? Правильно, ходи! Лучше быть здоровым. Да не думай, не загоняйся так: неужели ты думаешь, что мы звери какие? Мы же хотим как лучше!

– Вон деды наши и бабки в поле от заката до рассвета не разгибая спины надрывались. Всю жизнь. А у тебя восьмичасовой рабочий день. Мы боролись за твои права! У таксистов двенадцатичасовой? Ну не всем везет так, как тебе. Ты почти счастливчик. Надо понимать кредитно-денежную политику, не может быть равенства. Все не могут быть равны! Утопия. Это коммунисты так думали, и чем кончилось? Правильно, обосрались они. Катастрофа. Извините, все страны и континенты от коммунизма давно отказались. Зато практически равные возможности у нас в обществе. Верь мне! Верь себе! Вот тут мы равны по вере.

Приходящая в себя «живность» постепенно прислушивалась к его речи. Их внимание опьяняло и возбуждало проходящего процедуру Си "порка". Конечно, такое внимание, это были крохи по сравнению с многомиллионными аудиториями центральных телеканалов. Но он снова чувствовал эйфорию и адреналин, и его не смущало, что он висел вниз головой и вещал с перевернутой трибуны в перевернутом мире. Он пафосно продолжал:

– Ну это напутствие мальчикам, изнеженным и не очень, а также сильным и мужественным девочкам и женщинам. Не перевелись же еще женщины в русских селениях с красивой силой в движениях? Простите за каламбур. Что? Это не каламбур? Некрасов? А вы читали? Да, я читал, конечно, читал, но давно. Не перебивайте. Так вот: с красивой силой в движениях, во всякой одежде красива, в горящую избу войдет. Для всех остальных самым главным в жизни стало не столько умение удачно выйти замуж, сколько умение удачно развестись. Запомните, дамы: последнее намного ценнее, чем хорошо учиться и усердно работать! Я вас умоляю! Расслабьтесь: какая любовь в наше время? Британские ученые давно доказали, что это химическая реакция и длится она три года. Согласен, долбачи они: у некоторых длится одну ночь! Ну так вот: сравните поиски вашего счастья ТОГДА и сейчас. Вам сейчас очень просто. Если вас не убьют прямо сейчас, а кровь спасет многих других, то вы уже счастливы, потому что вы живы и у вас есть смысл!

– Заткнись, тварь! – резко прервала его Кэт. И он послушно умолк, как при внезапном шперрунге* у страдающих шизофренией.

Рыжая очнулась где-то на середине его монолога:

– Я тут уже была. Нас не убьют, мы им еще нужны. Пока они не заберут у нас кровь шесть раз, мы им нужны. Они отбирают по два литра раз в пять дней, не чаще. Чаще нельзя: надо, чтобы организм хоть как-то восстановил объем циркуляции и тромбоциты. Плохая кровь им не нужна.

– Ты медик? – спросила Кэт. – А что потом? После шестого раза?

– Я ветеринар, – ответила рыжая. – Что потом – не знаю, никто не возвращался. Из-за того, что они забирают кровь слишком часто, наступает синдром пустого сердца или почки отказывают. Много что еще с организмом происходит, всего не знаю, а если и знала, то уже не помню. Итог-то один...

[1] Живностью» порки называли всех тех, кто был брошен за пределы Цитаделей на произвол судьбы, подыхать на Территории 97

Лилит атакует. Свобода. Территория 97

Москва быстро восстанавливался, через две недели он уже мог самостоятельно передвигаться, через четыре выполнять легкую физическую работу. На второй месяц он начал тренировать атрофированные мышцы и концу восьмой недели после операции полностью восстановился. Рубец на животе понемногу становился эластичным и когда Хачик спрашивал, как Алекс себя чувствовал, тот шутил, что на нем заживает как на собаке, видимо в прошлой жизни Алекс был хорошим верным псом.

Хачик по-отечески ухаживал за раненым, промывал рану, снимал нити, Кэт зашивала его обычной тонкой леской, других нитей под рукой у нее давно не было. Это была трудная процедура, потому что доставляла больному большой дискомфорт, а оставлять леску в теле было нельзя.

Алекс пришел в себя на третий день после операции, он чудом не подхватил никаких воспалений и сепсисов. Лилит с Хированом уже ушли два дня тому назад и никаких вестей от их не было. Но Хачика это особо не беспокоило, потому что связи в тех местах, где обитала живность не было никакой. Во-первых, он понимал, что даже если у Хитрована все хорошо, то он вряд ли сумеет сообщить об этом раньше, чем через неделю. Во-вторых, на вопрос Хачика, «где Кэт?» Хитрован ответил, что Лилит отправила ее с неизвестным мужиком, по каким-то делам, Хитровану тоже эта «тема» не понравилась, но он человек маленький и большие дела не лезет.

Уже позже, после того как Хитрован ушел с Лилит, Аризона подробно рассказал Хачику, про то, как Четвертый увел Кэт. Хачик очень рассердился и сквозь зубы выговаривал какие-то армянские ругательства, смысл которых Аризона не разбирал. Но было понятно, что проклятия и резкие бранные слова были направлены в адрес «глупого дурачка», которого «эта кошка, хвост подняла» и «обвела вокруг пальца»

То, что происходило во время боя в Водоканале и позже, Аризона описал кратко, он не очень понимал, кто с кем «дружит» и хотел сам для себя составить общую картину. Когда очнется Алекс Москва, то нужно будет обязательно расспросить все подробности про Монаха, Лилит Четвертого и порядки, которые царили на Территории#97. Аризона понял, что он теперь тут надолго.

На следующий день после рассказа о Кэт, оставив раненого с американцем, Хачик сходил к окраине поселка. Туда, где у кладбища ранили Алекса, но ничего кроме дырявого кузова авто не нашел. Осмотрев надгробные камни и не обнаружив тела женщины, Хачик прошелся по маршруту, которым могли следовать Лилит с Хитрованом. Но не найдя и там ничего необычного вернулся в ДОМ.

К этому времени, Москва очнулся и заботливо обхаживался Аризоной. Он даже пытался вставать, но был пока очень слаб. На вопросы «где все, почему они одни в комнате?», Аризона пожимал плечами и говорил, что его оставили присматривать за больным. Он говорил, что ему не сообщили куда ушли обитатели ДОМа, но скоро все появятся и ответят на вопросы. Москва интересовался, что было после того как, его ранил снайпер? Он достаточно хорошо помнил все что происходило до этого и смутно то, что после. Аризона кратко обрисовал операцию, но ничего

про пленение Кэт и приход Лилит. Они с Хачиком решили рассказать ему позже, когда физическое состояние не будет вызывать опасений.

Когда наконец пришло время, Москва молча и внимательно выслушал обоих. Ни один мускул на лице, ни движение глаз, никакой жест не выдал эмоций Алекса. Он просто сказал:

– Будем жить дальше без них. – Он сказал это таким тоном, как будто он потерял не людей, а ненужную непригодную одежду, которую невозможно более носить и ее не жалко терять.

ДОМ нужно было поддерживать в порядке, постоянно готовить к автономности. Одной из важных задач была заготовка топлива и запасов на холодное время года. Они по очереди занимались рубкой и распиловкой дров, которые добывали в соседнем лесочке. С едой было сложнее, но текущих запасов имелось немало месяцев вперед. И даже, если бы они не экономили на еде, сухарей, консервов, запасов круп и муки, хватило чтобы прокормить небольшую армию

Однажды Алекс Москва устроил ревизию по оружию и боеприпасам и остался доволен. Но он почти не разговаривал с обитателями ДОМа, замкнулся и подолгу сидел на посту на самом верхнем этаже. Он часто смотрел с тоской в даль. В то время, когда он не был занят по хозяйству и не стоял на часах, Москва изнурял себя тренировками. Когда он достаточно окреп, он всего лишь раз совершил длительную вылазку, к тайнику с катадином. Убедившись, что все в порядке, он вернулся и пока больше не покидал пределов ДОМа, который выглядел осиротевшим без Кэт, Хитрована и Жорика. Хачик с Аризонай напротив, сдружились и часто болтали о житейских мелочах. Каждый рассказывал что-то из прошлой жизни и было удивительно наблюдать как два человека, такие непохожие друг на друга, так быстро нашли общий язык.

Однажды, месяца через три после ухода Хитрована и Лилит, Хачик настойчиво постучался к Алексу в комнату.

– Москва, там Лилит у траншея стоит. Что делать?

– Одна? – Алекс оживился и вскочил.

– По-моему да, мы все в округе просмотрели.

Алекс быстро накинул на себя одежду.

– Посмотри еще раз внимательно, если никого, нет, то впускай в ДОМ. Держи ее постоянно на мушке. Прикажи пусть снимет весь огнестрел и оставит за воротами. Ты понял меня?

– Где Аризона?

– Он на стене. – что означало "на часах".

– Хорошо. Веди ее во двор. Смотри не подстрели мне ее в этот раз. Она мне нужна!

***

Лилит оскалила зубы и выхватила нож. Винтовку и пистолет пришлось оставить за пределами ДОМа. Но ей некуда было деваться. Она поняла, что ее не ждет ничего хорошего. Она держала клинок у пояса, как перо, уведя локоть назад, за свой корпус, выставив левую слегка вперед. Она была очень опасным противником, и по тому как она себя вела, было понятно, что она ведет не столько ножевой, сколько психологический бой. Ни капли волнения, коварная расчетливость.

Ей нужно было стратегическое преимущество над противником, который выше и сильнее. Человеческий мозг реагировал на дистанцию, опытные бойцы, никогда не подойдут на расстояние, с которого тебя могут задеть.

Едва показывая клинок у пояса, она обманывала мозг противника, который фиксировал положение лезвия. Она знала, что ее единственный шанс – это точно ударить, сокращая дистанцию не только за счет скачка, но и молниеносного выпада рукой с клинком, реализуя дополнительную длину правой руки.

Он видел ее расслабленные плечи, взгляд, смотревший в его подбородок, раскачивающийся маятником на маленькой амплитуде корпус. Дыхание неприятно задержалось, волна адреналина наполнила ладони теплой испариной. Так бывает, когда ты близок к смерти, когда ты знаешь, что все произойдет в следующие секунды. У него отключался слух в таких случаях, уши заполнил звук, похожий на гул двигателей пассажирского лайнера. Ноги, ее ноги на миллисекунды опередили ее бросок. И тем самым выдали ее.

Алекс увернулся от ее удара, отскочил вправо, заведя левое плечо назад и роняя ее правым кроссом. Клинок разрезал ткань на его груди, не очень глубоко полоснув его коже. Она падала на спину уже без сознания.

Аризона подскочил и попытался обхватить Алекса за плечи сзади, отталкивая его от ее тела.

– Не надо, фак! Алекс, не бей женщину! Оставь ружье. Ты же не животное. – Аризона все еще висел на его правой руке, когда Алекс дотянулся до своей винтовки.

– Заткнись, дебил! – он стряхнул его с себя, как бык стряхивает наездника на родео. Он рывком расстегнул одной рукой кожаный ремень на штанах Лилит, вытянул, разрывая шлевки. Перевернув ее тело на живот, стянул ремнем на ногах плотную петлю. Он сел ей на поясницу и схватил за волосы.

– Неси вон тот провод от удлинителя. – Москва указал стволом винтовки на моток удлинителя.

– Неси! Быстро!

Аризона без страха смотрел на оружие, но подчинился. В углу стояла запылившаяся катушка оранжевого провода. Судя по тому, что хозяин ДОМа собирался связать ее, жизни Лилит ничего не угрожало. По крайней мере в ближайшие полчаса.

Связав проводом запястья и локти женщины за спиной. Алекс поднял ее нож. Попытался разглядеть порез на груди. Он сел, привалившись к стене.

– Еще раз полезешь, я тебя грохну. – сказал Алекс, посмотрев на американца. Спокойствие снова вернулось к нему. – Что молчишь, Аризона? Ты понял меня?

Аризона сел на ступеньку и молчал, он смотрел на то, как Лилит зашевелилась. После некоторой паузы он ответил с отвращением:

– Вы все животные, я не знаю почему вы выжили! – он действительно не мог понять, КАК они выжили, – Алекс, нужно разговаривать, нужно вести переговоры, нужно сообща принимать решения.

Москва презрительно скривил губы:

– Это с тобой, что ли, Америка, вести переговоры? С тобой принимать решения? Сиди и не отсвечивай, говно! Твое дело внимательно слушать меня, слушаться, и бегом, как собачка, выполнять приказы! Думать тебе не надо, я за тебя уже подумал.

Алекс Аризона вспыхнул от гнева:

– Ты не можешь мне указывать, что думать, – вы проиграли.

– Да ну? Это в чем мы проиграли, не напомним? Где сейчас “великие” США – победители нас, животных? Просрали все апельсины? А? Вы как были высокомерными долбозобами, так ими и остались. Эти свиньи хоть под китайцами ходят, – неопределенно махнул рукой куда-то в сторону Алекс, имея ввиду цитадели, – А вы? Мама дорогая, под каким-то сбродом из всей Латинской Америки! Сандинисты вами рулят, не смешите мои тапочки!

– Америка великая страна! Америка дала России другое качество жизни, другой уровень! US дала вам и миру закон! айфон! амазон!

– Ты считаешь меня идиотом? – Алекс Москва с трудом сдерживал смех.

– Ты напрасно смеешься! В основу Соединенных Штатов было положено право на свободу личности! Наши фильмы, наша музыка смотрелись и слушались во всем мире, мы боролись с голодом, бедностью и болезнями!

Алекс насмешливо перебил:

– С каким голодом вы боролись? С какой бедностью вы боролись? Вы только 100 миллиардов тратили на костюмчики и прочую херню для домашних собак в год! [1]

Аризона молча выслушал.

– Да, это так, мы этим засранцам покупали одежду, но эту одежду кто-то шил! Это рабочие места, потом, если это мои деньги, я могу тратить на что хочу! Это мое право. Хотел – тратил на кошек, хотел – на благотворительность в университете или больнице! – он помолчал немного – Вообще-то, у меня тоже есть претензии к Америке, но она не такая, как ты думаешь.

– А какая она? Она еще кстати, Америка, твоя существует? Или ее больше нет в природе. В чем твоя претензия? Твоя Америка дала тебе мало денег? У тебя было мало денег? – это был неприязненный сарказм

– Я буду объяснять если ты будешь слушать. Вообще, в природе есть оба полюса, позитив и негатив. А мы хотели, чтобы был только позитив. Не добро и зло, – это другое. Это похоже на то, как будто человек в свете прожектора живет. Свет позитива должен был пронизывать человека и всю его жизнь. Свет должен был быть чистым, можно сказать белым. И вот – белый свет повсюду. Мы светлые люди, друзья, родители, сотрудники.

Он сделал короткую паузу чтобы убедиться, что Москва слушает, а затем продолжил.

– Мы освещены техникой, образами, информацией, мы подчинены этой белой активности: отбеленной социальности, отбеленной телесности, мы, как у вас говорили, все такие “белые и пушистые”, что даже начали анус себе отбеливать! Булшит! Анус, который ты никогда не видишь! Не знаю, как насчет ануса, но свою позитивность мы должны были демонстрировать каждый день окружающим. Мы ее демонстрировали. И блин, но мы что-то потеряли, пока думали, как демонстрировать. Потеряли что-то очень важное. Но вам Америка дала все самое прогрессивное!

– Говоришь, Аризона, все прогрессивное у нас пришло с Запада: свобода, права человека, технологии? Ты наши революции помнишь?.. У вас, кстати, ни одной не было, в отличие от европейцев. Так вот, в конце 80-ых, в начале девяностых у нас произошла еще одна революция. Снова. Последняя, больше никогда не будет у нас. Причем, чем больше я думаю о ней, тем больше прихожу к тому, что это был протест против относительного, спокойного благополучия,

ибо все, что потом произошло в экономике это большой обвал, все рухнуло. В пропасть мы улетели. Не думай, что мы за шмотки тогда голосовали, хрена с два! Что такое хрена с два? Fucking Nothing. Мы в последний раз бились за справедливость. Мы хотели СВОБОДЫ и СПРАВЕДЛИВОСТИ, когда снимали памятник Дзержинскому. Дураки мы были. Ты знаешь кто такой Дзержинский? Это наш Сидни Соэрс, чтобы тебе было понятно.

Москва не смотрел в сторону Аризоны.

— Ну и скажи, мог твой Запад совершить нечто подобное? Отказаться от сытой комфортной жизни в пользу призрачной свободы? Ты думаешь это вы за свободу и права человека боролись? Нет, это мы боролись! В тот самый последний раз! А ваши знали, что мы чисты и наивны, улыбались и подталкивали нас к пропасти. Нет? Вы тоже за свободу? Так у вас ее отобрали, и вы молчали. Сначала начали понемногу забирать деньги, ну налоги, наличные перевели в электронные. Потом всеобщую прослушку для всеобщего блага. Да, конечно, это помогло террористов ловить. Кто спорит? Но неприкосновенность личной жизни — тью-тью.., кончилась вместе с этим? И вы согласились. Сами отдали, молча.

Свобода всегда молча теряется. Потом свобода называть вещи своими именами испарилась. Свобода знать свои культуру и историю. У вас же правда запретили некоторые романы Диккенса, Оруэла, Марк Твена? Нет? Ошибаюсь? Ну ладно, тебе лучше знать. А смогли бы вы, зная что все старое рухнет, за новую свободу пойти?

Ну ладно, не тушуйся, это я так. На самом деле, хоть и за свободу и справедливость революции, но не было в наших революциях ничего хорошего. Свободы и справедливости мы не получили по итогу. Ни в 17-ом году, ни в 91-ом. Да и если так разобраться, перемен в экономике мы тоже хотели, но все равно это не за жвачку, не за джинсы понимаешь?

За свободу творить и производить. Мы мечтали не потреблять, а творить и качественно производить. Творить для души, а производить для "тела". Потому что электроника у нас была, но качество говно, машины, одежда — тоже так себе, мы мечтали проводить классные вещи. В 1917-ом, так вообще, землю и фабрики хотели люди там вообще вся революция была про производство. В 1991 мы все еще крутые и талантливые верили, что можем дать миру много прекрасного.

Кто мутит все оба раза? Интеллигенция в основном. Они хотели изменить жизнь людей к лучшему, но благими намерениями вымощен целый автобан в Ад. Ну правда, если признать честно, похлебку они почти всем обеспечили. Это, конечно, не рай получился. К началу Катастрофы уровень жизни людей уже давно превысил черту райского минимума в материальном плане. Иначе откуда столько толстых у нас и у вас? Весь этот фитнес был потому, что жрали больше, чем нужно. Власть могла бы приступить к истинному развитию образования, культуры, эмансипации.

Но нет, они занялись собственным самосохранением. Все технологии пошли на контроль, а не на развитие. Ну и на обман и околпачивание людей. Они настолько в этом руку набили, что всегда находили оправдание своим провалам и через медиа заставляли верить всех в их оправдания. И создали они такую машину, которая даже не снилась самым великим тиранам. Государство, которое нельзя изменить или исправить. Так что, как и прежде, мы и вы могли быть свободными только у себя в таунхаусе, у нас говорили "на кухне". Все тогда смирились со своей участью и уже могли иметь свободу только в рамках частной жизни. Что взамен? Потреблительство.

И в глубине души каждый, кто хотел свободы, знал цену потреблительства, цена — это потеря самой свободы, потеря веры в свободу. Цена — это знание, что каждый человек в душе — это раб. АнтиЭзоп. И не звездите мне больше про свободу и права в ТОЙ жизни, мы все променяли ее на

всю ту же миску с похлебкой с отличным дизайном, только кто побогаче с дизайном от Пининфаина или Бертона, кто попроще – на миску дизайна Гириша Вагха [2] * (индийский автомобильный дизайнер, инженер, участвовавший в разработке самого дешевого авто в мире TATO Nana)

При этом вы настолько выродились, скурвились, потеряли потенцию, что те же Вагхи выкупили вас с вашими Пининами, с Вольвами с потрохами. *(Имеется ввиду сделки, при которой индийская компания Махиндра выкупила бренд и ателье Пининфарина за 168 000 000 долларов).

Москва отвернулся, продолжая держать нож Лилит в руках. Аризона дождался окончания триады нахмкрил брови и ответил:

– Вы ничего не понимаете в свободе, и вы ничего не понимаете в разуме. Если вы получили свободу, то ее нужно охранять. Всегда найдется тот, кто захочет и украдет вашу свободу. Вы должны быть подобно льву, охраняющему свои владения. И вас должны бояться. ПОТОМУ ЧТО ТЕБЯ ЗОВУТ ЛЬВОМ! Охранять даже от нас! А вы получили свободу, после 1917-ого отдали ее Сталину. Ты читал твою историю? С 1920 по 1927 год у вас семь лет была такая свобода, которой не было, наверно, никогда и ни у кого. Но вы позволили сталинским офицерам делать с вами все, что им заблагорассудится. Вы не встали и не остановили их. А в 1991-ом отдали ее нам. Вы отдали свою свободу США. Так на что же ты жалуешься? Сами отдали...

Ты спрашиваешь, можем ли мы пойти на революцию ради прекрасного, ради свободы? Отказаться от всего материального? Легко, и мы делали это. В 60-ых и 70-ых мы бросили вызов всему лицемерному и ханжескому, войне, мы отказались от материальных благ. Мы делали это ради духовного и свободы, ради любви. Весь мир пел с нами “All you need is love”. И не думай, не обманывай себя, что мы были слабенькими цветами жизни, если надо было, то мы устраивали очень жестокие бунты. И навязывали свое правительству и защищали свою свободу.

– Аризона, тогда где осталась ваша свобода, за которую ваши хиппи боролись?

– Она осталась с нами.

– Как это, ее же нет давно?

– Поэтому я и говорю, вы, русские, ничего не понимаете в разуме... Люди поняли, что не практично все время бунтовать, не практично всю жизнь экспериментировать, приходит время строить, созидать лучше, чем разрушать, работать лучше, чем бездельничать всю жизнь. Некоторые люди оказались не готовы к свободе у нас тоже. Безграничная свобода – плохо, люди умирают от нее. Свобода должна быть всегда, но она должна быть порциями и чередоваться с самодисциплиной, когда человек сознательно отказывается от свободы. Как день сменяет ночь, понимаешь? Не понимаешь. Вы ничего не понимаете, – он уже не скрывал свой гнев. – Чтобы понимать, – для этого нужен разум, который смотрит на все со стороны, извне. Знаешь, как вас всегда называют в Америке?

– Да мне наплевать как нас называют! – Алекс его перебил – я знаю, что вы потеряли. Вы потеряли душу и веру. Один разум остался.

Лилит, закричала. Она пришла в себя, хрипела и пыталась освободиться от пут. Алекс больно пихнул ее ботинком в бок. и задал вопрос.

– Где Кэт?

Она не произнесла ни звука. даже не посмотрела в ее сторону.

– Где Кэт? – он смотрел ей в глаза. – Я умею развязывать язык, не заставляй меня.

Она продолжала молчать, уголки губ скривились к глупую усмешку. Наконец-то он в ее власти, у

нее есть ресурс, который ему крайне нужен. Лежать было неудобно, ребра больно упирались в пол, голова гудела, а челюсть начинала саднить, когда она пыталась открывать рот. Руки были очень туго стянуты за спиной. Она понимала, что стоит попробовать надавить на Аризону жалостью и застонала.

– Я zenки твои выдавить не побрезгую, ублюдина, сушка антропоморфная, – сказанные слова не были похожи на уголовный сленг. Было не очень понятно, что он имел в виду: баранки, исковерканное слово “сука”, или ее подтянутость и поджарость. В ТОЙ жизни она работала тренером фитнеса и “сушила” себя перед выступлениями, хотя в этом не было особой необходимости. У нее всегда было минимум жира в теле, гладкая эластичная кожа красиво покрывала рельефные мышцы.

– Ты меня только что замочить хотела, мне и до этого “как два пальца об асфальт” скребнуть тебя. Будешь выпендриваться, – я тебе zenки выколю, а потом отвезу под Бесединский мост, будут тебя трахать, пока не сдохнешь.

В ее глазах мелькнул ужас, угроза прозвучала реально, под Бесединским мостом собиралось все самое отвратительное отребье, которое только могло остаться после катастрофы. Два брата азербайджанских иранца, бывших олигарха, устроили под Мостом огромный бордель, женщин, попавших туда, ожидала леденящая душу смерть. Существовало всего два тарифа: “на час” и “безлимит”. Но по правилам этого ужасного места, в последнем случае никаких ограничений для клиентов не существовало. Страшно было представить, какие муки ожидали слепую беспомощную проститутку.

***

– Аризона оставляю ДОМ тебе с Хачиком. Я пойду тебе на встречу и не убью ее, но и ты должен выполнить мою просьбу. Держите ее в карцере, не менее недели. Вы не должны ее освобождать. Что бы она тебе не говорила, как бы она вас не упрасивала. – он посмотрел на свою тезку. Хачик стоял рядом и молча наблюдал на то как Москва беседует с Аризоной и укладывает два магазина в разгрузку. Американец ничего не ответил, просто нахмурил брови

– Ну что ты смотришь так? Мне реально, вот проще ее сейчас убить и закопать за стеной. Всем нам будет от этого легче. Но я не убиваю ее потому, что сам не лучше ее. Убив сейчас, для того чтобы мне стало легче, я убью не ее. Я убью свою душу. Навсегда. Понимаешь?

– Куда ты пойдешь?

– Я теперь богатый человек, для меня все дороги открыты. У сопки в тайнике, Хачик ты знаешь где это, я оставил вам Акватабс. Хватит года на полтора, для того чтобы вы ни в чем не нуждались. Потом пойдите и заберите.

– Алекс, что-то мне не нравится. Ты нас оставляешь из-за Катя? Ты хорошо подумал, ты точно решил? – почти без акцента спросил Хачик с тревогой вглядываясь в глаза Москве. – Ее уже не вернешь, ты же знаешь, как ты попадешь в Цитадель? Даже если попадешь откуда ты знаешь, что она жива. Оттуда никто не возвращается.

– Хачик, бро, я не знаю, я ничего не знаю. Но понимаю, что я должен попытаться что-то изменить. Иначе...я буду, мне потом будет перед собой стыдно за бесцельно прожитые годы. Давай американец, помни у нас “сила в правде”, а не наоборот – Алекс рассмеялся своей фразе из школьного учебника, подошел и обнялся с обоими.

– Давай, американец, ты теперь у себя ДОМа, помни у нас “сила в правде”, а не наоборот. Выживет тот, кто добрее! –Он поправил ремень на рюкзаке, взял оружие и помахал обоим друзьям, провожавшим его на откидном мосту.

Он удалялся быстрым шагом без оглядки. "К черту все, на Юг!". Там, под Бесединским мостом, был человек, который за деньги мог сделать на территории 97 "все", ну или почти все. У Алекса было пол фуры "катадина", а у человека возможности.

Объяснение молодостью

Алекс сидел в просторной комнате в кампусе на широком подоконнике, свесив ногу и смотрел в окно. Рядом с ним стояли два молодых порка лет восемнадцати-двадцати. Алекс их полностью игнорировал и даже не ответил на их приветствие при заселении.

После окончания «Гаоцы джонгши» старшей средней школы (高級中學) их отправляли на профессиональное тестирование, чтобы определить к чему они годны и имеют ли способности к дальнейшему развитию. Всех неопределившихся расселяли в кампусе при ремесленно-техническом училище. Алекса заселили в комнату для троих человек на третьем этаже. Из окна открывался вид на широкую городскую улицу.

Сидя на подоконнике, он наблюдал стычку между двумя обитателями Цитадели, которые громко спорили. Один из них был с иссиня-чёрными волосами и носом с горбинкой, он эмоционально жестикулировал руками и время от времени переходил на крик, пытаясь подавить оппонента морально. Второй же был с короткими русыми волосами, наоборот, казался невозмутимым и всем своим видом показывал, что крики и взмахи руками никак его не убеждают. Стоял и спокойно выслушивал приводимые аргументы, а затем парировал короткими и логичными возражениями.

Суть конфликта между прохожими заключалась в бытовом нежелании уступать дорогу друг другу. Да... Без разборок в таком случае не обойтись. Оба двигались по узкому тротуару на гироскутерах, вдвоём там точно не проехать и кому-то одному необходимо было просто остановиться и сойти с подножки, взяв в руки свой транспорт и пропустить второго. Алекс молча ухмыльнулся, вспомнив, как часто можно было наблюдать такое же глупое противостояние автомобилистов в ТОЙ жизни. «Всё это дерьмо они притащили с собой сюда. За пределами Цитадели таких проблем просто не могло существовать», – подумал Алекс.

– Смотри-смотри сейчас до драки дойдёт! – возбуждённо сказал один из порков, обращаясь ко второму. Оба подошли поближе к окну в предвкушении предстоящего зрелища. Казалось, будто тут ничего интересного не происходит, кроме глупых стычек. Конфликт приблизился к своему апогею, один прохожий положил свой гироскутер на асфальт и стал закатывать рукава, наверное, был уже очень зол. Но другой разрешил спор по-своему, его терпение лопнуло. Он, держа свой гироскутер подмышкой, столкнул с тротуара своего оппонента, освободив таким образом себе путь. Взобравшись на свои колёса, он покатил дальше по делам, не обращая внимания на скверные ругательства, посылаемые ему вслед. Алекс услышал, как двое соседей комментируют происшествие:

– Вот урод это горбоносый, жаль, что мужик ему не навалял...

– Да он только вчера с гор спустился...

Сложно было сказать в каком возрасте застал Гнаб Гиб молодых соседей Алекса по комнате, но было понятно, что они успели нахвататься всякой штампованно-высокомерной националистической гадости у родителей или в той среде, где росли до Катастрофы. Конечно, они не стали бы так обращаться к кому-либо на улице в присутствии посторонних. Раньше проявления национализма и расизма жёстко пресекались и наказывались. Но тут в помещении, где «все свои» можно было дерзнуть и попробовать чванливо выказать себя более равным, чем все остальные обыватели. Понты, яд вакуумированного самомнения, тварная радость пустого тщеславия проникали в ДНК порка ещё в момент его зачатия. Это была неуловимая генетическая аномалия, которую не способен редактировать ни один из выдающихся специалистов-репораторов ДНК[0]. Патология почти магически передалась по наследству.

— Все мы с гор спустились, молодые люди, но только вы не понимаете с каких... И вряд ли поймёте... — сказал Алекс, продолжая смотреть на улицу.

Порки нахмурили брови, но промолчали.

— Мы, как народ, взобрались на такие недостижимые вершины человеческого духа, смысла, культуры, что потом двести лет стремглав кубарем катились вниз от «Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат хотя объяснением, — ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рассудка...»[1] восхитительного, гениального слога двадцатипятилетнего хорошо образованного Корнета лейб-гвардии, сосланного за дерзость «сочинительства непозволительных стихов» в Олонецкую губернию, до лжеофицерского «У Цоя есть песня — «Перемен требуют наши сердца». Она настолько отражает действительность. Я прошу, ваша честь, перемен в моей жизни — перемен в месте жительства, прошу выпустить меня на свободу»[2] и министерского «Летспик фром май хард» в кириллической транскрипции.

Алекс сделал паузу, убедившись, что его слушают. Порки притихли. Они были ошарашены его высказыванием и явно не понимали о чём речь, но чувствовали, что лучше помолчать.

— Конечно, не сразу так деградировали в свободном падении, были ещё промежуточные остановки. Например, было ещё «Осознав всю глубину совершенного мною преступления... Ничто мне не жаль, ни семью, ни малолетнюю дочь, ни инвалида - престарелого отца... Я не могу, я не хочу, я не мыслю себя вне... Умоляю ещё раз партию простить меня... В камере темно, да и слёзы мешают писать... Я с поникшей головой обращаюсь к вам и умоляю: Великий Вождь, простите меня»[3] — это тоже слог офицера, дважды кавалера Гергиевского Креста, дважды кавалера Ордена Красного Знамени. Но это уже не гениальный слог, с первым их связывает только Кавказ и офицерство. А вот между тем, что «страсть сильнее холодного рассудка» и «перемен в месте жительства» уже совсем ничего общего нет! — он снова помолчал, как будто давал возможность слушателям осмыслить сказанное и поискать у себя в голове аналогичную информацию, чтобы поддержать разговор,

— Пожалуй, даже ничего лжеофицерского в поведении вороватых подонков нет и уж тем более Кавказ не связывает. А ты с гор спустился. Тупой ты, но это не страшно. Таким как ты жить легче и даже легче умирать... — Он впервые посмотрел на своих собеседников, переводя взгляд с одного на другого. Его колющие волчьи зрачки прожигали, невозможно было выдержать прямой взгляд. Они попеременно отвели глаза, пытаясь спрятать взор где-то на стене.

Они ещё никогда не видели смерти и того, кто способен нести эту смерть так близко. – Ты где-нибудь видел или слышал, чтобы в нашей жизни двадцатитрёхлетний парень или девушка могли бы вот так самостоятельно выражать свои мысли? Писать таким языком объяснительную высочайшему из высочайших чинов в государстве — государю Императору? Нет? И теперь не увидишь и не услышишь. Понимаешь, ты, наблюдающий всё это жуёпок? Я к тебе обращаюсь... Ты чему вчера учился? Языку, литературе, риторике, философии, математике, физике? Нет! Ты вчера учился либо фоткать жёпы, либо лайкать жёпы. Всё! ты больше ничему не у... – слово так и повисло в недосказанности... Алекс завершил предложение уже мысленно про себя «чился».

Плотная ткань, как бы подброшенной вверх тишины опустилась парашютом на помещение. Алекс Москва увидел Кэт. Говорят, что человеку достаточно тринадцать миллисекунд, чтобы распознать знакомый визуальный образ. Игла тревоги молнией кольнула сердце Алекса на самой первой миллисекунде.

Он узнал её едва только заметив знакомый силуэт, идущий по улице. Она шла, одетая в белые одежды, похожие на арабские туники и закрывающие тело от шеи и до пят. Ком мгновенно подступил к горлу. Красивые глаза оттенённые длинными ресницами, украшенные тоненькими арочками лунных бровей были опущены и смотрели под ноги на тротуар. Странный геометрический кольцевой орнамент из толстой золотой проволоки или ленты, с чёрными и белыми треугольниками внутри, словно третий глаз очень ярко выделялся на лбу и подчёркивал идеальный овал её лица. Голова была покрыта балахоном, и скрывала короткую стрижку.

Идеальная линия скул, в сочетании с розовыми губами, открылись в этом образе Алексу своим неизъяснимым таинством очарования. «Ни хрена себе... Это Кэт!», – подумал Алекс, скорее утверждая, нежели вопрошая. Сначала даже засомневался – «Она ли это?». Его воображение не могло представить, что всего лишь несколько деталей так могут изменить внешность Кэт и превратить просто симпатичную смазливую девчонку в существо неземной красоты. Он не верил своим глазам.

В висках запульсировала кровь, настолько шокировала Алекса разительная перемена. Человек может изменить внешность косметикой, рост при помощи каблуков, может изменить походку, даже манеру движения, но ему очень сложно изменить привычки. Женственные, но крепкие плечи Кэт выдавали её даже издалека. Её винтовка «стрелка» была всё-таки тяжеловата для девушки и при передвижении всё время поправляла левой рукой замок и петлицу ремня. Делала она это уже бессознательно, по привычке, чтобы заглушить стук карабинчика и бесшумно двигаться на любой местности.

Сейчас она была без оружия, в Цитадели никто из порков не имел права носить оружие. Но привычка проверять левой рукой ремень осталась и время от времени Кэт поглаживала себя по правому плечу.

Один из соседей, опасливо выглядывая из-за плеча Алекса, шёпотом произнес:

– Фангшин Рен.* (仿生人 Fǎngshēng rén) [4]

– Что?

– Ну, это человек андроид. Говорят, они могут убить взглядом случайно, если посмотрят на вас, то всё, конец.

– В каком смысле андроид?

– Ну у них вместо мозга чип, они эти... новые гипер... гиперборцы.

– Гиперборейцы?

– Да точно, гиперборейцы! – молодой порк утвердительно покачал головой.

– Они не часто тут ходят, я такого человека второй раз в жизни вижу. Первый был взрослый мужик. Говорят они не смотрят в глаза, чтобы никого не убивать, – сказал один из них. Второй тут же подхватил:

– Да, нее... Если они не хотят никого убивать взглядом, сами падают замертво. Они знают всё, но не разговаривают.

– Как это знают всё?

– Ну, они понимают все языки мира, знают каждый день истории каждого народа. Вот то, что вы говорили... философия и эта ри...

– Риторика

– Да. Всё это у них в чипе. Учиться не нужно, они и так всё знают и помнят. Ещё они могут менять своё прошлое. Тело может находиться здесь, а они жить годами в других мирах.

– Что за бред? – Алекс ухмыльнулся и сказал, – забили дебилам голову сказками.

– Так говорят вообще-то! – обидчиво прекратил рассказ порк.

Прохожие, идущие навстречу, почтительно уступали ей дорогу и сходили с тротуара. А Кэт плыла, не замечая других людей. Обзор улочки был отличный и Алекс Москва хорошо разглядел Кэт, точно понял, что это она. «Подними голову вверх, посмотри вверх, посмотри на меня!» – мысленно обращался к ней Алекс, чтобы всё-таки убедиться в своей правоте. Сердце ещё раз кольнуло, на этот раз овеванное ветерком надежды. Ему казалось, что она мельком посмотрела на его окно.

«Нет, показалось», – обнадѣжился Алекс. Кэт шла дальше, не останавливаясь. Если бы она его заметила, то обязательно дала бы знать. Через несколько секунд она скрылась в подъезде четырехэтажного дома, отворив огромные современные парадные двери. «Какова вероятность того, что она оказалась здесь случайно? В огромной Цитадели с огромным населением?» – его мысли прервало протяжное криканье, противное человеческому уху.

Молодые порки поспешили к шлемам виртуальной реальности, которые висели на стене.

– Десятиминутка! – почти восторженно, повысив голос, сказал один из них, – наденьте дерьмошлѐмХ* и смотрите, не то вас накажут!

Это звучало как-то по-детски. Алекс выглянул в окно и увидел, как прохожие заспешили к ближайшим кабинкам со шлемами. Порки в комнате уже проворно нацепили ближайшие шлемы и замерли в ожидании. Он решил согласиться с предложенным ему и тоже надел шлем на голову. В наушниках заиграл какой-то немецкий рэп вперемешку с детской распевкой на английском. Странное сочетание. Алекс прислушался, баварское мягкое «ишь» скрашивало природную грубость немецкого. Ich will wieder spüren was es heißt frei zu sein* (Я хочу снова почувствовать, что значит быть свободным). Странно, но она, безусловно, была прекрасна. Бюст носил название «Незаконченный портрет Нефертити», на нём Великая Царица в головной накидке, покрывающей уши. Идеальный профиль почему-то напомнил Кэт. Найденный в 1923 году бюст вызвал немало научных дебатов в археологических кругах. Пожалуй, это было единственное изображение настоящей культурной ценности во всей трансляции. Остальные экспонируемые предметы принадлежали к так называемому «метамодернитскому» и «современному» искусству последнего периода перед Гнаб Гибом. Завершалось это представление изображением огромных ягодиц. Экспонат замер на экранах перед зрчками. Говорить о свободе в песнях? Похоже на призыв к мятежу. Или презрение. Он внутренне улыбнулся – «какой мятеж?» Среди местного населения едва один процент тех, кто смог бы понять словосочетание «foolish games» без словаря. Но, чтобы заглянуть в словарь нужно было иметь мозги и понимание, что за словами в песне может стоять смысл. Тот, кто поставил музыкальное сопровождение визуальному ряду в шлеме, определённо ничем не рисковал и имел чувство юмора. Этот человек похоже открыто издевался над порками. Из всего мусора, транслируемого в шлеме, Алекс узнал только скульптуру Нефертити в Кварците из Египетского музея.

Странное ощущение погрузило Алекса в собственные мысли. Он начал думать о Кэт, о том случайно ли она прошла по улице, о Нефертити. Её бюст транслировали в шлеме. О сопоставлении этих двух красавиц. Внезапно Алекс вспомнил, что когда-то рассказывал Кэт о её сходстве с Нефертити. Конечно, сейчас с подведенными глазами и ресницами, этой штукой во лбу она не была похожа на египетскую царицу. Он даже назвал её однажды Нефертити в шапочке, а Кэт переспросила – «о какой шапочке идёт речь, о колпаке?» Алекс тогда отрицательно покачал головой и рассказал про великолепную находку в окрестностях царской столицы города Амарны. Он один из немногих русских, приехавших на отдых в Египет, самостоятельно посетил Египетский музей в Каире. Там увидел самый большой бюст Нефертити, который поразил его своей красотой. Воображение придавало губам мягкость человеческой плоти, оживляло глаза и кожный покров. Увиденную красоту невозможно было мысленно созерцать — настолько она была прекрасна. Так и не найденная гробница Великой Царицы Египта навсегда унесла тайну того, как она выглядела на самом деле, оставив её недостижимым абсолютом.

Браслет на руке завибрировал. Изображение в шлеме начало пульсировать, быстро то увеличиваясь, то уменьшаясь. Музыка стала громче. Алекс понял, что ему нужно сконцентрироваться на трансляции. Когда он сфокусировал взгляд на «произведении» вибрация прекратилась, звук трансляции приглушался и изображение перестало мерцать. На картинах перед глазами появилось изображение — полоса с двумя строгими глазами. В наушниках раздался мужской голос:

– Предупреждение! Не отвлекайтесь от просмотра произведений. Не отвлекайтесь от просмотра. В следующий раз, вам будут начислены дополнительные проценты на ваш кредит и социальный рейтинг потеряет несколько баллов. Повторяю, вам могут быть начислены дополнительные проценты на ваш кредит и социальный рейтинг потеряет несколько баллов. Подтвердите получение информации, если вы поняли, громко и чётко скажите: «Мне всё понятно про кредитный процент и социальный рейтинг».

– Мне всё понятно про кредитный процент и социальный рейтинг.

Молодые порки повернули шлемы в его сторону. На лице одного заиграла мерзкая улыбка.

Изображение огромной задницы вернулось. Алекс попробовал закрыть глаза. Браслет снова завибрировал. «Вот суки!» – Алексу стало неприятно от того, что его принуждают к просмотру этой дряни, он с трудом сдерживал своё жгучее желание снять шлем и разбить его на несколько мелких частей о стену. «Ну, мы ещё посмотрим кто кого. Кэт вытащу и мы с ней спалим всё здесь на хрен к едрёней фене», – злобно подумал Алекс. Через минуту трансляция прекратилась.

– А что за музыка играла сегодня в начале? Варда, что за язык? – обратился один порк к другому.

– Хрен его знает, надо будет не забыть спросить у отца, когда увижу. Он хорошо в языках разбирается, может на слух определить, что это за язык.

– Мдаа... – протянул Алекс, – не из каждого жёлудя могучий дуб вырастает... – что за имя такое, Варда? Ты из греков или евреев?

– Я из греков, наверное.

– Ну, если из греков, опасайся кубков с ядами в жизни и книжки читай. У вас тут есть библиотека?

– Есть, но она закрыта, туда никто не ходит.

– Понятно, пойду пройдуся, если меня будут спрашивать скажите, что ушёл по делам, через час вернётся, – сказал Алекс.

– Нельзя гулять без пропуска и разрешения! – порки беспокойно переглянулись и у одного из них округлились глаза.

– А то что? Проценты по кредиту повысят или рейтинг понизят? – ехидно и с ухмылкой ответил Алекс.

Порки растерянно пожали плечами. На самом деле они не знали, что грозит за такое непослушание, но были уверены, что наказание будет несоразмерным удовольствием от прогулок.

– Варда, и этот... как тебя там... Ушастый, – Алекс захотел ещё раз ткнуть щенка мордой в свои нечистоты за «урода горбоносого», – если меня никто не спросит, нечего трепаться, что я выходил. Иди сюда, Ушастый, – он зажал указательным пальцем датчик касания с кожей на тыльной стороне корпуса браслета, снял его и надел на ногу порка свой чёрный электронный браслет, – носи и никому не показывай, пока я не вернусь. Понял?

Тот кивнул, но взгляд наполнился ужасом.

– Раз понял, значит хорошо... – спокойно ответил Алекс и направился к выходу.

– Извините, если вас поймают без браслета на улице, нас обоих казнят. Выход на прогулку в несанкционированное время вне графика запрещен. Скрытие информации о преступлении ещё большее преступление и карается казнью.

– Не казнят, не переживай, я не дам себя поймать, – Алекс улыбнулся ему как можно увереннее, чтобы успокоить и снять нервозность юноши, который рухнул на стул и стал ломать себе руки.

Алекс вышел из комнаты и пошёл в противоположную сторону от лифта к лестнице. В коридоре никого не было, повезло. В этой стороне камера была только напротив лестничного пролёта и висела на высоте, позволяющей дотянуться до неё вытянутой рукой. Он натянул капюшон почти на брови, нос и рот закрывал самодельный платок из большого куска футболки. Алекс остановился, не доходя трёх метров до камеры и остался в слепой зоне. Как всегда, монтажники выполнили свою работу спустя рукава и оставили провод питания доступным. Белый провод тянулся по стене к блоку с счётчиками электроэнергии. Алекс подцепил его пальцами, потому что отвёртки не было, зажал в кулаке и резким рывком выдернул концы из автоматического выключателя. Концы высвободились легко, видимо при монтаже так спешили, что толком не закрутили винты, прижимающие питание камеры. Он взглянул на объектив, красные диоды больше не горели, значит можно идти. Двери на лестницу не запирались. В Цитадели иногда случались пожары, обитателей заселяли в сохранившиеся постройки и коммуникации в зданиях очень часто оставляли желать лучшего. Пожарные проходы было решено держать не запёртыми. Перед выходом в фойе на первом этаже Алекс снял платок-маску с лица. С одной стороны после эпидемии многие продолжали ходить в масках, но на них были напечатаны персональные бар-коды, по которым системы распознавания идентифицировали личность, с другой при появлении на мониторе человека, явно прячущего лицо, могло вызвать подозрение. Он провел длинный волнистый штрих по линии своего носа и закрасил с одной стороны мимическую носогубную морщину, с другой стороны нарисовал на такой же морщине небольшой крест. Легкий мейк-ап

должен был ввести в заблуждение систему, но не привлекать внимание прохожих. Делал он это при помощи розовой помады, которую ловко стянул у медсестры, принимавшей кровь на анализ.

На своей белой футболке он разрисовал чёрным маркером большое шахматное поле из мелких чёрных квадратиков с изменёнными пропорциями к центру рисунка, так, чтобы система постоянно переводила фокус на рисунок, пытаясь распознать его. Алекс случайно попал в Гонконг во время крупных столкновений с полицией и видел, что такая маскировка вполне успешно защищала приватность протестующих. Конечно, лучше было бы полностью закрыть лицо платком, очками и головным убором. Но в Цитадели это было не реально. Москва три дня назад в кафетерии увидел лежащий на полу маркер рядом с кофемашиной в закассовой зоне. Он, честно, поднял его над головой, демонстрируя окружающим и как бы вопрошая «чей?». Никто не обратил на это внимания и он незаметно положил маркет в карман штанов.

Выйдя на улицу, Алекс направился в сторону здания, где пару минут назад скрылась Кэт. Он надеялся увидеть её, когда она будет выходить. Навстречу шли два порка: женщина и мужчина. Алекс приближался к ним навстречу, не поднимая голову. Поравнявшись, они столкнулись плечами и у мужчины из рук выпал деловой портфель. Алекс бросился поднимать, извиняясь за свою дикуую неуклюжесть.

— Смотри куда идёшь, увалень, — принимая в левую руку протянутую Алексом сумку, — вообще оборзели, идиоты татуированные! — громко сказал прохожий вслед быстро уходящему Алексу. Он принял линии начерченные помадой за татуировку.

«Есть! Спасибо дядя, вы друг другу так и не научились уступать и это здорово», — подумал Алекс Москва. Пряча руки в карманах толстовки, Алекс надел на свою руку браслет прохожего. «Теперь мы не совсем безымянные, хотя я не знаю как меня зовут, но теперь я, например, «Мистер-Х»». Сложность была в том, чтобы стянуть браслет незаметно и удерживать датчики контакта с телом на обратной стороне. Алексу это удалось.

Вот это здание. Совершенно нигде нет ни надписи ни таблички, как будто что-то очень секретное скрывало в себе это строение. Алекс попробовал открыть двери. Они оказались заперты, хотя Кэт вошла, не прилагая никаких усилий. Возможно, закрыли изнутри. Нужно найти место, где можно незаметно переждать и понаблюдать, не привлекая внимания, это была сложная задача. Алекс шёл дальше по улице и искал глазами арку или подъезд, но ничего подходящего рядом не было.

В полдень улица огласилась звуковым сигналом, не похожим на предыдущее кряканье, приглашающее на десятиминутки. Алекс подумал, что это что-то вроде выстрела пушки с бастиона Петропавловской крепости, но, оказалось, что пришло время обеда. По мановению волшебной палочки ровно в 12:00 подняли жалюзи многочисленных кафе, столовых и закусочных. Толпы людей высыпали на улицы и заполнили заведения.

В Цитадели время снова стало играть значение. Оно дисциплинировало, сводило к минимуму хаос, вносило порядок в жизнь, но тяготило Алекса.

В первые два дня он пропустил это муравьиное шоу, потому что сидел в своей комнате и ему никто не рассказал о времени обеда. Комендант здания показал местный кафетерий, объяснил,

как пользоваться браслетом, чтобы оплачивать купленную еду. За это Алексу начислили беспроцентный кредит.

Еда оказалась совершенно невкусной и пластмассовой. Он попробовал несколько блюд. В первый же вечер у него схватил живот и пришлось долго просидеть в уборной от несварения непривычной пищи. На второй день он ограничился только одним приемом пищи и позавтракал рисовым хлебом, маленькой порцией каши и кофе, который имел вкус отвратительно помойного поила.

Оказавшись среди активно движущейся толпы, Алекс заскочил в небольшую чайную или скорее даже кофейню. Присел недалеко от окна, но всё же в глубине помещения. На входе аккуратно растёр помаду и теперь просто походил на человека с розовыми пятнами на лице.

Глядя на соседние столики кафетерия и на то, с каким аппетитом уплетают яства другие посетители, он вспомнил великолепный бульон от Ба и ещё раз мысленно поблагодарил её за то, что спасла ему жизнь. Именно в этот момент, словно копья, солнечные лучи продырявили серые тучи на небе. Когда Алекс наливал кофе из машины, стоящий рядом в очереди порк болтал, по всей видимости, с коллегой и не заметил, как Алекс аккуратно поднёс считыватель к его браслету и списал оплату за кофе со счета говорливого служащего. Глупо было светить «свой» новый браслет, если потом кто-то будет пытаться отследить его.

Они сразу поймут, что Алекс сидел напротив здания, куда вошла «Фангшин Рен». Хотя, вполне возможно, что браслеты отслеживались через Беду. Алекс осторожно огляделся, стараясь привлекать как можно меньше внимания. За периметром часто говорили, что в Цитаделях все ходят строем и в одинаковой униформе. Оказалось, это не так. Представление о жизни в цитаделях разительно отличалось от жизни за ее пределами. Алексу нравилось снова окунуться в "цивилизацию", но шум и суета вокруг раздражали.

Теперь нужно было привести мысли в порядок и решить как действовать дальше. Алекс быстро нашел Кэт, это хорошо. Самое главное дать ей знать, что он тут и что пришёл вызволять её. Сообща будет легче прорваться на волю. Наверняка она уже знает много об устройстве Цитадели и охране внешних периметров. Для начала нужно изучить, не привлекая к себе внимания, как система безопасности реагирует на приближение к периметру. Найти слабые места. Прорываться нужно не там, где кажется, что мало охраны или камер, наоборот, там, где хорошо охраняется, найти слабинку в тех местах, где противник считает себя неуязвимым. Лучше всего сравнить между собой два сильных отряда охраны. В битве слонов больше всего трофеев достается муравьям.

Алекс, когда входил в Цитадели, обратил внимание на то, как экипированы солдаты, охранявшие периметр. Интеллектуальные шлемы, экзоскелеты, неизвестные типы винтовок стрелкового оружия, дроны давали стопроцентное поражающее преимущество в прямом столкновении. «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт. Нужно найти пути, как обойти охрану. Подкупить? Пока непонятно, как здесь можно быстро и много заработать. Похоже, что вся экономика в руках китайцев. Государство рулит. А если государство рулит, то... Иначе какой уважающий себя предприниматель позволил бы в своём заведении такую мочу называть кофе? А окружающие жрут и пьют всё это и молчат, потому что нет альтернативы, другого нет», – думал Алекс.

Человеческую власть во все времена и во всех её проявлениях всегда сопровождала коррупция. Маленькая власть — маленькие возможности. Абсолютная власть — неограниченные возможности. Большая власть с большими возможностями где-то посередине. Когда возможностей много и так называемый «элитарий» не может использовать всю власть целиком для себя и своих нужд, то начинает конвертировать этот ресурс в деньги, потому что понимает, что власть как ресурс — не бесконечна. Её нельзя сохранить, положить в сейф или на счёт. Возможности, которые она даёт, нужно использовать сегодня. Завтра их может не быть. В каком обществе было бы возможно отсутствие коррупции? Наверное, только в полностью свободном, где вообще нет никакой власти.

Если здесь у кого-то есть власть, значит можно купить не отконвертированный ресурс. Таким образом Алекс и попал в Цитадель. Безусловно, порки жили в относительном изобилии и безопасности. Они выходили из своих жилищ без опасения быть сегодня убитыми. Всегда была еда, кров и одежда. Возможность работать; доступ к книгам и даже развлечениям. По вечерам на полчаса каждый браслет выводил своему владельцу голографический экран, наподобие экрана планшета и предоставлял доступ в местную сеть, некое подобие интернета. Но в их жизнь вновь вернулись все самые отвратительные пороки человеческого общества. Из самых тёмных закоулков душ снова воскресли рафинированные: тщеславие, гордыня, умение одурачить близкого, мелочность. Изощённо скрываемая агрессивность и бесчувственность — визитные карточки порка.

Зло за периметром было конкретным, прямым и всеобъемлющим, представляющееся перед человеческим взором во всей его шокирующей обнажённости и всё же представляло меньше опасности для каждого. Здесь же в Цитадели зло усилено человеческой подлостью, люди сами стали маскировать его под добродетель, придав чёрному грязно-серый цвет, сделав его ещё более отталкивающим. Тут нельзя действовать в лоб. Если кто-то и занимался поиском истины в ЭТОЙ жизни, то он рано или поздно приходил к выводу, что она не может быть однозначной и плоской. Истина не может быть «одна».

Все мы хотим узнать такую истину, которая проста, понятна и приятна. Мы хотим её легко одеть, как крылья Икара последней модели, уже прошедшие лётные испытания и проверенные целыми поколениями мудрых пользователей. По нашему мнению она должна позволить нам безопасно летать на ней всю свою жизнь, куда вздумается.

Но истина не хочет быть такой. Она не готова к такому пониманию себя. Человек, жаждущий удовольствия от истины вызывает у неё презрение. Она не для вкусового наслаждения и не готова быть пережёванной, а затем пущенной по желудочно-кишечному тракту в клозет. Истина позволяет дружить с собой только мыслящим существам. Но она редко приоткрывает свои облики в тысяче вариантов и сотнях уровней и подуровней смысла.

Этот спасшийся народец — порки были, явно, тупиковой ветвью человеческой эволюции. И ни одно из звеньев, сохранившейся государственной иерархии в лице КПК, не стало бы бесцельно сохранять и фактически сдерживать этот биомусор. В основе их выживания лежал чей-то холодный расчёт и вполне реальные и достижимые цели со своими статистикой, показателями, системой управления. Кто-то хорошо продумал быт, общественные связи, идеологию и права порков. Они являлись подопытными кроликами, скорее даже крысами, в каком-то грандиозном эксперименте. Узнать бы кто этот новый «великий архитектор» и чего он хочет получить от порков на выходе. Благодаря этой информации можно было бы симитировать результат и продвинуться в социальной иерархии.

Через час после обеда Алекс заметил очень странное зрелище: народ стал засыпать на столах, те, кому не хватало места в помещениях, выходили на улицу и спали на газончиках и скамейках на открытом воздухе.

Алекс понял, что он практически единственный, кто не спит в помещении. Самое время заменить браслет и слегка запутать систему. Он сидел вполоборота к камере, так угол обзора камеры не позволял увидеть, что происходило под столом. Он аккуратно поменял браслет «Мистера-Х» на браслет спящего рядом порка. Даже, если бы кто-то из окружающих пристально наблюдал за ним, то ничего бы не заметил. «Теперь я Мистер Y». Выходя, он незаметно стянул чужую куртку со спинки стула, в кармане лежало несколько масок с нанесённым баркодом. Алекс вышел из кафетерия и нашёл место на улице на газоне у фонаря, устроился и сделал вид, что спит, а на самом деле продолжал внимательно наблюдать за дверями, за которыми скрылась Кэт. Через три четверти часа прозвучал сигнал к пробуждению, за это время из дверей так никто и не вышел. Стало понятно, что сон регламентирован. Служащие начали подниматься, отряхиваться, возобновляя общение с соседями.

– Как у вас дела? Вы работаете в шестом корпусе? – спросил Алекса сосед по газону, глядя на нашивку на рукаве новой куртки.

– Что? А! Это! Нет. Мне одолжил её приятель, я не очень себя чувствую, – улыбнулся Алекс, поймав удивлённый взгляд собеседника, тут же подумал – «отвали от меня, чудило» и направился обратно к кафетерию. Пришлось вернуть куртку на место, хотя изначально планировал уйти в ней.

Спящий человек снова ожил и пришёл в движение, некоторые допивали остатки кофе в недоумении глядя на то, как Алекс возвращает куртку. Москва решил не оставаться на улице, но кафе стали закрываться. Он снова вышел на улицу.

Видимо, всё-таки дресс-код присутствовал, на рукавах людей были различные эмблемы, которые отличались не только по форме, но и по цвету. На эмблемах были вышиты иероглифы и поначалу Алекс принял эти нашивки за местную модную «фичу». Нашивки были не у всех. «Нужно учиться читать иероглифы, а то так можно спалиться», – решил Алекс.

Тот порк, который спрашивал про работу, стоял рядом с другим в оранжевом жилете и показывал рукой в сторону Алекса. У Москвы неприятно подтянулась вверх диафрагма. Наблюдая за ними боковым зрением, решил не бежать, а двигаться в сторону этих двух к ним навстречу. Проходя мимо них, Алекс улыбнулся. Это слегка их сбило с толку. Он наткнулся на тяжелый взгляд служащего в оранжевом жилете, складывалось впечатление, что тот пытается запомнить внешность Алекса. Второй фальшиво улыбнулся в ответ, это была социальная реакция, а не искренний ответ. Не теряя самообладания, Алекс прошёл мимо. Появился даже какой-то драйв.

Он увидел, как люди расходятся по зданиям, видимо, отправляются на работу. Некоторые входили в серое трехэтажное здание. Среди них были и те, кто не носил нашивок. Алекс ускорил шаг и смешался с толпой, входившей в одну из высоких дверей. Он постарался побыстрее войти, чтобы скрыться от тех двоих наблюдавших за ним.

В здании образовалась очередь. Порки по очереди подходили к турникету и прикладывали свои браслеты к считывателю. Алекс встал в очередь, понимая, что у него может не оказаться доступа в здание и тогда прогулка закончится плачевно. Он увидел, как женщина отделилась от толпы и направилась к двери справа. Рядом с дверью на стене размещалась табличка со знаками уборной без гендерного разделения.

Через некоторое время она вышла и Алекс последовал в помещение уборной. Он внимательно осмотрелся и первым делом разбил браслет о стену, а обломки завернул в туалетную бумагу и слил в унитаз. В стене на уровне выше человеческого роста было небольшое слуховое окно, но в него вполне мог пролезть человек средней комплекции. Алекс подпрыгнул и, подтянувшись на руках, заглянул в окно. Оно выходило в небольшой дворик, засаженный деревьями палисадник был ограничен кованым забором.

Частокол с эмблемами сосуда Гигеи состоял из прутьев в виде пик с заострёнными наконечниками. Москва догадался, что раньше тут была поликлиника. Кроны деревьев скрывали окно от посторонних глаз и если бы кто-то смотрел сверху, то едва ли разглядел Алекса. Он перелез через раму и выбрался наружу. В помещении хлопнула дверь, видимо кто-то ещё зашёл в уборную, он вовремя успел выпрыгнуть. Нужно было возвращаться в кампус, на сегодня достаточно. Он достал маску, натянул на лицо, так как снова разрисовывать себе лицо было опасно. Метров через пятнадцать он обнаружил проём в ограде. Ничего не поменялось, отсутствующая в заборе пика, осталась символом вечной борьбы между ограничением и символической свободой перемещения. Одни устанавливают границы, другие, которым всегда тесно в этих границах, их нарушают.

Алекс решил обойти то место, где его разглядывали те двое. Идя по улице, увидел странную надпись «Свободен от постоя», она сохранилась на каменных въездных воротах какой-то усадьбы, видимо ещё с гусарских времен. Город, где сейчас находилась Цитадель раньше переделывали и перестраивали многократно. Но теперь город словно застыл. Он был очень молод по сравнению с древними стенами Рима, Багдада, Дамаска, но народившись и насытившись от энергии живущих тут поколений, смелых и сильных людей, быстро стал влиять на судьбы старших братьев. Но теперь город словно застыл. Он как некое мифическое существо стыдливо наблюдал за происходящим, брезгливо отвергал энергию живущих в нём низших существ и медленно увядал. Немного не доходя здания общежития, Алекс сбросил браслет в ливневку, которую закатали в асфальт ещё при последнем мэре города, а восстановили и заново запустили уже при китайцах.

Алекс вернулся в кампус и поднялся в комнату тем же путем, что и выходил. Порки заметно приободрились, когда он вошёл. Они вскочили ему навстречу их мрачные взгляды тут же посветлели. Молодые соседи Алекса подвергались большой опасности и не могли не нервничать.

— Вас так долго не было. Варна уже хотел идти в комендатуру и сдавать всех нас! — сказал ушастый.

— Не моросите, парни, я же сказал, что вернусь и всё будет норм.

— Это очень опасно, — сказал Варна с огоньками восхищения в глазах.

Алекс ничего не ответил, он вспомнил свои двадцать лет. Молодых во все времена привлекает риск и вызов системе. Любой. Молодые всегда испытывают мир и законы мироздания на прочность. В прежние времена, когда ты ещё не был отягощён профессией, семьей, имуществом, именно в молодости нужно было бросать вызов системе. Когда, как не в этот период жизни? Молодость дана для того, чтобы свергнуть с пьедестала старых идолов и воздвигнуть на их место новых. Вакуум жизненного опыта молодой души несёт в себе огромный заряд энергии разрушения. И у каждого человека рано или поздно наступает момент, когда эта сила вырывается наружу. У некоторых этот процесс напоминает «большой взрыв», у других «тихий хлопок».

Если душа молодого человека или девушки к этому времени так и не успела наполниться знанием и мудростью предыдущих поколений, то зачастую её наполняет собой любой, первый попавшийся под руку, новый «гуру». Такие часто зачастую дают ложный толчок, ломая человеческое и сущее. Вместо того, чтобы наполнять молодые души силой и энергией, охранять, учить и выпускать в мир, поработают их, высасывают и выжимают до последней капли. А потом выбрасывают безжалостно за порог, как старую тряпку. И хорошо, если такую потрёпанную душу все ещё можно заштопать.

И вот молодая душа побитая, с рубцами, немного покалеченная, но уже чувствующая, что мир не такой безобидный, как казалось в детстве, или расправляет крылья вновь или скукоживается, как проколотая камера мяча, превращая своё временное обиталище в трусоватую личность. Способность расправить крылья зависит только от веры в себя и немного от тех, кто идёт в этом периоде жизни рядом. Веру в себя рождает действие, созидание, которое естественным путём приходит на смену разрушению. Действие, ведущее сначала к маленьким, а затем и масштабным победам. Величина побед зависит только от смелости и воображения обладателя. Алексу повезло он не стал трусом.

— Опасно быть глупым и самодовольным. Ты увидел во мне самодовольство? Или может быть глупость? — спросил Алекс.

Варна отрицательно покачал головой, а ушастый молча слушал. Он немного успокоился, когда Алекс снял с его лодыжки браслет и надел себе на запястье.

— Опасно болтать направо и налево о том, что видел. Если будете держать язык за зубами, то с вами всё будет хорошо, я даже вас отблагодарю потом. А если проболтаетесь — вас казнят. Что выбираете? Варна? Ушастый?

— Держать язык за зубами! — воскликнул Варна. Ушастый закивал вслед.

— Ушастый, ты тоже выбираешь молчание?

— Да, конечно, только, если нас спросят...

– Не спросят. Они не знают, что я выходил. Если бы знали, они уже были бы здесь, не сомневайся,
– Алекс перебил Ушастого.

– Простите, можно спросить? – Ушастый поёрзал на стуле.

– Давай, валяй.

– Вы многих убили, ну живности? Там, за периметром?

Алекс помолчал и внимательно посмотрел в глаза Ушастому, тот пытался выдержать взгляд, но не сумел и снова отвёл глаза.

– Живности? Да. Много. Особенно сырых, молодых, ничего не смыслящих недоумков твоего возраста, которые ничего не умеют и не знают. Они лучшая и самая лёгкая добыча.

«Господи, их родители и в ТОЙ жизни были ограждены стенами и считали всех, кто вне этих стен, в лучшем случае, охлосом, чернью. Люди за периметром для них что-то вроде неведомых зверушек. Поразительно, как это дерьмо пролезает за ними везде, где только они появляются», – подумал Алекс Москва.

Что давала дихотомия «мы и они» поркам? Восстанавливало утраченное и растворённое в желании выжить чувство собственного достоинства? Давало им ложную убеждённость в победе цифры над буквой, ростовщическо-организованной модели мира над миром идей и познания? Денег над совестью?

В чём разница между понятиями «держат ответ» и «держат отчёт»? Задумывался ли кто-нибудь... (из вас) над тем как стремительно цифровая цивилизация поглощает цивилизацию текста? Ведь с самого Начала, когда в «Начале было Слово», человеческая культура жила в парадигме текста, которая очень агрессивно стала вытесняться технологиями построенными на двоичном коде. Теперь там, за периметром Цитадели, двоичный код потерял свою ценность и просто перестал существовать. Может ли Слово в войне с Цифрой пожертвовать своим носителем — человеческим сознанием, как жертвуют кораблями, открывая кингстоны в морском сражении, когда невозможно победить и при этом нельзя отдавать корабль врагу?

Вы спросите... как же слово может жертвовать или даже убить, это ведь всего лишь нематериальный инструмент речи? Вы так в этом уверены? Чем иным является слово, если не чистой энергией? Энергией, при помощи которой я касаюсь вашего мозга и сознания, вот прямо сейчас, когда вы читаете эти строки. Измеримой энергией, заставляющей вспыхивать миллионами вполне материальных импульсов в нейронных сетях коры головного мозга и рисовать в вашем воображении новые образы, пространство и время, миры, а?

Помните... Слово ранит, слово калечит, слово лечит? Что ещё нематериальное имеет такое сильное влияние на человека?